

Сергей Николаевич Шкенёв Архангелы Сталина

«Архангелы Сталина»: Яуза, Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39679-5

Аннотация

Дьявол уже посещал сталинскую Москву — в романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита». Теперь настал черед посланников Небес. Но что делать Архангелу, ненароком оказавшемуся в СССР? Да то же, что и всегда, — беречь и защищать Россию! Ну и, по возможности, расширять ее территориально. Что не так уж сложно, когда в подчинении у тебя сам Лаврентий Павлович Берия, причисленный к лику мучеников, богомазы расписывают храмы светлыми ликами Иосифа Грозного, героев Советского Союза награждают орденами Ленина с мечами, наркомом культуры назначен Михаил Афанасьевич Булгаков, Патриарх, сверкая Георгиевскими крестами, рассуждает с товарищем Сталиным о богоугодности танковой промышленности, «сталинские херувимы» завоевали полное господство в воздухе, а непобедимая Красная Армия идет Крестным ходом в Европу...

Говорите, Бог есть любовь? Верно — любовь к социалистическому Отечеству!

**Сергей Шкенёв
Архангелы Сталина**

Автор предупреждает, что все имена собственные, географические названия и прочие

события вымышлены, и узнавание себя в некоторых героях является неспровоцированным приступом мании величия.

Глава1

*Ты не жди, не зови меня.
Ангел был никудышний я.
С.Трофимов*

Житие от Гавриила

Вы помните как всё это начиналось? Нет, вы этого и не можете помнить. Это моя история. Или не только моя. Но я вам её расскажу. И напарник поможет. Вот он рядом сидит, головой кивает. Будто и вправду слушает. Но как проснётся, он конечно скажет.

Всё началось с приказа. Вот какая вроде бы мелочь, приказ о понижении в должности. И что переживать? Не первый он, да и не последний, надеюсь.

Изя выскочил из кабинета шефа, имея донельзя бледный вид и повышенную взъерошенность организма. В руке у него был судорожно зажат внушительного вида свиток с яркими восковыми печатями на витых шнурках. Я из интереса пересчитал печати. Три штуки. Почётно. А у меня только две. Ну не считать же ту, что шеф не стал крепить к шнурку, а попросту запустил мне в голову.

— Нет, ты это видел?

— Да видел. Видел.

— Нет! Ты это не видел.

— Изя, прекрати истерику. И вообще, перестань тыкать этой бумажкой мне в рожу. И не морочь мне голову. Я такой же папирус получил полчаса назад. Ты почему опоздал?

Изя изобразил удивлённую физиономию и попытался свалить всё на меня.

— Но, Гиви, ты же не сказал что нам нужно к девяти утра по московскому времени. Я в Лондоне был. Вот и пришёл по Гринвичу.

— И что, разница между Москвой и Лондоном только полчаса? — Я безуспешно попытался изобразить сарказм в голосе.

Изя достал из кармана глобус.

— А разве нет? Я по карте смотрел — вроде близко. Да ты сам погляди.

Порой сам себе удивляюсь, и как я за столько лет этого хмыря не прибил? Поистине нужно архангельское терпение. Ах, да. Теперь уже просто ангельское. Почему просто ангельское? Так разжаловали нас с Изей из архангелов в простые ангелы. Вот только что. Ладно ещё не в эти... Как их там... С неприличным названием. Точно — херувимы. И зарплату вдвое срезали. Если бы мы её деньгами получали, то это ещё ничего. Но ведь божьей благодатью.... По вчерашним котировкам это.... Да разве вам, людям понять, что такое божья благодать.

И свитки папирусные нам на память вручили. А там золотым по серо-жёлтому такого про нас. И зачем мне эта торжественность?

Вот если бы наградили. Например Золотым Пером в правое крыло. Хотя бы Серебряное в левое. Но это я размечтался. Перо у нас только угодникам и апостолам положено. И зачем им оно, если крыльев нет? Наш шеф приспособился на лысину награды крепить. Ходит как Чингачгук, прости меня Господи.

Или всё началось чуть-чуть раньше? Пожалуй что и так. Началось всё с очередного вызова к шефу.

— Итак, господа архангелы — божьи чины, — шеф сделал многозначительную паузу, — вам поручается важная миссия.

— В мусульманском раю девственниц сторожить? — сразу оживился Изя.
— Нет. — Отрезал шеф. — Тебя вообще туда на пушечный выстрел не подпустят.
— Но шеф, в джаханне нет пушек. Рай всё-таки.
— Молчать! Смирно! Слушай приказ. Вы оба, для архангела Израила повторю — вдвоём, отправляетесь в качестве моральной, духовной и божественной поддержки на Северный Полюс. Старшим назначается архангел Гавриил. Вопросы?

Вопросы у меня были. И самый главный из них я задал:
— А на фига мы там нужны, шеф? Пардон, Ваше Высокочудотворие.
— Будете сопровождать экспедицию Чилингарова. Отплытие завтра утром из Мурманска на «Челюскине». Документы получите в бухгалтерии.
— Извините, шеф, — влез неугомонный Израил., — а я читал, что корабль из Архангельска отходит. И разве на «Челюскине» поплывём?

Недовольный шеф заглянул в ноутбук, мирно жужжащий на столе, и пробежался по клавишам.

— Теперь уже из Мурманска. Послезавтра. За сутки успеют перегнать. И не перебивай начальника! Мне лучше знать название парохода!

Выйдя из кабинета, Изя только жалобно захлопал глазами и потребовал у меня разъяснений.

— Гиви, он что, совсем очумел? Какой пароход? Мы же во льдах потонем. Там ледокол нужен.

— Поздно, Изенька. Нам ещё повезло, что шеф нашу экспедицию не на поморских кочах отправил.

— Но почему?

— Элементарно. Он кроме «Челюскина» других названий не знает. Ему на льдине голову немного отморозило. Наш уважаемый шеф на дрейфующей станции «Северный полюс-1» начальником был.

— Не может быть. Я же там радистом... RAEM — мои позывные. Так вот почему он на меня так нехорошо последние семьдесят лет косится. Наверное за то, что при чистке оружия пару деталей от примуса подбросил. Товарищ Папанин потом три ночи не спал, пытаясь лишние запчасти к маузеру приделать.

— За что ему такие шутки?

— А, — отмахнулся Изя, — политика. Они втроём с Ширшовым и Фёдоровым под спиртик партийные собрания проводили. А меня, как единственного беспартийного, из палатки на мороз выгоняли. Все окрестные белые медведи меня уже в лицо знали. В него же и смеялись.

Вы удивляетесь такой командировке? Было бы чему. Вполне богоугодное дело укрепления и расширения православно-мусульманского государства. Не зря же мы с Изей в Русском отделе нашей конторы трудимся. А что мусульмане? Как что? Или вы татар нерусскими считаете? То-то и оно. Народу много, а Архангелов мало. Но ничего, справляемся. Изю постоянно в качестве ангела смерти привлекают. На полставки. Шеф и то, бывает, святым Хызром подрабатывает. А на Новый Год Дедом Морозом.

Структура нашего ведомства проста и незатейлива. В нём всего два отдела, наш — русский, и ещё нерусский, который и занимается католицизмом, протестантством и прочими еретиками, включая баботисков и англиканцев. Свидетели Иеговы и адвентисты седьмого дня, те стоят на учёте у вероятного противника. Ещё у нас есть подотдел раскаявшихся грешников. Что? Нет, благородные киллеры, так любимые современными писателями, не по нашему профилю. Также подотдел адаптации и распределения душ (куда нас и сослали обычными сменными дежурными), и управление делами Райских Куш. Но туда, в основном, бывшие агрономы попадают. А вот гринписовцев, тех сразу сковородки лизать. Тефаль всегда думает о них.

Ну, это я опять отвлёкся. А так, расширение русской территории как раз под наш

профиль попадает. Вот, помнится, водил как то казаков в Сибирь.... Да, были времена. Я в золочёных доспехах с орлами. В руке сабля посвистывает. На ногах алые сапоги поскрипывают. Над ухом стрелы повизгивают. И общую идиллию только Изины вопли нарушают. Вот надрывается: — «Ерёма, к Иртышу отходи, прикрою!» Прикрыл, собака. Я потом полдня крылья над костром сушил. Нашли, блин, водоплавающую лебедушку.

Он мне так обратную амбаркацию решил залегендировать. А мне перед историками стыдно. Их с началом перестройки много помирать стало. И всех в рай направляют. Ну ладно, не всех. Есть ещё и лауреаты Нобелевских премий, и германофилы всякие вермонтские. Это, конечно, не наш контингент. А честных, тех к нам. Думаете мало их, честных историков? Очень даже много. Оба они честные. И Ломоносов, и Гумилёв. Правда и умерли задолго до перестройки.

А перестроечные историки трусами на рынке торгуют. И зря смеётесь. У меня знакомый доктор наук натуральным бельём от кутюр капиталец изрядный сколотил. Жена у него шьёт на машинке, а он на рынке стоит. Жена до торговли не доросла. Обычный кандидат.

Опять отвлёкся. Да, так и приходится мне от Ломоносова с Гумилёвым прятаться. Я же на работе по форме ходить обязан. Всё в том же доспехе орлёном. Правда вместо сабли огненный меч положен, да разве в ножнах видно. Как набежали раз, да как давай донимать расспросами: — «Расскажи, Ермак Тимофеевич свою родословную». Ладно удачно на Ерофея Хабарова стрелки перевёл. А сам бежать. С тех пор от них и бегаю.

Эх, утро, хмурое раннее утро. Да что за сволочь непотребная тебя выдумала. Это не вопрос. Крик архангельской души. С трудом отрываю голову от подушки и безуспешно пытаюсь прихлопнуть надоедливо дребезжащий будильник. Не нахожу заразу. Потом всё же осознаю, что это внутренний мой будильник, и прихлопнуть его не получится. Да, как всё же въедаются привычки человеческие. Но ведь, с другой стороны посмотреть, созданы то они по образу и подобию. Так что, может, и мы просто тянемся к эталону? Нет, «Эталон» мы вчера не пили.

Стоп, стоп, стоп. Так и до крамолы недолго додуматься. Но всё же, Он тоже так с похмелья страдает? Да, Господи, тогда очень сочувствую. Если у меня, с малой частичкой твоей искры так башка раскалывается, то представляю как оно по полной программе. Это Изя виноват. " Попробуй, — говорит, — просто божественный коньяк". Вот и накушались во славу Твою, прости меня Господи, аж до положения риз.

Кстати о ризах. Я так и уснул вчера одетый. Так-с, а почему в валенках и тулупе? Какие тулупы? Хоть бы какая собака кофе сварила. Собака? Собака... Кажется были вчера собаки. А лучше рассолу... Или квасу. И пиво тоже буду... Но пива нет. Есть собаки. Какие ещё собаки? Откуда у меня в спальне ездовые собаки в комплекте с нартами? Так, в холодильнике тоже нет пива. А собаки были... Точно, это собаки выпили моё пиво. Но не в холодильнике. Да снимите с меня этот тулуп. И дайте квасу. Или минералки холодной. И пиво тоже буду. А коньяк больше не буду. Разве что водочки. Но самую капельку. Только холодную-холодную до тягучести. И из хрустального графинчика налью её в хрустальную же рюмочку... И под селёдочку... А собакам не налью. Они моё пиво выпили. Или это Изя выпил? Изя — собака! А разве бывают ездовые таксы? Кто притащил в мой дом таксу? Такса, у тебя есть пиво? Моё пиво. Да, и своего нет. Есть только короткие кривые ноги, длинные уши и наглая, длинная морда. Убери морду и перестань меня лизать. Собака. А ведь от тебя тоже пахнет винищем. Кто напоил таксу? Изя? И снимите с меня этот тулуп. И валенки снимите. И сварите мне кофе. Такса, ты умеешь варить кофе? А что ты вообще умеешь? И не лезь под диван. Чем ты там звенишь? Такса, дай я тебя поцелую. Ну и что, что коньяк? Мы по чуть-чуть. Лекарство. Такса, ты пьёшь коньяк? Ой, как хорошо! Ты закусывай, ушастый, закусывай. Погоди, окурки из шпротов уберу. Ну что, ещё по стописят? Да помню я про командировку. Нет, такса, кофе мне варить ты не будешь. Да ладно, чего нам с бутылки на двоих будет. А под диваном точно ничего нет? Да верю я тебе. А на полюс

со мной поедешь? На охоту пойдём. Не веришь? Зря. Что значит, какой из меня охотник? Да я весной на открытии охоты... А ты знаешь, что весной уток девочек нельзя стрелять? Точно тебе говорю. Только селезней. Ты не знаешь кто такие селезни? Ну ты тундра неогороженная. Селезни в садах и огородах живут. Мерзкие такие, склизкие. А по ночам они вылезают и жрут клубнику. Вот за это их и стреляют. Как это на полюсе уток нет? А куда же они весной летят? Ах, не долетают... Что, ты по уткам не спец? Тогда на медведя пойдём. На белого медведя. Норы? Да, наверное, в норах живут. Там же деревьев нет, гнёзда вить негде. И я говорю, что вдвоем веселее. Третий? Изя. Это он наше с тобой пиво выпил. Изя — собака!

Житие от Израила

Я знал, знал, что такому негодяю, как Гиви, нельзя доверить нашу летопись. Вы считали, сколько раз он назвал меня собакой? А сам? А сам припёрся на причал за двадцать минут до отхода парохода изрядно поддавши, с таксой на поводке, ружьём на плече и с сумкой, в которой что-то заманчиво звякало.

— Сколько лет — одна зима! Где тебя вероятные противники носили? Почему в тулупе посреди лета и что это за барбоска за тобой увязался?

Гиви видимо был не в состоянии усвоить столько информации зараз, и потянулся к сумке, решив помочь себе очередным апгрейдом. Но передумал, и поднял на меня свой ясный взор.

— Не трогай такса, гнида ООНовская! Нашёл барбосу. Это, между прочим, родной папа лабрадора Кони. Он ещё твою жену научит щи в сортире варить. Изя, твою жену умеет варить щи?

Не понял. Мой непосредственный начальник уже не знает моего семейного положения? Да и своего, кстати. Нам жёны по рангу не положены. Ну, разве что во время командировок в качестве прикрытия. Оно, конечно, качество разное бывает. Но после двух-трёх командировок иллюзии развеиваются. Это людям хорошо. Пожили чуток женатыми, и вот уж помирать пора. А у нас... Жуть. Представить себя женатым на молодке возрастом по десять тыщ лет? Увольте. Лучше уж как Люцик. Ему, кстати, отдельное спасибо. Именно после его бунта наше безбрачие было утверждено официально. Во избежание, так сказать, и впредь.

— Где наш корабль? — Гиви мутным взглядом изобразил разглядывание порта. — И ты зачем выпил моё пиво? Наше, с таксом, пиво.

— Да никакого пива я не пил. Ни с таксами, ни с раками.

Гиви не поверил почти чистой правде и опять спросил.

— А корабль?

Я махнул рукой в сторону тринадцатого причала.

— Вот он, наш красавец. Не видишь что ли?

— Ой мать...мать...мать...мать... — Чайки долго вторили эху, метавшемуся в тесноте Кольского залива.

Житие от Гавриила

Вот мать моя. Хоть и не было у меня её никогда, а вспомнить пришлось. Даже протрезвел сразу. Нет, ну что творят. Что творят, уроды. Ну зачем же понимать так буквально! Или это я просто чего-то не понял?

— Изя, я, правда, вижу это?

— К сожалению. Наши придурки, тебе ли не знать наших придурков, шутить не умеют. Приказ шефа выполнили точно и в срок.

Я не знаю, почему Изя так спокоен, но меня уже начало колотить от злости. Это надо же было догадаться! У тринадцатого причала попыхивал дымком, как недорезанный

большевиками буржуй сигарой, самый настоящий "Челюскин", кокетливо украшенный разноцветными флажками. Да ещё издевательски поблёскивал под незаходящим ночным солнцем надраенными медяшками, словно только что сошёл со стапелей копенгагенской верфи. Ещё раз — мать...мать...мать...

— А наши уже погрузились? В смысле, из экспедиции.

Напарник злым жестом выбросил недокуренную сигарету в зелёную волну и отпихнул такса, пытавшегося заменить изиной же ногой отсутствующие столбики.

— Вот и хрен то в том, командир, что нет тут наших. И слава Богу что нет. Это тот самый пароход из тридцать третьего года. Наши умники его вместе с командой умудрились перетащить. Но и это ещё не всё.

— Говори сразу.

— Час назад отсюда же ушла "Пижма". На неё погрузили глубоководный аппарат, кучу всякой аппаратуры сопутствующей и, в нагрузку, Сагалеви́ча под конвоем привезли.

— Когда? Да я им сейчас... Да карающим мечом. — Я попытался стащить тулуп, мешающий расправить крылья. Но был остановлен благоразумным Изей.

— С ума сошёл, над Мурманском летать? Да тут система ПВО не хуже чем Москву прикрывает. А может и лучше, по причине удалённости от Москвы. Собьют нахрен. И перьев на память не оставят. Чего командовать будешь?

— Айда на корабль. Нам ещё расположиться надо до отплытия.

— Отхода. — Машинально поправил напарник.

— Без разницы. Такса, веди. — И будущий охотник на полярных медведей повел нас к трапу, возле которого стояли два бойца с карабинами в подозрительно знакомой форме.

Странно, а почему никто из громадного количества народу в порту не замечает этих самых странностей? Во-первых, странно-древний пароход у причала. Во-вторых, энкаведешники у трапа. Или тогда были ещё ОГПУшники? Не помню. А в-третьих, какое отношение ко всему этому имеет наш шеф? Он хотя угодник и чудотворец, но не дурак же, в конце концов. Тем более, издавна считался покровителем русского флота, и в капризном желании утопить повторно ранее благополучно утопленную посудину, его заподозрить трудно. Значит, тут есть какая-то интрига. Ненавижу интриганов. У нас этим делом в основном херувимы занимаются. А мы, архангелы, народ простой. Войска там, в битву вести. Или флоты, что не менее почётно. Грудью на грудь, мечём на вилы. Пожалуй, за исключением хитрож... хм, хитрокрылого напарника. Вот и сейчас, видно, задумал какую-то комбинацию. Сотовый телефон терзает. Неужели нельзя пользоваться мыслепередачей, как все нормальные ангелы и архангелы? Нет, названивает как последний херувим. Что-то пробормотал вполголоса в трубку и мне её передаёт.

— Гавриил Родионович, к аппарату пожалте. Илья пророк на связи.

В трубке были слышны грозовые разряды и глухое ворчание дальней грозы. И конечно же пахло озоном.

— Гиви, — прямо по башке бил бас из телефона, — я конечно послал этого прохиндея на все известные адреса. Но ты скажи, может и правда моя помощь требуется?

Я огляделся по сторонам, прикидывая, где бы пригодилась илюшина помощь. Может, кого стоит молнией по тылке прогладить? Но если Изя чего то просил... При всей его прохиндейности, мой напарник никогда не был не прав. Только когда моё пиво выпил.

— Дык, ведь оно, Перун Родионович, — я осторожно начал охмурительную работу, — он же по моей просьбе звонил. Зря не побеспокоил бы. Уважение понимает. Но ведь точно край у нас. Ситуация, так сказать. Уважь по-свойски.

Ой чего я несу? Перед бывшим языческим божком распинаюсь, который из простых генералиссимусов выбился, а теперь у нас квисслингует. Не зря же напарник рожу ехидную соорудил. Изя — собака. Кстати, и наглый такс ухмыляется. Ты то, что ржёшь, морда?

— Хорошо, — донеслось из телефона, — через две минуты буду. Ждите меня за ближайшим углом.

Действительно, через минуту из-за ближайшего угла выехал роскошный открытый

лимузин неизвестной марки с сидящим на заднем сидении комиссаром госбезопасности первого ранга. Рядом с водителем скромно маячил невзрачный тип кавказкой наружности, нет менее скромно поблескивающий на солнце стёклами старомодного пенсне.

Я подошёл к лимузину и предупредительно открыл дверь.

— Илюша, ты теперь кто? — Я всё же решил уточнить диспозицию.

— Расслабься, Гаврила, — донёсся из-за плеча голос напарника, — это Глеб Бокий, почти собственной персоной.

— Точно, — подтвердил Илья-пророк не выходя из машины. — А в кого прикажете нарядится? Уж, не в Гершеля ли Иегуду? Или в товарища Менжинского?

Кавказский тип, услышав это имя, передёрнул плечами и дополнил:

— Зарэжю ссюку!

— Кого из них? — Спросил Изя.

— А обоих и зарежу, — пояснил кавказский тип уже без акцента.

— Да, — чуть отвлёкся Илья-пророк, — знакомьтесь, это Лаврентий Павлович. С вами поедет.

— Тот самый? — Решил уточнить Изя. Он же не мог молчать более минуты подряд.

— Почти, — подтвердил бывший Перун. — Из рая забрали в порядке мобилизации. Работа как раз по его профилю. Я, правда, не в курсе, что тут у вас случилось, но вышестоящее командование настоятельно рекомендовало.

Я уже заинтересованно посмотрел на Лаврентия. Изя с таксом тоже посмотрели. А чего там смотреть? Невысокого роста интеллигент в пенсне. Ничего из ряда вон выходящего. Лаврентий даже смутился от столь пристального внимания. И попытался что-то объяснить.

— Позвольте сказать, товарищи.... Эээ... Господа... Архангелы, так сказать.

— Лаврентий, не суетись. — Раздался начальственный голос Ильи-пророка, — я сам тебя представляю. Знакомьтесь ещё раз, господа. Это Лаврентий Павлович Берия, мобилизованный от проживания в райских кущах приказом № 315 бис. Он обеспечит вам полное прикрытие со стороны ОГПУ.

— Илюша, а ты точно с дуба не рухнул? Какое ОГПУ в двадцать первом веке?

Илюша задумчиво почесал огненно-рыжую репу и глубокомысленно произнёс:

— Это ваши проблемы. Мне вообще на них наплевать. Я тут извозчиком подрабатываю, по твоей, между прочим просьбе. Ладно, потом разберётесь со своими проблемами. Поехали.

Когда чёрный лимузин подъехал к причалу, то часовые, явно не страдающие дефектами зрения, стояли уже по стойке смирно. Ну ещё бы. Я бы тоже вытянулся. Сами представьте, к причалу, единственной достопримечательностью которого являлись несколько чугунных кнехтов, вдруг подкатывает шикарное авто, из которого вылезают, рубиня петлицами и золотея нарукавными шевронами такие чины....

Ещё бы они не тянулись. Из машины не торопясь вылез сам Глеб Бокий, а за ним ещё трое из этой же конторы, но в форме старшего армейского комсостава, звании комбрига, но в фуражках с голубым околышем.

Постовой у причала вытянулся ещё больше физиологической нормы, когда увидел представительную депутацию, подкатившую прямо пред ясные очи караула.

— Ефрейтор внутренней службы Фарадей! — С ярко выраженным малоросским акцентом представился бравый усач.

— Вольно, солдат, — скомандовал новоявленный Глеб Бокий.

— Старший солдат, — решил поправить караульный. И пояснил: — Я тут старший. За порядком на причале смотрю.

— Смотрящий, значит? Ну-ну. А почему не по форме? Откуда погоны? Или тебя пан Пилсудский заслал?

— Но товарищ комиссар госбезопасности....- жалобно протянул смотрящий. — Нельзя мне никак без погон. Кудыж я буду тогда лычки пришивать? А меня без лычки с армии домой не пустят.

Илья махнул рукой и потребовал предъявить вышестоящее начальство.

— Начальника караула позови. — Вальяжно скомандовал Илья.

— Сей момент, — Фарадей принялся бодро накручивать ручку полевого телефона. — Несмотря на внешний вид, аппарат работал исправно и голос на той стороне провода попросил позвать Илью к телефону.

Наш Перун, (не спорьте. Я его несколько тысяч лет под этим именем знаю), начальственно взял трубку и пророкотал в неё:

— Бокий слушает.... Что?... Какие полномочия?...Давайте их сюда.

Изя не преминул влезть со своими комментариями:

— Илюша, а чего они тебе дадут, если им вовсе наоборот, твои полномочия требуются?

На палубу "Челюскина" выскочили, блистая шикарными кожаными регланами, двое штатских и быстро спустились по трапу на причал.

— Отто Юльевич, — укоризненно покачал головой Бокий, — ну какие же вам от меня полномочия требуются? Может, в качестве мандата, пароход одноимённый предъявить?

Начальник ГлавМорСевпути товарищ Шмидт на пароход "Глеб Бокий", совершающий регулярные рейсы из Архангельска на Соловки, посмотреть не пожелал.

— Да Вы что, товарищ Бокий, какие полномочия. — Развёл руками Отто Юльевич. — Это Кандыба всё. Сейчас пытается с Москвой по радио связаться, инструкции получить.

Ну тут уже и моя очередь вмешаться настала.

— Какие ему, трам-парам, ещё инструкции? И почему он не на "Пижме"? Он же там должен быть, как начальник охраны. Я сейчас этому Кандыбе такую инструкцию дам, что пешком за своим пароходом побежит. — Решив что достаточно уже изобразил начальственный гнев, я уже спокойнее произнёс, — впрочем, это к делу не относится. Рад с вами познакомиться, товарищ Шмидт. Я...эээ, точно, я комбриг Архангельский. Можно попросту, Гавриил Родионович. А это...

— А я комбриг Раевский. — Изя небрежно вскинул руку к фуражке и чуть запнулся, видимо придумывая себе более благозвучное имя. — Изяслав Родионович.

Илья усмехнулся и пояснил.

— Они братья. По отцу. А это их младший, так сказать, сотрудник, Берия Лаврентий Павлович. Тоже почти родственник. Но уже по матери. Собака звания не имеет. Но находится на довольствии в органах.

— А почему Воронин не встречает? — Блеснул линзами пенсне Берия. — Или не уважает товарищей?

— Да вы что, товарищ Берия. Как можно? — Вклинился в разговор второй штатский. — Позвольте представиться, секретарь партийной организации "Челюскина", Белецкий Михаил Израилевич, и по совместительству старпом, вместо заболевшего Гудина. А капитана Кандыба в карцер посадил.

— Зачем? — Удивился я. Всякое за свои тыщи лет видел, но что бы капитана за несколько минут до отплытия арестовывали? Даже Саблина, хотя того и было за что. А тут? — Ладно, разберёмся.

И повернулся к Илье.

— Ну что, товарищ Бокий, напроорочьте нам счастливого плаванья и семь футов под килем.

— Плывите-плывите. Селёдок мне там только не подавите.

Товарищ Бокий лично пожал каждому руку и пошёл к машине. Что же, и нам пора.

— Такса, вперёд!

Глава2

*...Куда мы шли,
В Москву или в Монголию
Он знать не знал, паскуда.*

*Я тем более.....
Владимир Высоцкий.*

Житие от Израила.

Уже на борту парохода я обернулся к часовым и остановился. Странности всё продолжались. Вот он, борт. Вот трап, по которому я поднялся. Дальше — часовые. А за часовыми нет Мурманска. Ну не так чтобы уж совсем. Вон вижу несколько барачных на берегу. Изба есть старая, покосившаяся. Одна штука. Кранов портовых, правда, три штуки осталось. Но какие-то маленькие, почти не настоящие. А порт где? Люди куда подевались? Ага, вон та кучка с флагами наверное нас провожает. Но было же больше.

Незаметно дёргаю Гиви за рукав и киваю в сторону берега. Тот бросает мимолётный взгляд за спину и с невозмутимым видом спрашивает у Белецкого.

— А что, Михаил Израилевич, тут всегда так безлюдно?

Белецкий с пониманием улыбнулся.

— Ну у нас тут не Москва. Вот и Отто Юльевич безлюдью удивлялся. Но нас весь город провожать вышел. Шутка ли сказать, два новейших парохода одновременно отходят. Тут же почти все жители с морем связаны. На причалы ходят, словно москвичи на бульвар.

— Ну что же, — Гиви важно надул щёки, — не будем разочаровывать советский народ. Пусть этот ваш Кандыба выпускает капитана. Товарищ Шмидт, передайте ему мой приказ. А вы, Михаил Израилевич, тут ещё и старпом? Так покажите нам нашу каюту. И непременно трёхместную. Сами понимаете, секретные документы, то да сё. Опять же времена сейчас тревожные, враги пролетариата не дремлют. А втроём вроде как на казарменном положении будем. Надеюсь Вы понимаете, как должны выглядеть казармы для старшего комсостава?

Восхищаюсь я Гаврилой в такие моменты. Какой талантище. Сталь во взгляде, гранит в голосе. Но и я молчать не намерен. Кем мне тут покомандовать? О, вот они, родимые. Может оставить этого ефрейтора в порту? А потом его за дезертирство шлёпнут. Да хрен с ним, пусть едет с нами.

— Так, товарищи красноармейцы, караул на сегодня заканчиваем. Живо на борт. Разводящего дожидаться не будем. И телефон не забудьте. Потом его в музей сдадим. И, кстати, товарищ Фарадей, где ваши погоны?

— Шутите, товарищ комбриг? — Расплылся в довольной улыбке красноармеец. — Мы не для того с проклятым гнётом кровавого царизма боролись, что бы пережитки прошлого на плечах носить.

Мне осталось только тяжело вздохнуть в ответ на миниполитинформацию и отправиться с Белецким искать трёхместную каюту. Только, всё таки, почему этот красноармеец на причале был ефрейтором с погонами?

Житие от Гавриила.

Изя чуть ли не с разбегу плюхнулся на койку возле иллюминатора, заняв тем самым лучшее место в каюте. И мотивировал эту беспардонную наглость тем, что у него самый чуткий сон, а потому враг, попытавшийся залезть в иллюминатор, будет немедленно обезврежен. Невозмутимый старпом с пониманием отнёсся к требованиям безопасности и показал как этот иллюминатор открывать, на случай если придётся выбрасывать за борт труп капиталистического диверсанта-террориста. Ушёл Белецкий, предварительно заверив, что через полчаса товарищей командиров будет дожидаться лёгкий завтрак в кают-компании.

Я тем временем пытался связаться с базой. Телепатия, на же мыслесвязь, она же "глас Божий", в полярных широтах не работает. Что-то там связано с проходимостью и ионосферой. Сотовый телефон по традиции показывал отсутствие сети, а применение нимба, как средства экстренной связи, означало "Вызываю огонь на себя". А вот этого бы не

хотелось.

Лаврентий Павлович, сидя на койке, одной рукой что-то пытался достать из своего объёмистого чемодана. Другой же чесал за ухом моего такса. А Изя, уже удобно развалился, закинул руки за голову и спросил:

— Что, нет связи? А Кандыба наверняка по рации с Москвой связался. Точно вам говорю, в прошлое мы попали.

— Наукой перемещения во времени не подтверждены.

— Какая наука, Палыч? — Изя повернул голову к Берии. — Наука и твоё теперешнее существование объяснить не сможет. Нету тебя, Лаврентий. Нету.

— А вот в мою жизнь пусть наука не лезет. — Нахмурился Берия. — А если больше заняться нечем, так я найду.

— Приземлённые вы личности, товарищи комбриги. Нет в вас романтики. А вот представьте... Мы — настоящие попаданцы!

— Куда ты попаданец?

— Так в прошлое же! Нет, вы представьте, каких мы тут дел можем наворотить!

— Ну и каких же?

— Ну, что я, книжек не читал? Да я даже на форуме альтернативной истории зарегистрирован. — Изя привстал, выставил перед собой руку и принялся по очереди загибать пальцы. — Во-первых, по традиции мы должны научить аборигенов прогрессивному сексу.

— Это без меня, — сразу вскинулся Берия, — я человек пожилой, консервативный. И всё больше по старинке предпочитаю, без новомодных штучек. Вот Карл Маркс был человек прогрессивный, а что получилось? Товарищу Энгельсу потом подарки на Восьмое марта дарил.

— Да я ничего такого и не подразумевал. — Изя в оправдание даже руками замахал. — Ладно, но во-вторых нам надо обязательно изобрести порох, отлить пушки, построить самогонный аппарат и вселиться в тело Николая второго.

— Изя, ты совсем дурак? — Спросил я сквозь смех. — Если сейчас точно тридцать третий год, то кому нужен твой порох и пушки? Не говоря уже о самогонном аппарате. А про Николая второго что скажу, ты что, бес, чтобы в людей вселяться? Нам не положено.

Я тоже прилёг на кровать и достал сигарету. Но закурить помешал всё тот же Изя.

— Гиви, ну что ты делаешь? Мы же настоящие попаданцы. И потому ты должен сигарету не спеша понюхать, соблюдая положенный ритуал, а уже потом прикурить от длинной спички и со вкусом затянуться.

— Со вкусом чего?

— Не знаю. Да и какая разница? Главное — со вкусом.

— Изя, это было написано про сигары. Даже могу сказать где, и на какой странице.

— Сигары? — Переспросил Изя. — Нас не поймут. Сигары слишком вызывающе и буржуазно. А мы, как красные командиры... Пойдите, так мы что, не будем делать развилку истории? Я знаю ближайшую.

— Какую?

— Ну хотя бы "Варяг"...

— "Варяг" не трогай. Его в хороши руки отдали. Без тебя справятся. Да и как ты туда попадёшь? У них там сейчас свой параллельный мир, и пересечься у нас не получится.

— Но сюда то мы попали. Так значит и татаро-монголов не получится победить? А жалко. Но зато у Лаврентия ноутбук есть.

— А ты откуда знаешь, товарищ Раевский? — Подозрительно прищурился Берия.

— Так у тебя же чемодан открытый. А зачем тебе ноутбук, Лаврентий Павлович? Или ты знал, что мы в прошлое попадём? Заранее готовился к прогрессорству? Может там у тебя и эскиз атомной бомбы есть?

— Те говорите ерунды, Изя. То есть Изяслав Родионович. У меня действительно в ноутбук есть много чего интересного. Да что там говорить, у меня там всё есть. Но нужен

он мне для совершенно других целей. — Берия поправил пенсне, (наверное оно мешало говорить) — Я пишу диссертацию, и мне просто необходимо иметь при себе кучу документов. Не таскать же с собой сотню чемоданов с бумагами.

— Ага, диссертация. — Изя радостно потирал руки. — Я знал, что товарищ Сталин был прав, называя тебя гнилым интеллигентом. А зачем Вам, товарищ Берия диссертация?

— Для повышения квалификации. Сейчас я просто один из новомученников, на Земле Русской воссиявших. А сдам кандидатский минимум, то могут и к великомученикам причислить. А это Божьей благодати уже вдвое против прежнего. Тем более — подготовительная работа уже ведётся. Да на любой сайт фантастики можете заглянуть. — Ответил Лаврентий Павлович.

— Я так и думал, — Изя ханжески возвёл взгляд к небу, — даже в раю меркантильные интересы. А вот скажи, Лаврентий...

Закончить вопрос Изя не успел, так как в дверь вежливо постучали. В коридоре с несколько растерянным видом стоял Шмидт.

— Что, уже завтрак готов? А почему до сих пор у причала стоим?

— Извините, Гавриил Родионович, — замялся Шмидт, — но капитан Воронин заперся в карцере изнутри и выходить отказывается.

— И чем товарищ Воронин объясняет свой отказ?

— А непечатными словами и объясняет. Вы бы поговорили с ним, Гавриил Родионович. Прикажете, в конце концов. Владимир Иванович дисциплину понимает, он ещё в германскую на "Савватии" торпедирован был. Человек-то почти военный.

— Разберёмся. Товарищи, пойдёмте. Такс, остаёшься на посту. В случае постороннего проникновения, кусать на поражение. И ещё, Отто Юльевич, пусть тогда старпом командует.

Ох и нелёгкая это работа — вытаскивать упрямого капитана, забаррикадировавшегося на продуктовом складе.

— Не поведу я это корыто никуда, и не надейтесь. — Доносилось из-за запертой двери.

— А кто же тогда?

— Вот Шмидт пусть и рулит. — Воронин замолчал на минутку, после которой послышался шумный выдох и довольное кряканье. — Он мне эту калошу сосватал, вот пусть и разгребается сам.

— Какая же калоша? — Не выдержал Шмидт. — Завтра только два месяца как на воду спустили.

— Сам дурак, — за переборкой что-то звякнуло. — Надо было не на воду, а под воду спускать. Как в унитазе. Мы же чуть не утонули, пока из Ленинграда в Копенгаген шли. Ни хрена твой ботик волну не держит. Так это ещё в Балтике. А выйди на нём куда посерьёзнее, так пойдёт на дно за милую душу. Вместе с патефоном и портретом Веры Холодной.

— Да что Вы такое говорите, Владимир Иванович? — похоже, возмущение Шмидта было искренним. — Мы заходили на верфи, и инженеры "Бурмейстера и Вэйна" заверили в полной готовности корабля к дальним походам.

— Кого ты тут лечишь, Юльич? Ты бы так могилёвского ребё в детстве обманывал. Вот попробуй объяснить теперь товарищам чекистам, почему это тебе вместо нормального корабля одноразовое изделие подсунули. Два месяца пароходу, а уже машины ремонтировали.

— Какого ещё ребё? — Повысил голос начальник СевМорПути. — Я, между прочим, наполовину немец.

— На которую половину? — Засмеялся Воронин. — Если ты могилёвский немец, то я — поморский эфиоп.

Я подошел ближе и постучал в переборку.

— Владимир Иванович, я комбриг Архангельский. Может, пустите меня к себе? Посидим, поговорим. Объясните, наконец, что в "Челюскине" не так.

— Нет, — откликнулся капитан, — не пущу. Я вам сейчас открою, так навалитесь всей

гурьбой и в психушку сдадите, пока от берега не отошли.

— Владимир Иванович, даю честное слово красного командира, что войду только я один.

— Ладно, но только один. В старые то времена офицерА слово то держали. — За переборкой громко звякнули задрайки и дверь чуть приоткрылась, оставив проём, в который я протиснулся только боком.

Хорошо устроился капитан. На бочке с селёдкой была постелена газета и разложена неплохая закуска. Богато снабжает страна победившего пролетариата своих первопроходцев. А над всем этим богатством и разнообразием мешков, коробок и ящиков витал вкусный, луково-шоколадный аромат.

За спиной послышалось вежливое покашливание, и я отвлёкся от осмотра продуктовых запасов "Челюскина". Передо мной стоял среднего роста крепкий моряк в чёрной форме и фуражке с крабом. На загорелом, худощавом лице воинственно торчали шикарные усы. Правда, впечатление воинственности скрадывалось застрявшими в этих усах хлебными крошками. Воронин протянул мне правую руку, а левой показал в сторону "стола":

— Перекусить по рюмочке не желаете?

— Здравствуйте, Владимир Иванович. Я и есть Архангельский. Можно просто Гавриилом Родионовичем называть.

Поздоровавшись, я сел на какой-то мешок с крупой и улыбнулся Воронину.

— Так вот вы какой, капитан, обветренный как скалы.

— Да вы поэт, товарищ Архангельский. — Ответно улыбнулся капитан. — В молодости все мы поэты. Вам вот сколько лет?

Вот спросил! Мне это и самому интересно. Тысячелетия до сотворения мира считать? Я, правда, их плохо помню, только десятка два последних. Когда же у нас сотворение мира было? Вот опять память подводит. Помните, тогда ещё русы первый раз всю Евразию завоевали. Нет, ну может она тогда и вообще без названия была, не спорю. Потом года три партизан отлавливали. Да, точно, а на четвёртый год мир и сотворился.

— Да немало мне уже лет, Владимир Иванович, просто выгляжу моложе. — Пришлось просто отшутиться.

— Ну, я всё же постарше буду. Пятый десяток давно пошел. Старые кости с непогоде ноют. Куда уж мне на севера. — Капитан протянул руку за спину и достал бутылку, он одного вида которой меня слегка замутило. — По капельке, командир?

— Только не коньяк, Иваныч. Пивка если только. А то моё пиво комбриг Раевский выпил.

— Это он зря, товарищ комбриг. Пиво на северах весьма редкий продукт. Потому как замерзает. Вот спирту могу предложить.

— Пожалуй, воздержусь.

— Это вы зря. А, впрочем.... Вот, помнится, в двадцать четвёртом году к нам доктор один приехал. С Крыма, с Чёрного моря перевели. Так он зарок себе дал, ни капли спиртного до захода солнца. Представляете? В полярный день почти полгода ходит трезвый и злой, а зимой не просыхает, клистир с градусником путает. Так и умом помутился. Вообразил себя японцем и по кораблю в чёрном исподнем бегал. Иногда даже и по стенам. Что вы смеётесь, товарищ комбриг? Он до сих пор в Каргополе, в тамошней психиатрической.

— Верю я вам, Владимир Иванович, — я с трудом отсмеялся, — только вот одно мне скажите, это точно не заразное, что у доктора было?

— На что вы намекаете? — Поперхнулся своим коньяком Воронин.

— Я разве намекаю? Просто спрашиваю. Да вы и сами попробуйте рассудить логически. Вот вы прибываете на судно, на котором вам надлежит отправиться в поход, и с удивлением узнаете, что капитан заперся на продуктивном складе, пьёт, и на все предложения отзывается непечатными словами в адрес своего корабля. И от капитанства своего категорически отказывается.

Воронин долго не отвечал, делая вид, что занят набиванием трубки. Я не отвлекал,

давая собраться с мыслями для ответа.

— Нет, Гавриил Родионович, это вы подумайте, может ли быть в своём уме капитан, которого попросили только перегнать обычное грузовое судно из Ленинграда в Мурманск, если он согласится пойти на нём в высокие широты осенью. А судно то не только не предназначено к таким плаваниям, но и в Балтике на нём ходить опасно. Я уже говорил — волну не держит. Широковат. И машины говённые. Эту посудину только по Волге гонять, да и то только до Подновья. Дальше на Телячьем броде застрянет. — Капитан вспомнил про почти погасшую трубку и опять замолчал, сосредоточенно затягиваясь.

В этот момент он мне показался похожим на свой пароход. Тоже весь в чёрном и с клубами дыма из трубы. Но, судя по первому впечатлению, капитан был покрепче своего корабля. "Челюскин" и правда заходил в Копенгаген для ремонта судовых машин и кое-каких мелких доделок.

— И в конце концов, — продолжил Воронин, — меня Шмидт просил только довести "Челюскин" до Мурманска, клятвенно обещая потом на собственные деньги купить билет на поезд до Ленинграда. Целый месяц письмами долбил, уговаривая. А когда я отказался вести пароход дальше, ко мне пришёл этот ваш мордоворот Кандыба и посадил меня в кутузку.

— Это совсем не мой мордоворот, Владимир Иванович. Тем более я его ещё в глаза не видел. И, согласитесь, кутузка ваша хоть и не комфортабельна....

— Зато питья и закуски много. — Перебил меня капитан. — Вот это меня и беспокоило. Точнее не это, а абсолютное отсутствие галюна. Паршивого иллюминатора, и того нет. Согласитесь, нехорошо бы получилось.

— Совсем бы нехорошо получилось, Владимир Иванович, если бы Кандыба вас арестовал, усмотрев вредительство, саботаж и контрреволюционную пропаганду, в виде охаивания нового парохода, купленного распоряжением мудрого советского правительства по прямому указанию товарища Сталина. Вот так то вот.

— А вы, Гавриил Родионович?

— Что я? Я мог и не приехать.

— У меня есть варианты?

— Помилуйте, товарищ Воронин, у вас даже нет варианта сесть на нары. Потому как мне срочно необходим капитан на мостике "Челюскина". Или, вы думаете, Белецкий справится?

— Этот мотольский портной? Не смешите селёдок, товарищ комбриг. Это когда же партийные работники рулить уметь? — Капитан с показным кряхтением поднялся со своего мешка. — Так куда держим курс?

— На Северный полюс.

— Чево-о-о?

Глава 3

*Вывели болезного. Руки ему за спину.
И с размаху кинули в чёрный воронок.
Владимир Высоцкий.*

Боцман Заморский уже две недели пребывал в чёрной меланхолии. Виновники этого недуга, те самые штатские из экспедиции, старались не попадаться на глаза, чувствуя за собой вину. И не только вину. Да что вину, если с точки зрения просоленного маремана совершались форменные преступления. Кинооператор, прикрываясь московскими связями, кощунственно разбрасывал папиросные бычки в мыслимых и немыслимых местах с такой скоростью, что пять судовых уборщиц не успевали их перехватывать. А недавно прожёл новую форменную фуражку, подаренную боцману женой на серебряную свадьбу, невзначай уронив окуроч на голову проходившего под трапом Заморского.

А зоолог? Ну, понятно, что уход за ездовыми собаками ему попросту навязали. Но этот

очкастый товарищ за ними не только не ухаживает, но и не присматривает. Привык, понимаете, что у него подопытные морские свинки в клетках сидят. А собаки по всему судну бегают и гадят больше кинооператора. Да куда там оператору, больше чаек гадят. А убирать кому, зоологу? Как бы не так. Он отказывается опознавать какашки на палубе как собачьи, и, ссылаясь на свой научный авторитет, сваливает всё на мышей. Разве мыши могут навалить такую кучу? Это же, сколько им скушать надо?

Геологи тоже не лучше. Пока шли неделю от Копенгагена, они при испытании новой, переносной буровой установки умудрились продырявить палубу в двух местах. Так это насквозь. А сколько просто лунок сделали?

Боцман осторожно переступил через очередной зоологический подарок и нос к носу столкнулся со старшим радистом. Тот лихо скатился по поручню, балансируя руками. В зубах старшего радиста была зажата папироса, к которой Заморский отнёсся совершенно равнодушно. Этот не бросит окурочек на палубу. Немецкое происхождение не позволит. Да и полярник уже бывалый. Не какая-то сухопутная шушера.

— Чего какой смурной, Сан Саныч? Посмотри, погоды то, какие стоят! Даст Бог льдов не будет, так к половине сентября во Владивостоке отшвартуемся.

— Сплюнь, Теодорыч. Да не на палубу, просто за борт сплюнь.

Надо сказать, что старшего радиста, несмотря на молодость, все старались называть просто по отчеству. Если "товарищ Кренкель" ещё можно было выговорить, то произнести "Эрнст Теодорович Кренкель" с первого раза получалось только у начальника экспедиции Отто Юльевича Шмидта.

— Я ведь к тебе, Сан Саныч. — Кренкель ожидаемо выбросил докуренную папиросу в ведро с водой. — Спирт нужен.

— Зачем?

— Странный вопрос. Конечно же, аппаратуру протирать. — Пояснил радист. — Помнишь в Баренцевом море южный ветер дул?

— Ну, — подтвердил Заморский.

— Вот с Норвегии пыли в радиостанцию и надуло. Профилактику надо делать.

— Так я помогу. Бутылки спирта хватит? — Уточнил боцман.

Кренкель задумчиво помолчал, видимо прикидывая количество аппаратуры нуждающейся в профилактике.

— Ну если вдвоём протирать, то пожалуй хватит. И ещё, Саныч, огурцов солёных прихватить.

Радио и радистов Заморский уважал ещё с германской, когда служил на одном из номерных миноносцев. Тогда их 012 выскочил из тумана прямо под главный калибр двух немецких крейсеров и, изрядно потрепанный при манёвре удиранья, удачно радировал в Мемель и дождался помощи. Радиостанция, пробитая осколком во время боя, была починена чуть ли не при помощи запчастей от граммофона. Радиста потом всей командой неделю водили по кабакам, и сам лейтенант Подольский возглавил штурм полицейского участка, куда бестолковые стражи порядка уволокли не стоявшего на ногах героя. И, поговаривали, что на своей свадьбе уже капитан-лейтенант Подольский заключил с будущей женой дополнительное соглашение, по которому все их потомки будут в обязательном порядке изучать радиодело.

— Ты в радиорубке будешь? — спросил Заморский у Кренкеля. — Я минут через десять подойду.

Кренкель смущённо развёл руками.

— Да меня Кандыба из радиорубки выгнал. У него срочное донесение в Москву.

— Ну ты бы и передал.

— Так сообщение особо секретное. При посторонних не положено.

— И как он с телеграфным ключом управляется?

— А никак, — злорадно ухмыльнулся старший радист. — Орёт в наушники, как в телефонную трубку, да ещё удивляется, когда ему никто не отвечает.

— Чего хоть орёт-то?

— Пока только позывные. Ну да с его голосом до Архангельска разве что докричишься. Слабоват голосок.

Боцман и старший радист согласно кивнули, осуждая надоевшего всем за две недели Кандыбу. Достал, постылый.

— Может, на камбуз заглянем? — Предложил Заморский. — Заодно поедим по-человечески. А то завтрак, похоже, задерживается.

— А чего случилось? — Спросил Кренкель уже на пороге боцманской каюты.

Боцман вошёл в каюту, заглянул во вместительный шкафчик, довольно улыбнулся и вышел к радисту уже с узнаваемо оттопыривающимся карманом форменного кителя.

— Так ты не видел, Теодорыч? Шишки большие из Москвы приехали. Аж три штуки. Вот из-за них и выход задержали. И завтрак. Говорят капитан обнаружил вредительство на продуктовом складе. Сейчас со старшим чекистом заперлись там, и всё пересчитывают. Ладно, ещё холодильники не успели опечатать. Кок на камбуз свиную тушу протасил.

Классического вида кок, румяный и пузатый, в колпаке набекрень и белой куртке поверх тельняшки, виртуозно работая ножом, отхватил от туши изрядный кусок филея и шлёпнул его на стол.

— Да вы располагайтесь, товарищи, — кок гостеприимно протёр свободный угол стола. — А я вам сейчас отбивные соображу. А стаканы на полочке.

В ожидании отбивных профилактика была произведена почти наполовину, когда боцман спохватился:

— Батюшки, а хозяину то?

— Нет, — отказался кок. — Только после ужина. Да ты не беспокойся, Саныч. Нешто трезвый останусь? Вот, даже свинья подтвердит.

Свинья лежала на разделочном столе, посмертно прищурив маленькие глазки и кривила морду, высунув длинный язык. Подтверждать что-то она не собиралась. Да и кому интересно молчание свиней? Разве что старшему радисту.

Кренкель задумчиво вертел в руке пустой стакан и посматривал на тушу. Потом наклонился к уху боцмана и что-то ему зашептал. Лицо Заморского расплылось в улыбке. Сдвинув фуражку почти на нос, он почесал затылок и уже во весь голос рассмеялся.

— Максим Петрович, а подари-ка ты нам свиную башку.

— Зачем она вам? — удивился кок.

— Да, понимаешь, — пустился в объяснения боцман. — Вот Теодорыч видел, что один из московских шишек с собой собаку прихватил. Охотничью. Ох и породистая, наверное. Хотим вот подмазаться к начальству.

— Собака-то большая? — заинтересовался кок.

— Здоровенная. — подтвердил Кренкель. — Как раз аппетита на целую голову хватит.

— А, ладно, забирайте. Но вы уж скажите товарищу из Москвы, что я тоже о собачке беспокоюсь.

— Да не вопрос, Максим Петрович. — Кренкель взял с полки мешок, бросил туда голову и покинул камбуз. Заморский сунул в карман недопроведённую профилактику и, плотоядно улыбаясь, вышел следом.

— Крепче, крепче привязывай.

— Да куда тут привяжешь? У неё уши скользкие.

— Салабон ты еще, Теодорыч, — боцман достал из кармана моток толстой лески. — Держи. И крючки возьми. А не то верёвку сразу разглядит.

— Ничего он там не увидит, — убеждённо ответил Кренкель, цепляя свиные уши крючками. — На камбалу приготовил крючки?

— Тебе какая разница? Поднимай. Да не раскачивай ты так! Промахнёмся.

Боцман и радист приподняли свиную башку над леерами, и она плавно заскользила вниз, изредка чиркая пятачком по борту. Несмотря на заявленный режим строгой

секретности, иллюминатор радиорубки, из которого доносились громкие крики "Москва, Москва, товарищ первый, вы меня слышите?", был открыт. Злоумышленники подвели башку к цели и, чуть качнув, затолкнули свиную морду в иллюминатор.

Житие от Израила.

Чтобы не скучать в ожидании Гавриила, наверняка пьющего с капитаном что-то горячительное, я предложил Берии прогуляться по "Челюскину". Я остановил Шмидта, пытавшегося нас сопровождать, и мы неторопливым шагом вышли на палубу.

— Присядем? — Я показал рукой в сторону нагромождения всевозможных ящиков.

Берия согласно кивнул головой и пошёл вперёд, выискивая укромный, и, главное, не продуваемый уголок. Вот он расположился на ящике и внимательно прищурил глаза, ожидая начала разговора. Только я сначала закурил, полюбовался искорками на надраенных сапогах, собираясь с мыслями, и только потом спросил:

— Что ты думаешь об этом, Лаврентий Палыч?

— О капитане? Или вообще? — Уточнил Берия.

— Да что о капитане говорить. Сейчас укушают с Гиви пару бутылок, и пойдёт твой капитан к себе на мостик. Или в рубку, как это моряки называют? В общем, к себе пойдёт. А что о нас скажешь? О ситуации?

— Непонятная у нас ситуация, — вздохнул Лаврентий Павлович. — Непонятная, и от того весьма прискорбная.

— Чего тут прискорбного? — я позволил себе слегка возмутиться. — Разве мало попаданцев по мирам шастает?

— Мало, Изяслав Родионович. На самом деле мало. Можно даже по пальцам пересчитать. Уж извини, но ты просто всей информацией не владеешь. Вы с Гавриилом Родионовичем всё больше по боевым действиям специализируетесь, да ещё географические открытия курируете. Я же до сих пор боец невидимого фронта.

— Ну, скорее генерал. А что там с попаданцами?

— Абсолютное большинство попаданцев оказываются в, так называемых, халявниках.

— Интересное название.

— Это искусственные миры, создаваемые нашим вероятным противником, на основе считанной с мозга жертвы информации. — Пояснил Берия. — Сами по себе они не долговечны, но способны поддерживать своё существование за счёт попавшего туда человека. Но не физической его составляющей, а постепенно поедает то, что в просторечии называют душой. И для удержания человека там — дают ему всё. Именно всё. Читал мемуары этих походов между мирами?

— Ещё бы! — Я кивнул в подтверждение. — Моё любимое чтение.

— Вот-вот. И ни разу не задумывался, почему им там даётся всё и сразу? В одной книге — барон. В другой, — маркиз или герцог. В третьей, минуя королевское звание, сразу в императоры лезет. Но это ещё не всё. Колдуны, ведьмы, вампиры, оборотни и прочие маги в наличии имеются? Сколько угодно. Прямо толпами бегают и в академиях обучаются всенепременно.

— Не может быть, — не поверил я Лаврентию. — Какие же должны быть затраты энергии на создание стольких миров?

— Минимальные. Укол ЛСД мелкому бесу, и его глюки проецируются на абсолютную Пустоту.

— И она терпит?

— А ей пофигу. Она настолько самодостаточна, что просто не обращает внимания на мелкую суету

— Но это же родина его. — Я показал пальцем вверх, давая понять, чья же именно это родина.

— Тем более. Что ей после этого бесовский бред.

— А как же бессмертие? Ведь чуть ли не каждому даётся.
— Бред, — отмахнулся Лаврентий. — Наукой не подтверждено.
— Опять ты про свою науку. А кто недавно утверждал, что путешествия между мирами невозможны?

— И сейчас могу это повторить.

— А "Варяг-победитель"?

— Там другой случай. Нам пришлось в срочном порядке создавать мир, аналогичный нашему, в параллельном пространстве. Иначе совокупная энергия всех, желающих переиграть русско-японскую войну, могла привести к одновременному взрыву всех Японских островов и последующему их затоплению. Но там ребята путёвку в один конец получили. Без всякого шастанья по мирам. Обратный переход намертво перекрыт, во избежание... Да, во избежание!

Ух ты! Дела то какие творятся. А я и не в курсе. Упущение, однако.

— А ты, Лаврентий, японцев пожалел? — Укорил я товарища Берия.

Он в ответ сначала сурово глянул исподлобья.

— Я не думаю, что параллельный вариант покажется им лучшей альтернативой. А японцев я не больше твоего люблю. Знаешь, сколько японских шпионов я разоблачил?

— Тебе их назвать поимённо? Ты лучше расскажи, чего тебе в нашем засланстве, пардон, попаданстве, не понравилось? Это тоже происки обкурившихся бесов?

— Не думаю, — Берия с сомнением покачал головой. — Не их уровень. Просто сил не хватит двух архангелов и одного...хм, райского сотрудника так заморочить. Это настоящее прошлое.

— Параллельное?

— Ну, с нашим появлением здесь, оно в любом случае становится параллельным. Закон Кубикуса в действии. Дословно он гласит:... " Если вы попали в прошлое, вместо параллельного мира, — не отчаивайтесь. Оставайтесь в живых первые пятнадцать минут, и... творите свою историю..."

— Мы, пожалуй, натворим. Ты признайся, Лаврентий, вашей конторки уши из-за всего этого выглядят?

— Нет, — сокрушённо помотал головой товарищ Берия, — если бы наши, я бы точно знал. Подготовительная работа должна начинаться минимум за полгода. Тут явно кто-то из начальства руку приложил.

Я с большим подозрением поглядел на собеседника.

— А как же вы с Ильёй, ничего не зная, уже в соответствующей форме прибыли? И какими судьбами тебя вообще к нам принесло?

— Точно тебе говорю, не знал я ничего. Мы как из-за угла глянули, так и ох..., удивились очень. — Пояснил Лаврентий Павлович. — Меня Александр Христофорович попросил с Ильёй поехать.

— Бенкендорф?

— Он самый. Во время твоего звонка, мы как раз втроём обсуждали возможность крещение в православную веру антарктических пингвинов.

— Господи, пингины-то вам зачем?

— Забыл? Твоя же идея. Ты это ещё Беллинсгаузену предлагал. Сам предложил расширить российскую зону влияния.

Вот про свои предложения я и не помню. Вот обмывание свежееоткрытого материка — отлично помню. Первые два часа. Но об этом лучше умолчим. Но меня интересует ещё один вопрос.

— А что ты знаешь про "Пижму", Лаврентий?

— Там и знать то нечего. Мало я в своё время газетных писак пересажал. Читал я эти статьи, Изяслав Родионович. Бред полнейший.

— Могу тебя порадовать, товарищ Берия, этот самый бред вышел в море два часа назад

— Не может быть!

— Я тебе что, врать буду? Вот только начальник конвоя "Пижмы", товарищ Кандыба, задержался у нас на "Челюскине".

— То-то мне фамилия знакомой показалась, — оживился Лаврентий Павлович. — Помнится, году в тридцать шестом его к стенке поставили. За расстрел чукотских шаманов в посёлке Депутатский. Слушай, Изя, Кандыбу нужно срочно валить при попытке к бегству. Не дай Бог до радио доберётся и с Москвой поговорит. Представляешь, что ему скажут про прибывшее на корабль начальство?

— Плевать, — не согласился я с Лаврентием. — Скажем, что присланы лично товарищем Сталиным.

— Угу. И нужные бумаги в архивах появятся.

— Связи с базой нет. А то бы все документы лежали уже на нужных полках. Так что про связь твоя наука знает?

— Только подтверждает мою теорию. В этом мире наших нет. Нас невозможно скопировать.

— А как же Илья?

— А что Илья? Он довез нас до границы, а сам благополучно остался.

— Рожу бы разбить твоему Илье, — я даже мечтательно зажмурился, представляя процесс.

Но помечтать долго не пришлось. Откуда-то из глубины корабля раздался пронзительный, доходящий до ультразвука, визг, а потом глухо стукнуло несколько выстрелов. Двое моряков, до этого копошившиеся на палубе, что-то засунули в мешок и бегом исчезли из поля зрения.

— Маузер стрелял, — профессионально определил Лаврентий. — Посмотрим, что там случилось?

— Придётся пойти. Всё равно нам разбираться придётся.

В узком коридорчике плотная толпа окружила коротышку, одетого в военную форму со знаками различия старшего майора на гимнастёрке. Да, Лаврентий был прав, в дрожащих руках коротышки был маузер, которым он пытался перекреститься, постоянно попадая себе по лбу. Лоб сопротивлялся вторжению постороннего предмета и в знак протеста увеличился на одну, но громадную, шишку.

Кандыба, а это был именно он, при виде высокого начальства попытался что-то объяснить заикающимся голосом и не оставляя крестообразных движений маузером. Но не смог произнести ни одного внятного слова. Ближайший ко мне штатский, видимо знавший корабельного чекиста поболее моего, вызвался побыть переводчиком.

— Он это..., товарищ командир, говорит что чёрта видел.

— Какого? Где?

— В радиорубке.

Расталкивая народ, к нам пробрался старший радист, излучавший явное ехидство.

— Товарищ Решетников, — обратился он к "переводчику", — как художник, тем более советский художник, ты должен знать, что чертей не существует. Их выдумали попы для одурманивания рабочего класса. И решительно заявляю о невозможности появления чертей в моей радиорубке.

— Я то при чём? — пожал плечами художник. — Это вот он видел.

Кандыба потихоньку приходил в себя. Во всяком случае, креститься перестал. Но начал оправдываться тонким голосом.

— Я на самом деле его видел. В иллюминатор лез. Нос пятачком, морда толстая и язык показывает. А в ушах серьги в виде больших рыболовных крючков. Это, наверное, морской чёрт. Я в него три раза попал, а он всё ухмыляется и язык показывает.

Берия придвинулся к Кренкелю и негромко спросил:

— Пил?

— Кто, я? — уточнил старший радист, стараясь дышать в сторону.

— Причём здесь Вы? — Рассердился Лаврентий. — Кандыба много пил?

— Да совсем не пил. Это же Кандыба. Кто ему нальёт?

— А за свой счёт?

Такая постановка вопроса явно поставила Кренкеля в тупик.

— Как за свой счёт? Это же Кандыба!

— Всё ясно, — выдал заключение товарищ Берия, — помешательство ума на почве хронической трезвости. А ты что по этому поводу думаешь, товарищ Раевский?

С ответом я не торопился, так как в мою светлую голову пришла мысль. Я развернулся к корабельному особисту и на мгновение, только для него одного, предстал без маскировки. Как был, с крыльями за спиной и нимбом над головой. Бедняга упал на колени, и пополз в мою сторону, возобновив перекрещивание маузером.

— Ваше Сиятельство, я знал что Вы есть! И черти есть. А они в них не верят. Скажите им, Ваше Сиятельство.

Я обернулся к Кренкелю.

— Эрнст Теодорович, срочно в рубку. Радируйте в порт, пусть срочно присылают санитаров. У товарища Кандыбы помешательство. Видите, он принимает меня за генерала Раевского, героя войны 1812 года. Да, товарищи, отберите, наконец, у него оружие. — И уже чуть слышно Лаврентию. — А ты говорил валить, валить...

Глава 4

*Я весь мир исколеса, только ночью синей
Мне нигде так не скучалось, как в России.
Владимир Асмолов*

Житие от Гавриила.

Что сказать? Плавание наше всё-таки началось. Капитан занял своё законное место у штурвала, или как там оно называется, и приказал отдать швартовы. Интересно, кстати, какая сволочь взяла у Воронина швартовы? А потом началась скука. Хоть вой, на пару с таксом, что он с удовольствием проделывал, дождавшись, пока побольше народу ляжет спать.

Помнится в бытность мою декабристом, а послан я был в Северное общество для недопущения участия Пушкина в сём сомнительном предприятии, написал я как-то рассказ об удовольствиях на море. Но, то скорее было писано для произведения впечатления на дам, вздыхающих до обморока и роняющих слёзы на ландыши. М-да.... Пришлось потом на селенгинскую каторгу соглашаться, избегая настойчивых домогательств особо впечатлённых барышень. Правда и выбора у меня тогда не было. Закатали меня по второму разряду на пожизненное. А за особую умственность, когда по случаю собственной коронации Коля номер первый всем сроки до пятнашки скостил, меня из списков на амнистию собственноручно вычеркнул.

Да, но в те патриархальные времена и корабли были совсем другие. Сейчас что? Накушалась калоша угля, и прёт себе по мелкой волне, спокойно, важно и чинно. Как траурный лафет на генеральских похоронах. А где же, спрашиваю, романтика? Где мачты, которые превосходят высочайшие деревья? Где паруса, невидимые, будучи подобранными, и ужасные величиною, когда корабль взмахнёт ими невиданной птицей? И где, я вас спрашиваю, пушки в каждой каюте, в которые так удобно прячется дюжина цимлянского?

А люди какие были? Нынче разве что Воронин близко с ними стоит. С десяти лет определяли судьбу свою, с младых ногтей проводя навигации на качающейся под ногами палубе. Попались бы те люди Маяковскому, вот бы гвоздей наделал. Или из него бы сделали, что, скорее всего. Кто говорит, что это из Тихонова цитата? Это, который, Штирлица играл? Тоже на скобяные изделия пойдёт. Ибо суровые будни морские закаляют тело и душу, но не

ожесточают их только супротив товарищей своих. Так и делят время в плавании между службой и дружбой. У нас тогда, со времени основания флота, дуэлей между флотскими не было ни одной. Сухопутных же, особенно штабных и лейб-гвардиозусов, дырявили с превеликим удовольствием. Пистолетом или шпагою, но изрядно проредили мы гарнизоны городов приморских.

Будучи в те поры офицером флота, поборождал я моря наши и чуждые достаточно. Гаага, Нант, Брест. А пребывая в пределах туманного Альбиона, стал невольно причиной расцвета поэтического таланта Байрона, ставившего Океан превыше человека. Результатом дуэли нашей стал мой неловкий выстрел, после которого лорд совершенно перестал интересоваться женщинами, и посвятил всё время своё творчеству.

Да...было время счастливое. А что сейчас мне остаётся? Смотреть на такса, облаивающего с высокого борта качающихся на волне тюленей, и, иногда, оборачивающегося на меня с укоризною, безмолвно обвиняя в отсутствии обещанных белых медведей. Вот гадство, опять я высоким штилем изъясняться изволил. Тьфу!

Я сидел и предавался скуке, изредка постреливая в чаек из презентованной боцманом ТОЗовской мелкашки. Слабое утешение для такса, уже настроившегося на медвежью охоту. А что ещё делать? И я стрелял. Достойное занятие для архангела, разработавшего метод ковровых бомбардировок, и успешно применившего его ещё в библейские времена. Вот тоже времена были нескучные. Но об этом лучше с Изей поговорить.

Мягкие шаги за спиной я услышал издали, и, узнав походку Берии, повернулся к нему.

— Что ты подкрадываешься, Лаврентий Павлович? Как злой чечен на берег Терека. Также зарезать хочешь?

— Зачем? — невозмутимо ответил Лаврентий.

— Ну, не знаю. Может, должность мою занять захотел.

— Угу, — кивнул Берия, — синекуру нашёл. Мне и на своём месте хорошо. Опять же — диссертация у меня. А ты развлекаешься, Гавриил Родионович?

— Да какие тут развлечения. Видишь, со скуки чаек стреляю.

— Помнится, кое-кто любил ворон в парке стрелять.

— Точно не я это был. Или ты на что-то намекаешь, товарищ сталинский опричник?

Против ожидания, Лаврентий за опричника не обиделся. Наоборот, мне даже почудились за стёклами пенсне, пробежавшие быстро смешинки.

— Какие намёки, товарищ архангел? Я в курсе, что тебя там не было. — Лаврентий мечтательно закатил глаза к небу. — А зря.

Я не стал поддерживать запоздалые сожаления Берии. Не успели, так не успели. И кто же знал, что оно так повернётся? Вместо ответа я вскинул винтовку и выстрелил в ближайшую чайку. Но, к сожалению, промахнулся. Неправы те, кто считает чаек неприкаянными реинкарнациями утонувших моряков. Это, скорее, души утонувших засранцев, которые ни нам не нужны, ни, даже, вероятному противнику. Жирная, наглая птица прошлась над палубой на бреющем полёте, и лишь своевременный порыв ветра спас мою фуражку от гнусного поругания. А чайка, сделала вид, что она тут совершенно не причём, лениво взмахнула крыльями, и закружилась за кормой с стае таких же прожорливых гадин.

Берия проследил за чайкой взглядом и поморщился.

— Вот и тот любитель стрельбы по воронам, нагадил в стране и хотел смыться потихому. А вот почему, Гавриил Родионович, его церковь признала святым мучеником, а при моём имени попы даже в церкви матом ругаются? Ведь на самом деле всё наоборот получилось?

— Лаврентий Павлович, ты у нас уже пятьдесят с лишним лет? Должен уже привыкнуть, что наша организация не страдает конъюнктурщиной и не гонится за количеством душ. Качество — вот наш критерий.

— О моём качестве, пожалуй, я и сам могу поспорить.

— Да не стоит прибедняться, не сирота казанская. Пользу своему народу принёс? Принёс. Пожалте к нам.

— Именно своему народу? — Уточнил Лаврентий.

— Народу, а не народности. Или ты не русский? Оборону страны ты крепил? Крепил. Экономiku поднимал? Поднимал. Ядрён батон вот с Курчатовым сделали. А так, хоть будь ты сто раз пацифистом и вегетарианцем, но если живёшь тлѣй кукурузной.... Хрен тебе, а не райские кущи!

Берия помолчал, усваивая информацию.

— Чего же я тогда у нас Иосифа Виссарионовича не наблюдал? Вроде бы всем параметрам соответствует. И даже более того...

— Ей богу, Палыч, вроде умный ты мужик, научные труды пишешь, на интригах не одну собаку съел, а порой дитѣ дитѣм. Ну как можно Сталина к нам пускать? Вот, то-то и оно. Противник тоже от него отказался, опасаясь.... Сам знаешь, чего опасаются. Так и ходит теперь — вечный грузин.

Такс, терзающий добычу, недовольно зарычал, предупреждая нас о появлении на палубе матроса со шваброй. Он, проходя мимо, поздоровался и начал сметать в кучу перья, разбросанные таксом. Да, намусорил наш охотник изрядно. И, наверное, стыдно стало, потому что он бросил очередную чайку к ногам матроса и потрусил прочь.

— Пойдѣм чайку попьем, — предложил я Лаврентию, — с ромом. Или Изю найдѣм.

— Чего его искать, у Кренкеля сидит. Что-то изобретает.

Изю найти мы не успели. Навстречу нам шѣл Воронин с весьма кислым выражением лица. То есть не то чтобы шѣл, сначала на трапе показались капитанские ботинки, потом форменные брюки, и уже вслед за кителем, стал виден весь капитан целиком.

— К Матусевичу хочу сходить. Что там у него с машинами? Не бывали ещё в машинном отделении? — Потом спохватился. — Здравствуйте товарищи, не виделись сегодня. Отсыпался после ночной вахты.

— Здравствуйте, Владимир Иванович. — Я повернулся к Берии. — Что, Лаврентий Павлович, посмотрим на сердце корабля? А может и вредительство, какое обнаружим или предотвратим.

Воронин с пониманием момента улыбнулся.

— Для предотвращения диверсии, надо было все датские верфи на Соловки отправить. А короля.... А короля на Мудьюг закатать.

— Вы надеетесь на мировую революцию, товарищ Воронин? — Как бы невзначай поинтересовался Берия. — Господин Лев Давидович, в бытность свою товарищем Троцким, немалые народные деньги потратил на эту бредовую идею. Не смотрите на меня так удивлѣнно, Владимир Иванович. Или вы троцкист? И тайком, по ночам, Патрацкую читаете?

Я оттащил Берию от капитана и зашипел ему в ухо:

— Не наезжай на человека, Лаврентий.

— Так я же пошутил.

— В следующий раз, за такие шутки, в пенсне получишь. Понял? И извинись перед капитаном.

Берия подошѣл к Воронину и фамильярно взял того под руку. Ещё не оправившийся от тяжких обвинений капитан этому не препятствовал.

— Кавказский шютка билль. Не принимайте всерьѣз, Владимир Иванович. Более того, в Москве есть мнение, в случае удачного исхода нашей экспедиции, назначить Вас начальником военно-морской базы в Североморске.

— Североморске? Это где он? — Не понял капитан.

— Секретная информация. Но Вам, как будущему начальнику, расскажу. Начато строительство новой базы на месте нынешней Ваенги, да мы её вчера проходили. Но пока молчок! Никому не слова! Враг не дремлет!

Окрылѣнный предсказанным повышением Воронин заверил нас в строжайшем соблюдении военной тайны и повѣл с экскурсией в машинное отделение. Надо сказать, что

там мне очень не понравилось. Шум, грохот, жара, подозрительное шипение. Единственный более-менее тихий закуток был занят. В нём старший механик Матусевич собрал свободную от вахты трюмную команду для проведения занятий по самообразованию.

При нашем появлении ученики, половина из которых уже с седыми усами, благовоспитанно встали.

— Сидите-сидите, товарищи. — Махнул им рукой капитан. — Что там у нас с машинами, старшой?

— Да в штатном режиме, Владимир Иванович, — пожал плечами старший механик. — Узлов пятнадцать дадут. А так — как обычно. Скрипят, скрежещут, дребезжит что-то. Вторые сутки не могу найти где. Масло протекает везде, где только возможно. Но мы его регулярно протираем. А сейчас вот самообразованием занимаемся.

— И насколько успешно? — Берия с сомнением поглядел на одного из обучаемых, выделявшегося на фоне остальных узким разрезом глаз и плоским, как сковородка, лицом. — Вот скажите мне, товарищ.... Э-э-э....

— Моториста Иванов! — отрапортовал подскочивший с места матросик.

— Вот скажите мне, моторист Иванов, а почему электродвигатель крутится?

Коренной житель трюма тяжело и надолго задумался, потом его нахмуренное чело озарилось.

— Так он же в розетку включен! — И победно посмотрел на товарищей.

— Как Вас зовут? — Уже всерьёз заинтересовался Берия.

— Амангельды Мужикетович, товарища военный!

— М-да.... А почему же тогда электроутюг не крутится?

— Так у него ося нету! Не на чем крутиться-то.

Стармех схватился за голову и рывкнул на своего подчинённого:

— Иванов, иди с глаз моих долой! Возьми ветошь и машины от масла протирай, академик. И не забудь фланцы на паропроводах протянуть.

Моторист убежал, испуганно втянув голову в плечи, а Матусевич отпустил всех с занятий. Лаврентий что-то черкал в своём блокноте, а капитан с механиком завели разговор, пересыпанный таким количеством технических терминов, что я опять заскучал. Но моё внимание привлёк всё тот же Амангельды Мужикетович, уже не в первый раз пробегающий мимо открытой двери. Через некоторое время он робко постучался, и смущённо произнёс:

— Товарища старший механик, ключи кончились.

— Что? Какие ключи? — Не понял механик.

— Для болтов и гаек ключи.

— А куда они делись?

— Я их уронил.

— Куда?

— Туда. — Моторист показал пальцем на решетчатый настил, под которым плескалась вода пополам с маслом.

— Так достань. — Посоветовал Матусевич.

— Не могу, товарища начальник, мы это место уже проплыли.

Житие от Израила

Как тяжело объяснить человеку, что нужно сделать, одновременно не поясняя, для чего это вообще требуется. Угу, попробую только сказать Кренкелю, что мне нужно установить связь с райскими кущами.... Что будет? Правильно угадали, отправят прямо вслед за Кандыбой. Вот и приходилось мне ставить задачу туманными фразами, ссылаясь на строгую секретность. Интересно, а в каком году Толстой свою "Аэлиту" опубликовал? Не помню. Но старший радист уже посматривает на меня с нездоровым любопытством. Нашёл марсианина. И каналы там не я выкопал. Ой, только не надо тыкать пальцем в ошибки наших агрономов. С кем не бывает?

Мы с Кренкем битый час терзали его передатчики, пробуя на всех волнах передать несколько строчек зашифрованного мной текста. Тишина. Ну не совсем тишина. В ответ доносились возмущённые вопли, забиваемых чудовищной мощностью сигнала, иностранных радистов. А всего-то придвинулся ближе к усилителю, что бы тот попал под действие моего нимба. Полезная, оказывается, штука, этот нимб. А я им раньше только как фонариком пользовался, когда ночью в сортир ходил. И радисты пусть в сортир идут. Тут им не Лига наций.

Теодорыч стянул с головы наушники, и устало откинулся на стуле.

— Нас, кажется, уже и на Луне слышно, Изяслав Родионович.

Сказать ему? Нет, всё равно не поверит. А мне потом, за разглашение секретной информации, Гиви рога поотщипает. Я сказал рога? Вам послышалось. Конечно же, крылья повыщипает. Только и остаётся надеяться на мастерство и опыт радиста. Умнейший человек, и не скажешь, что в Польше родился. И к своим тридцати годам, успел все севера обойти с экспедициями и зимовками. На "Цеппелине" летал, и, говорят, спойл самого Шнобеля. Но не того, что с динамитом и премией, а который с дирижаблями падает. Или не Шнобеля? Не помню, хотя перед командировкой у Доконта консультировался. Ладно, потом уточню.

— Теодорыч, а может антенна плохая?

— Я её сам делал. — Кренкель посмотрел на меня как на врага народа.

— Тогда ладно, — поспешил я исправить ситуацию, — я то думал она ещё с Копенгагена.

Радист промолчал, закуривая папиросу от зипповской зажигалки, купленной, видимо в Дании. А пепел стряхивал в оригинальную пепельницу, представлявшую из себя перевёрнутую рынду на подставке, и с надписью славянской вязью по ободку "Сибиряков". Проследил за моим взглядом и кивнул.

— Оттуда. У капитана на память выпросил. Если тогда винты потеряли, кто рынды хватится?

Да, действительно, кто будет искать небольшой колокол, не самую необходимую вещь на корабле. Так и мы втроём, пропали, и хрен бы с нами. Кто вспомнит, среди прочих, двух обычных архангелов и одного простого полусвятого опричника? Разве что Перун, да и то под сомнением. Отплытие наше в аккурат на Ильин день пришлось, а ему потом по всей стране грозы организовывать. Заметили, что после 2 августа редко, когда громыхнёт? Отдыхает Илюша. Только если сапогом в помешавшего херувима бросит.

Ох, сироты, мы сироты. Связи с базой нет. Да что с базой, с Гиви не могу мысленно связаться. Вот попадалово.... Давеча брился с утра, так порезался в трёх местах. Это при том, что шкуру мою даже турецкие ятаганы не брали. Потому и первым на стену Измаила поднялся. Обижался потом родственник, что город его имени на шпагу взял. Да, а сегодня, вдруг, порезался. Проводим инвентаризацию дальше. Меч, положенный по должности, остался. Толку только с него. От чаек буду отбиваться, от тех, что Гиви не дострелил. А что, летать пока могу. Лёгкую иллюзию — тоже могу. Пожалуй, и всё. Способности к трансмутации нас давно лишили, с тех пор, как Гиви воду в вино научился превращать. А пошло оно всё...

— Эрнст Теодорович, а ты в Бога веришь?

— Нет, Изяслав Родионович, я материалист.

— Ну, тогда скажи мне, как материалист — материалисту.... Представь себе гипотетическую возможность существования Его, — я посмотрел в потолок. — И надо установить с Ним связь.

Кренкель радостно заржал и переспросил:

— С самим Господом?

— Не обязательно, — я улыбкой поддержал шутку, — достаточно просто связаться с кем-то из святых.

Радист принял задумчивый вид, удивительно сочетая его с не прекращающимся смехом. Почесал нос, видимо ухватывая ускользающую мысль, и изрёк:

— Икону надо на антенну вешать. Во всяком случае, именно так я бы и сделал.

— Серьёзно?

— Ответ соответствует вопросу, — усмехнулся Кренкель. — Вот если бы с Кощеем нужно было связаться, я бы у биолога скелет выпросил.

— Кощеев не существует, — заверил я радиста.

— А Бог?

— Эрнст Теодорович, давай не будем устраивать теологические диспуты. Скажи лучше, у тебя иконы есть?

— Откуда, Изыслав Родионович? Я в детстве в лютеранстве воспитывался.

— Да, — покачал я головой, — с точки зрения ОГПУ — это большой грех. Но где же нам взять икону?

— У боцмана есть. Только ни за что не признается.

— Так пойдём? У меня и не такие признавались.

Заморского мы нашли довольно быстро. Первый же палубный матрос махнул рукой в сторону нагромождения ящиков, за которыми и обнаружился боцман, устанавливающий капканы. Нимало не смутясь, он пояснил:

— На собак охочусь. Замучили, гадины.

— Смотри, Сан Саныч, — предупредил я Заморского, — если такс в капкан попадётся, товарищ Архангельский будет очень недоволен.

— Не попадётся, товарищ Раевский. Он сырое мясо не ест, кок отбивными набаловал. Так что не беспокойтесь, ничего с таксом не случится, ей Богу.

— Кстати, о Боге, Сан Саныч. Нам тут с товарищем Кренкелем, для научного эксперимента, срочно икона понадобилась. Не подскажете, случайно, где бы нам её найти? Понимаете, задание партии... и всё такое.

Боцман, думая, что я не замечаю, погрозил Кренкелю кулаком.

— Да что вы, товарищ Раевский, откуда на "Челюскине" икона? Ведь Владимир Ильич Ленин сказал, что Бога нет.

— Точно, товарищ Заморский. А чёрта с крючками в ушах, которого Кандыба видел, его тоже нет?

— И чёрта нет, Изыслав Родионович, — с готовностью подтвердил Заморский. — Но вот совершенно случайно вспомнил, что давно вожу с собой одну картину, но исключительно в качестве образца древнерусской живописи. И если пообещаете вернуть в целостности и сохранности, то могу одолжить. А чертей, особенно морских, не бывает. Правда, товарищ Кренкель?

В радиорубке я осторожно развязал тесёмки на войлочном чехле, предохраняющем икону от сырости, и взял грех на душу — вполголоса матюгнулся. Этого счастья мне только и не хватало.

— Что-то не так, Изыслав Родионович? — озабоченно спросил Кренкель. — Не та икона?

— Конечно не та. Видишь? Это Тихвинская Богоматерь.

— Не подойдёт?

— А то. С бабой связываться... — Нашёл я отговорку.

А сам тем временем почесал макушку, порой ноющую к непогоде. Именно по башке мужниным рашпилем меня отблагодарили за принесённую благую весть. А я то, дурак, тогда распинаясь, описывая радужные перспективы дальнейшего бытия, и в первый раз в жизни пропустил удар.

— Слушайте, товарищ Раевский, у нас же на пароходе свой художник есть, Решетников. Пусть он нарисует. А Вы подскажете. Только он спирт не пьёт.

— Он что, не настоящий художник? А впрочем, у товарища Архангельского под койкой полная сумка коньяку.

Глава 5

*Не за ранги и медали
Люди крепче камня стали.
Не отдали, не предали
Севера.
Олег Митяев.*

Москва. Кремль.

Сталин привычно ходил по своему кабинету и курил папиросу, безжалостно стряхивая пепел на ковёр. Небрежно брошенная на стол трубка, пока ещё не ставшая знаменитой, сиротливо дожидалась хозяина возле пепельницы. Хозяин был занят. Тихим, чуть глуховатым, от того более страшным голосом, он устраивал разнос. Заместитель наркома по военным и морским делам С.С.Каменев и заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода стояли навытяжку и молчали, когда Сталин подносил им к носу зажатую в кулаке телеграмму. Портрет Ленина со стены издевательски поглядывал на разносимых товарищей.

— Вы что, не знаете своих подчинённых? И вообще, определитесь, наконец, чьи это подчинённые. Почему телеграммы с "Челюскина" приходят подписанные не начальником экспедиции товарищем Шмидтом, а никому не известным комбригом Архангельским? И что обозначает звание — комбриг ОГПУ? Вы, товарищ Ягода, можете это объяснить?

— Товарищ Сталин, — начал оправдываться придавленный лавиной вопросов Ягода, — может товарищ Менжинский в курсе?

— Копаете под начальника? — прищурился Сталин. — Одобряю. Но давайте дадим заслуженному товарищу умереть спокойно. А может, это товарищ Каменев завёл собственное ОГПУ? Это Вы у нас занимаетесь освоением Арктики? Ваши люди сейчас на "Челюскине"?

— Никак нет, товарищ Сталин. В списках РККА данный комбриг не числится.

— А может это ещё Феликса Эдмундовича люди? — Предположил Ягода. — Он был большой любитель всяческих тайных организаций.

— Б..., - выругался Сталин, — этот польский скрипач и после смерти подгадить сумеет. Но не может же человек дослужиться до комбрига, и не оставить ни каких следов. Должны же они были пайки получать, денежное содержание. Квартиры, наконец.

— У нас всё может быть, — вздохнул Ягода. — А что, Архангельский там не один?

Сталин молча протянул бумагу.

" Москва. Кремль. Сталину.

Ввиду тяжёлой ледовой обстановки восточнее Новой Земли, и угрозы срыва задания Партии и Правительства, принято решение

идти в Берингов пролив кратчайшим путём через Северный полюс. В сэкономленное время планируется исследование Земли

Франца-Иосифа. Просим одобрить изменение географических названий. Общим собранием участников экспедиции, архипелагу

решено присвоить название Земля Иосифа Виссарионовича.

10 августа 1933 года Подпись: комбриг Архангельский, комбриг Раевский, комбриг Лаврентий Берия"

— Непонятно, — Ягода пошевелил крохотным квадратиком усов. — Вот этот, третий там откуда взялся. Он же должен Грузией руководить. Однофамилец?

— А пусть хоть полный тёзка, — усмехнулся Иосиф Виссарионович. — Нам ещё один товарищ Берия лишним не будет. Надёжный человек. Два месяца назад меня от пули террориста закрыл. Вы бы на такое решились? Не отвечайте, не люблю вранья. Так что там по "Челюскину" думаете?

— А что, товарищ Сталин, — пробасил в свои усы, которым завидовал сам Будённый, замнаркома Каменев, — неплохой щелчок по носу буржуазным странам получится.

— Вы думаете? — С сомнением произнёс Сталин и подошёл к столу, на котором была заранее разложена карта Арктики и взяв лупу принялся внимательно рассматривать Землю Франца-Иосифа. — Какие нехорошие названия. Самый крупный остров назван именем английского короля. Непорядок.

— Так точно, непорядок. — Подтвердил Каменев. — Я думаю, надо поддержать инициативу товарищей. Посмотрите, Иосиф Виссарионович, — Британский канал, Американский пролив, Итальянский пролив, Австрийский пролив. Ну, куда такое годится? И это на территории первого в мире государства рабочих и крестьян.

— А ещё есть остров Дункана Мак-Лауда, — наябедничал Ягода, почувствовав, что гроза пронеслась мимо. — А из наших названий, только один царский генерал. И ещё адмирал есть, но тоже царский.

Товарищ Сталин неторопливо потрошил папиросы, на этот раз, решив закурить трубку. Каменев с Ягодой подобрались и построжели. Трубка — это знак. Трубка в руке — это принятие важных и судьбоносных решений, от которых могут полететь многие головы. Так и знак того, что, в случае успеха, можно взлететь высоко-высоко.

— Не надо трогать царских адмиралов с генералами. — Негромко посоветовал Сталин. — Товарищ Макаров до чёрных орлов чуть ли не из пролетариев дослужился. К тому же — именно он первым из русских занялся этими островами. А товарищ Брусилов поддержал Советскую власть. Так что, это наш царский генерал. Ведь, правда, товарищ Каменев?

Бывший полковник поспешил согласиться:

— Так точно, Иосиф Виссарионович. Я предлагаю дать всем островам и проливам имена героев гражданской войны.

— И чекистов, — поддакнул Ягода.

— Нет, не пойдёт, — отрицательно покачал головой Сталин, — герои гражданской войны — это, конечно, замечательно. Но сегодня он герой, а завтра выясняется, что на самом деле это английский шпион, и сволочь сволочью. Как тот же Лев Давидович. Прикажете опять переименовывать? Нет, названия нужно давать в честь проверенных временем и историей товарищей, про которых мы точно знаем, что не изменят. Герои войны 1812 года, например. Да и мало ли других героев? Тот же Ермак. Или Олег Вещий, давший отпор византийскому агрессору на его территории. И прогрессивная общественность на Западе поймёт, что Советский союз — это государство с историей, берущей начало в глубине веков.

— Откуда на Западе прогрессивная общественность, товарищ Сталин? — Задал вопрос Ягода. И пояснил. — Они же все капиталисты.

— Не все. В Америке сейчас депрессия, а когда кушать хочется, то люди сразу коммунистическими идеями проникаются. Ладно, не будем спорить. Подведём краткие итоги нашего совещания. Имеется мнение поддержать инициативу товарища Архангельского. Товарищу Каменеву поручается послать телеграмму от имени Советского правительства, за моей подписью. И приложить список рекомендованных к применению названий. При невозможности пройти до Берингова пролива, пусть возвращаются в Мурманск. Задание, данное партией, будет считаться выполненным. Всё, товарищи. Текст телеграммы принесёте мне на утверждение. Все свободны. И спросите заодно, не родственник ли кому из них, тот Лаврентий Павлович.

"Челюскин" Баренцево море.

— Итак, товарищи, — Отто Юльевич Шмидт обвёл взглядом общее собрание, — как вы уже знаете, по заданию партии и правительства мы меняем курс. Нам поручено ответственное дело, и мы его должны выполнить со всей пролетарской сознательностью. У кого есть вопросы ко мне, как к начальнику экспедиции? Задавайте, товарищи, не стесняйтесь.

Руку поднял довольно молодой полярник, заросший бородой:

— Отто Юльевич, а как же моя экспедиция? Мы с товарищем Васильевым должны сменить станцию на острове Врангеля.

— Вот-вот, — поддержал своего начальника гидролог. — А у меня ещё, скоро жена должна родить.

Шмидт наклонился к сидевшему рядом комбригу Архангельскому:

— Этот мудак на зимовку бабу беременную потащил. — Гавриил Родионович в ответ только поморщился.

— Не беспокойтесь так, товарищ Васильев, — ответил Шмидт, — пусть ребёнок в нормальных условиях родится. Вы ведь девочку ждёте? И имя ей подходящее подберём. Францеиосифина — как звучит, а? Не нравится? Тогда — Баренцина. Тоже не подходит? Может, попросим товарища Раевского придумать?

— Да мы просто Машей назовём, — пошёл на попятную гидролог.

— Все вопросы? — Уточнил Отто Юльевич. — Тогда все свободны. Пилоту Бабушкину — начинать собирать свой самолёт, для проведения ледовой разведки.

Житие от Израила.

Народ быстро разошёлся, и в кают-компании остался немногочисленный начальствующий состав, изрядно разбавленный празднующими гражданскими личностями. Я заметил висящую на стене гитару и толкнул Гаврилу локтем в бок.

— Гиви, спой нам, пожалуйста.

— Изыди, я не в голосе. — Отмахнулся непосредственный начальник.

— Добром прошу....

— А в ухо?

— Ладно, сам напросился, — я встал и похлопал в ладоши, привлекая к себе внимание. — Товарищи, вы, наверное, не знаете, какой замечательный талант находится рядом с нами. Но вы его ещё узнаете. Нужно только попросить Гавриила Родионовича исполнить несколько песен.

Одобрительный гул голосов подстегнул моё красноречие. Ну, погоди, Гиви. Узнаешь, как мне в ухо угрожать.

— Вы, наверное, не знаете, товарищи, что сам Шаляпин, слушая комбрига Архангельского, плакал от восхищения, а великий Карузо от зависти посыпал себе голову пеплом, который стучался в его сердце. Так давайте же попросим....

Под вежливыми аплодисментами Гиви сдался. Он взял гитару в руки и подкрутил колки, настраивая семиструнку на привычный ему шестиструнный лад. И, присев на диван, взял несколько аккордов.

— Это не "Каховка", — удивился парторг Белецкий.

Гиви в ответ грустно улыбнулся и запел.

Капитана в тот день
Называли на "ты".
Шкипер с юнгой сравнялись в талантах.
Распрямя хребты,
И срывая бинты
Бесновались матросы на вантах.

Мёртвая тишина стояла в кают-компании. Слушатели только изумлённо переводили взгляд то друг на друга, то на исполнителя. Видно, что такого они не ожидали. А Гиви всё продолжал, со знакомой хрипотцой в голосе:

Киль как старый неровный

Гитаровый гриф.
Это брюхо вспорол мне
Коралловый риф.

Я смотрел на зрителей. Капитан Воронин сидел с распахнутыми глазами и беззвучно шевелил губами, видимо пытаясь запомнить понравившиеся строчки. Корреспондент газеты "Известия", вытирая выступившие слёзы, что-то стенографировал в блокноте. Шмидт вообще устался в одну точку и, в задумчивости, трепал бороду.

Гиви закончил выступление и вернул гитару на место.

— Это Ваше, Гавриил Родионович? — Спросил Шмидт.

— Нет, Отто Юльевич, не моё. Эту песню написал один мой друг, к сожалению слишком рано умерший.

Пользуясь тем, что на диванчике мы были только вдвоём, я упрекнул Гиви шёпотом:

— Сдурел? Надо было в своём авторстве признаваться. Всенародная известность, сталинская премия и всё такое.... Капусты бы срубили на халяву. Чего опять в ухо-то? Что я такого предложил?

От немедленной расправы, путём бития в многострадальное ухо, меня спас появившийся в кают-компании Кренкель, отсутствовавший на собрании по причине вахты. Он издали, с самым заговорщицким видом начал подавать мне таинственные знаки, сразу расшифрованные бдительным Гиви.

— Только попробуйте коньяк у меня спереть....

— И в мыслях не было, — я сделал честное лицо. На самом деле, зачем пробовать, когда две бутылки сегодня утром поменяли своего хозяина и местожительства. Одна пойдёт Решетникову, а вторая — на обмытие, в случае удачной попытки.

Я оставил Гавриила купаться в лучах чужой славы и, вслед за радистом, покинул общество ценителей искусства, предпочтя им более прозаичного технаря Теодорыча. Слава, она что? Сегодня есть, а завтра взошёл новый кумир на небосклоне, и вот сидишь ты в одиночестве, уныло взирая на оклеенные собственными афишами стены.

В радиорубке Кренкель с гордостью вытащил из-за пазухи газетный свёрток.

— Вот. Только подходящего сухого дерева не нашлось, — пояснил он. — Так боцман, на радостях, что Тихвинскую вернули, весло от баркаса подарил. А чего? Там лопасти широкие.

Я развернул газету. Батюшки! Шеф, как живой. И лысина так же розово поблёскивает. Определённо, этот Решетников большой талант. Как расписал, а? Будто на фотографию смотрю.

— Подойдёт? — С надеждой спросил радист, искоса взглянув на стоящие под столом бутылки. — Или перерисовывать придётся?

— Не знаю. Пробовать надо.

Со стороны, наверное, смотрелось довольно оригинально — чекист в высоких чинах лезет на мачту, сжимая в зубах брезентовую сумку. В неё мы спрятали решетниковскую икону, во избежание ненужных вопросов и пересудов. Только палуба была пустынна, за исключением Кренкеля, снизу руководившего модернизацией своей антенны. Все были заняты на вахтах, а немногие штатные бездельники, видимо, до сих пор осаждали комбрига Архангельского. Я закрепил сумку с иконой, и посмотрел вниз.

— Как, Теодорыч? Так нормально будет?

— Хорошо, Изяслав Родионович. Только осторожней там, не упадите.

Вот рожа немецкая.... Ну зачем говорить под руку? Точнее, под ногу. Она то, как раз неловко подвернулась, а так как в это самое время я пытался прикурить, стоя в обнимку с мачтой, то не удержался и полетел вниз. Но не долетел. Захлопали, расправляясь, крылья за спиной, и, под заторможенным взглядом Кренкеля, я мягко приземлился рядом с ним.

— Что это было, товарищ комбриг? — Ошалело вращая глазами спросил радист.

— Ты ничего не видел, Эрнст Теодорович, — строго предупредил я. — Это сверхсекретные разработки. Беляева читали?

— Про человека-амфибию? Так это правда?

— Я про Ариэля. Ах, да, роман ещё в черновиках. Но как выйдет из печати, обязательно прочитайте. А про происшествие — никому

Житие от Гавриила

Как по предательски подставил меня Изя с этой гитарой. И бросил среди новоявленных поклонников. Ладно ещё верный такс, отожравшийся до состояния кабачка, с трудом запрыгнул на диван и лёг, положив голову на лапы. А мне опять вручили гитару и попросили спеть. Что им теперь? Разве что вот эту, любимую, из Сергея Трофимова:

Мы дети любви пропавшие где-то
В дебрях славянских болот.
С крестом на груди.
С повадками зверя
И дерзостью бешеных псов.
Опричник и вор,
Святой да охальник,
Учитель и пьяный палач.
Трёх коней
Гоним по лесу вскачь.

Ага, вижу, многие заёрзали на месте. Парторг с красном рожей что-то пристально на полу разглядывает. Нравится, ядрена кочерыжка? Ну, сами напросились.

Мы верим в Христа,
В счастливое завтра,
И в лешего с Бабой Ягой.
Жалеем слонов
С далёкой Суматры,
И ближних пинаем ногой.
Мы терпим нужду.
Томимся богатством
И ищем потерянный след
В ту страну, где не бывает бед.
Зашевелились, толстожопые? Припев нужен?
Там-там-там — вечное лето.
Там-там-там — вечная жизнь.
Там Господь каждому даст конфету
И позовёт в свой коммунизм.

Белецкого сейчас кондрашка хватит. А сам виноват, сидел бы в своей каюте, патефон бы слушал. И вся кают-компания затаила дыхание, только известный вольнодумец Лаврентий, скромно сидя в уголке, показывал оттопыренный большой палец в одобрительном жесте. А струны уже сами звенели:

Мы ценим других,
Читая некролог
У серой могильной плиты.
И топчем живых,

Мол, век наш недолог,
На всех не найдёшь доброты.

Закончил песню в абсолютной, чуть ли не космической тишине. Из неловкого положения, собравшихся выручил Кренкель, неожиданно появившись в дверях.

— Гавриил Родионович, Вас товарищ Раевский в радиорубку просит.

Провожал меня дружный вздох облегчения.

Изя сидел перед радиоприёмником, руками вжимая в голову наушники. Наш приход не заставил его обернуться. Вот ещё один радиолюбитель нашёлся. Неужели это так заразно? Наконец он обернулся.

— Гиви, есть контакт.

— Сам ешь свой контакт.

— Говорю, связь установлена, — почти проорал Изя мне в лицо. — Только не слышно ни хрена. Но голос знакомый.

— Дай сюда! — Я отобрал наушники и столкнул напарника со стула. В эфире, сквозь шумы и треск, на пределе слышимости, доносился забиваемый чужой морзянкой голос. — Изя, дай карандаш и бумагу.

Напряжённо вслушиваясь, я начал записывать обрывки слов...обуй... Опять треск...мизер... тур... Какой-то свист.

— Какой мизер? — Возмутился Изя. — Кого обуть? Они что, в преферанс пулю расписывают?

— Заткнись! — И я продолжил записывать.

Так, опять свист...обле...джем...обуй...пытай...на связь...повой...лай....

— Нет, Гиви, они издеваются? — Кипел товарищ Раевский. — Повой, полай. И всё это с джемом.

— Подождите, товарищи, — вмешался Кренкель. — Можно мне послушать? Я привык DX в эфире вылавливать.

Радист надел наушники и взял карандаш.

— Так.... Так..., - бормотал он себе под нос, — славненько..., чудненько. Ну, это всё понятно.

— Что там?

— Вот, смотрите. — И Кренкель вслух прочитал. — Попробуйте оптимизировать контур. У вас проблемы. Помочь не можем. Попытайтесь выйти на связь по-новой. Николай.

Обрадовал. Так обрадовал, что сейчас плясать начну.

— Эрнст Теодорович, а про какой контур речь шла?

Радист посмотрел на Изю, и, запинаясь, ответил:

— Да понимаете, Гавриил Родионович, это изобретение товарища Раевского. Мы вот тут икону на антенну закрепили.

— Зачем?

— Ты что, товарищ Архангельский, — Изя пришёл выручить радиста, — не помнишь? Мы же у себя в ОГПУ изучали влияние артефактов на радиосвязь. Забыл?

— Так, то артефактов. А где вы икону настоящую на корабле взяли? У нас судовой церкви нет.

— Зачем нам церковь? И икона лучше настоящей получилась. Решетников нарисовал. Представляешь, Гиви, Николай Чудотворец как живой. Лучше фотографии.

— Дурак ты, товарищ Раевский. Ты бы ещё портрет Любви Орловой туда закрепил. Иконы же пишутся по определённым канонам. Вот Теодорыч свои приёмники по схемам паяет, и тут так же. Параметры совсем другие получились. И как ты ещё с редакцией "Плейбоя" связь не установил?

— А разве шеф и там снимался?

— Мало ли где он снимался, — одёрнул я подчинённого. — Лучше думай, где

настоящую икону достать.

— На "Пижме" должна быть. — Вдруг заявил Кренкель.

— Там-то откуда?

— Я видел, как они в Мурманске грузились. Там среди зеков священник был, в рясе и с крестом. Ещё чемодан нёс. В нём точно иконы есть.

— Теодорыч, давай связь с "Пижмой". — Взмолился я.

— Не могу, — развёл руками радист. — С ними уже десять дней связи нет. Каждые два часа вызываю, и днём и ночью.

У меня появилось огромное желание взять молоток потяжелее, и пройтись победным маршем по громадным шкафам радиостанции. Видимо оправдываясь в неудаче, она виновато гудела всеми лампами и умформерами. Подлизывается, сволочь. Ладно, не обижу.

— Изя, я к Бабушкину. Помогу со сборкой его тарахтелки и лечу с ним.

— Добро. Я тут пока побуду. Может, ещё что придумаем. Ты только не шлёпнись с той этажерки.

— Товарищ Архангельский не упадёт, — Заверил Кренкель, чем заслужил мой удивлённый взгляд.

Глава 6

*Мы взлетали как утки,
С раскисших полей
Двадцать вылетов в сутки.
Куда веселей
Мы смеялись, с парилкой туман перепутав.
Владимир Высоцкий.*

Житие от Гавриила.

И кто обозвал эту ласточку тарахтелкой? Я обозвал? Да креста на вас нет, окаянные. Вот Изя, тот мог обозвать. Этажеркой. Но точно не я. Потому, что влюбился в этот самолётик с первого взгляда. Вот Вы, да, именно Вы, верите в любовь с первого взгляда? Что ж, я и раньше подозревал всех людей в цинизме и мизантропии. Признаться, и сам людей не люблю. Так, то людей!

Мы втроём уже полчаса ползали по амфибии Ш-2, в просторечии называемого "Шеврушкой". Мы — это я сам, лётчик Михал Сергееч Бабушкин, и техник Мойша Шниперсон, двухметровый детина, странной волею судеб имевший роскошную белобрысую шевелюру и нос картошкой. Мы монтировали крылья и двигатель, до поры лежавшие в сухом трюме, и машина ласково звякала, в ответ на прикосновение гаечных ключей.

Как идеальная женщина, встретившая любимого мужа после длительной командировки. Можете себе представить идеальную женщину? Радующие глаз формы, благодарная отзывчивость на уход и ласку. Неприхотливая и надёжная. Нет, это не про женщину. У них не может быть такого ангельского характера, как у гениального творения инженера Шаврова. Уж поверьте мне, как специалисту. Нет, не по самолётам — по прекрасной половине человечества. Что? Нет, собаки к человечеству не относятся. Помнится, была у меня одна.... Далила, кажется. Или Юдифь? Нет, этой Изя голову снял при попытке покушения. Забываю.... Она всё в Путивле, на забрале плакала. Всё ко мне полететь порывалась. Полететь? Ах, да.... Я же о "Шеврушке" рассказывал.

Не зря, наверное, поговаривают, что Вадим Борисович собирал самый первый, опытный образец, в собственной спальне. Я бы тоже не отказался от такой красотки в спальне. А крылья в детской делал. Вот повезло человеку с семьёй. Или самолёту с человеком?

Соловьями запели шлюпбалки, потихоньку вываливая летающую лодку за борт.

Несколько добровольцев крутили лебёдки, а значительно большее количество народу давало советы по наиболее безопасному спуску самолёта на воду. Всё же размах крыльев в тринадцать метров требовал некоторой осторожности. Но вот уже "Шаврушка" закачалась на мелкой волне, притянута к "Челюскину" шкентелем.

— Счастливого полёта! — Напутствовал нас боцман, размотав за борт катушку штурмтрапа.

Мы с Бабушкиным, переваливаясь и косолапя, как медведи, из-за унтов и меховых комбинезонов, полезли вниз. Лезгинку в водолажном костюме танцевать нисколько не труднее будет. Лётчик пробрался на своё сидение, придерживаясь руками за плексигласовый козырёк, а я следом ступил с трапа на узкую носовую палубу, которая ощутимо качнулась под моим шестипудовым весом. Ладно, хватит мне места, не в футбол же тут играть. Ага, как последнему, надо отдать швартовы. Да забирайте! Держа равновесие, встал на поплавок, и занял место на пассажирском кресле справа от Бабушкина. А чего он на меня так удивлённо уставился? Я внимательно оглядел себя. Да нет, всё в порядке, ширинка застёгнута. Не тот конец отбросил? Но вроде бы "Челюскин" набирает ход не утягивая нас за собой.

— Что-то не так, Михаил Сергеевич? — Спрашиваю.

— Нет, всё нормально, товарищ комбриг. Только мне нужен мотор запустить.

— Так запускайте, товарищ Бабушкин. Я не против.

Лётчик замолчал. Видимо от радости. Ну, ещё бы, сам комбриг Архангельский разрешил завести двигатель. Нет, вот, что-то хочет сказать.

— А не могу завести, товарищ комбриг.

ТЬфу.... Опять не слава Богу. Ой, извини, Господи, ты этого не слышал.

— Сломался? Странно, а на вид вполне исправный. Тут же стосильный "Вальтер" стоит? Я давно говорил, что немцы не могут нормальную технику делать.

— Он не сломался, — скромно пояснил Бабушкин. — Надо винт проверить пару раз.

Ворча и матерясь, я вновь полез на палубу. Настолько неуклюже, что рядом кто-то громко рассмеялся. Где это рядом, море же кругом? Опять ржёт, слева от меня. Ага, вижу. Обыкновенная толстомордая белуха радостно оскалилась и ещё головой кивает. Здоровается, наверное.

— Ну, здравствуй. Что, пингвин, весело? Лучше бы помог "Пижму" найти. Где она, знаешь?

— Деда-деда-деда-деда, — заверещал полярный дельфин и, видимо соглашаясь, захлопал плавниками.

— Какой деда? — возмутился я. — Хотя если в профиль глянуть.... Нет, не было такого. Ты кому, Андерсену поверил? Врет он всё, понял?

— Деда-деда-деда-деда, — ответила белуха и плеснула в меня водой.

— Не балуй, — погрозил дельфину пальцем. — В угол поставлю!

Зверюга успокоилась, а я пошарил по карманам, куда накануне сунул горсть конфет.

— Вот, "Мишку на Севере" будешь? Мало? Вот ещё. Имей совесть, пингвин!

В общем, договорился я с юным вымогателем. Покажет он нам "Пижму", только должны лететь мы невысоко и не быстро. Но по возвращении будем должны конфет столько, сколько весит крупный палтус. Согласился, хотя ни разу не видел этого палтуса живьём. Ну, будем надеяться, что достаточно мелкая рыбка. А корабль совсем рядом. До него два косяка селёдок, подводная гора и стойбище каракатиц. Короче — плавником подать.

Дельфин уплыл в восточном направлении, а я, наконец, вспомнил, за каким же... хм, таким вылез на палубу.

— Михал Сергеич, в которую сторону крутить? Туда?

Бабушкин пальцем показал нужное направление, и я крутанул. Мотор что-то буркнул и чихнул.

— Будь здоров!

С техникой вежливость никогда не бывает излишней. На самом деле помогло. После второй попытки агрегат заработал легко и радостно, раскрутив перед моим носом

мерцающий диск пропеллера. А дальше что?

— Сергеич, я в эту мясорубку не полезу.

— Нагнитесь пониже, товарищ комбриг. Места хватит. Тут даже Мойша пролезал. — Проорал Бабушкин сквозь треск двигателя.

Я с сомнением посмотрел на просвет между палубой и винтом. Всю жизнь мечтал посреди Ледовитого океана раком ползать. В таком виде и кровать элегантнее меня смотрится. Нет уж, лучше аккуратненько на колесо шасси переползу. Ха, Шниперсон пролезал, нашли эталон. Будь у меня такая фамилия, и я бы куда угодно пролез.

Житие от Израила.

Я отпустил Кренкеля отдыхать, едва в дверях радиорубки появился Лаврентий. Он подошёл к диванчику, на котором обычно и спал старший радист, сел и откинулся на спинку, заложив руки за голову. В стёклах пенсне отражались разноцветные карточки на стенах (у радиолюбителей называемые QSL), присылаемые в знак подтверждения проведённой радиосвязи. А за стёклами хитрые-хитрые глаза.

— Не слышал, что Гаврила в кают-компании учудил?

— А что случилось? Вроде в самолёт он трезвый садился, я в иллюминатор смотрел. Кофе будешь?

Берия посмотрел, как я ставлю на самодельную плитку бронзовую турку, и ответил сразу на второй:

— Конечно буду. А Гиви там трезвый был, что и шокировало товарищей.

— С каких это пор, трезвость вызывает шок и трепет?

— Неверно выразился, — уточнил Лаврентий. — Люди в тягостном раздумье и глубококом размышлении разошлись. Белецкий у доктора третий стакан валерьянки выпросил, всё не может понять, как это, большой чин ОГПУ поёт песни, расходящиеся с курсом партии. Непорядок.

— Уж не про баньку ли по-белому спел? — Спросил я, разливая кофе по чашкам.

— Он свою любимую исполнил. Где Господь всем конфеты раздаёт.

— Гиви такой, — согласился я, размешивая сахар. — Помню на фестивале в Навашино.... Лаврентий, ты не был в Навашино!?

— Да, — хмыкнул в чашку Берия, — только с моей рожей и шляться по фестивалям. Может ещё одного Жукова встречу. С ковром и пистолетом.

Я себе это представил. Да, неплохо бы смотрелся на параде стилизованный под Лаврентия Палыча участник. Особенно на фоне трёх, как в прошлый раз, Иосифов Виссарионовичей, один из которых, в кепке-аэродроме, торговал мандаринами на навашинском рынке.

— Слушай, Изяслав Родионович, когда выберемся отсюда, познакомишь нас? Стой, Изя, положи пепельницу. Конечно же — пусть живёт. Я имел в виду вживую встретиться.

Ладно, на этот раз бить Лаврентия не буду. Хотя и стоило бы. Я же помню недавнее увлечение нашего шефа поэтами. Вот гнида! И ведь ещё молодых сманивал, обещая райские условия и стопроцентно надежную маскировку переселения. А в итоге? Да нет никакого итога. Хоть бы кто строчку написал. А ещё говорят — душа поёт, душа поёт. Ни фигу она без тела петь не хочет. Мотивации нет. Вот псалмы, те да... те получают. Нет уж, пусть живут долго и счастливо, дай им Бог здоровья.

Да я и сам почти поэт. Не верите? Ваше право. А, к примеру, Баркова читали? Что? Нет, конечно, сам стихи не пишу, так, эпиграммы иногда. Но идею подбросить и вдохновить — это с удовольствием. Вот Вы говорите — музы. К Анне Ахматовой, возможно, и музы приходили. Но у Ивана Семёныча я побывал лично. Да точно Вам говорю. А у меня и книга с автографом есть. Вот как помрёте — заходите, покажу.

— Как ты думаешь, — Берия поставил пустую чашку на стол, — найдёт Гиви "Пижму"?

Житие от Гавриила

А что её не найти? Нашёл. Вот она, родимая, показалась вдалеке на исходе третьего часа полёта, когда я уже начал беспокоиться, хватит ли нам бензина на обратную дорогу. Дымит-то как. Там что, котлы вместо донецкого антрацита старыми сапогами топят? И ведь прёт кораблик точно в сторону Маточкиного Шара. На всех парах, пользуясь отсутствием льдов. На орден капитан рассчитывает. Да, но по моим расчётам они должны были уже Новую Землю пройти. Заблудились?

Самолётик быстро, с бешеной скоростью в сто двадцать километров в час, догнал "Пижму", и, как заправский топ-мачтовик нарезал круги, проносясь над палубой. Выскочивший народ придерживал шапки, рассматривая необычное явление.

— Гавриил Родионович, — крикнул Бабушкин, — приготовьтесь к бомбометанию.

Оно мне надо, своих бомбить? Но на всякий случай вынул из необъятных карманов три гранаты.

— Я пошутил, товарищ Архангельский! — Бабушкин оставил штурвал и замахал руками. — Надо вымпел с запиской сбросить.

За отсутствием вымпела, на палубу полетел старый валенок. Там его подобрали, почесали себе ушибленную макушку, изучили послание и побежали на доклад к капитану. Который принял правильное решение, и судно сбавило ход, предупредительно просигналив гудком. Бабушкин сделал ещё один облёт и повёл "Шаврушку" на посадку. Приводнившись, мы были встречены набивающимся в родственники дельфином.

— Деда-деда-деда-деда....

— Куда прёшь, зараза? Не забыл я про тебя. Лучше швартовый конец подай.

"Внучек" послушно сплавал и принёс в зубах обрывок каната.

— Зачем отгрыз? Я же весь просил. Уйди с глаз моих долой. Не мешай.

На палубе нас уже ждали. Худощавый моряк сделал шаг вперёд и представился:

— Капитан Чучкин. А Вы, наверное, комбриг Архангельский?

Я небрежно поднёс руку к лётному шлему и поздоровался, попутно оглядывая палубу. Где они "Мир" спрятали? Уж не вот в ту ли цистерну?

— Здравствуйте, Борис Николаевич. Да, это я Архангельский. Где тут у вас глубоководный аппарат?

— Вы гальюн имеете в виду, товарищ комбриг? — Уточнил капитан.

— Хм..., и его тоже. А маленькая подводная лодка, что в Мурманске грузили, где она?

— Не было никакой лодки, товарищ комбриг, — удивился Чучкин, пропуская нас вперёд на трапе. — Вот, цистерну, с мазутом для Певека, взяли попутным грузом. И документы на неё имеются. Хотите посмотреть?

— С документами позже разберёмся. И Сагалева у вас нет?

— Может и есть, — пожал плечами капитан. — Но тоже надо бумаги посмотреть, а они у начальника конвоя в каюте заперты. Но у меня есть запасной ключ. А вот, кстати, и наш "глубоководный аппарат". А я пока за ключом схожу.

— Борис Николаевич, — крикнул я вдогонку капитану, — там у меня, рядом с самолётом, дельфин плавает. Распорядитесь, что бы его шоколадом угостили. У вас на корабле он есть?

— Есть, — грустным голосом ответил Чучкин. — Спирта нет, а шоколад есть.

И ушёл. А Михаил Сергеевич смотрел в его спину с немим вопросом, недоумевая, как это на судне в Ледовитом океане нет спирта. Вернулся Чучкин только через полчаса, когда мы с Бабушкиным уже устали ждать и попросту разлеглись на полу корабельного сортира. А что делать? Ноги устали. Жрать после свежего воздуха хочется. Тут не до глупых буржуазных условностей. Мы, пролетарьят, Народ простой, трюфеля ботфортом не хлебали. Разве что.... Нет, не было в том французском обозе трюфелей. Да хоть у Дениса Васильевича

спросите....

— Ой, что вы, товарищи, — засуетился вокруг нас капитан "Пижмы", как переспелая смольненская институтка при виде кавалергарда. — Вам же тут неудобно. Пойдёмте я покажу каюту товарища Кандыбы.

— Дурака Кандыбы, — уточнил Бабушкин.

— Ой, как Вы сказали?

— Дурака, говорю, — повторил лётчик. — Его в Мурманске в психбольницу отправили. На почве хронической трезвости помешался. Сначала в чертей из маузера стрелял, а потом ангелов видел.

— Радость-то, какая! — Неожиданно тонко, по-бабьи, воскликнул капитан и умильно улыбнулся, при этом молитвенно сложив ладони.

— Ангелов видеть — радость?

— Нет, то что меня от него избавили.

— Всё так плохо? — Поинтересовался я, поднимаясь с пола.

Чучкин стёр улыбку с лица, всхлипнул, и принялся жаловаться на свою горькую судьбинушку. На то, как в Мурманском порту начальник конвоя запретил грузить на борт канистры со спиртом. Потом устроил собственноручный обыск экипажа, и выбросил в море найденные горячительные напитки. Как молотком сломал радиостанцию, подозревая радиста в сокрытии в ней записки. Как провёл ревизию медпункта, безжалостно изымая любые настойки. Но кульминацией всего, стало требование заменить спирт в компасе водой, дабы избежать пьянства на рабочем месте.

— Мы потому так далеко к норду и ушли, — жаловался капитан. — Вот только недавно курс подправили. Завхоз самогон для компаса изготовил. И ещё осталось. Отобедать не желаете? А дельфинчика вашего я сам покормил. Представляете, ему больше всего понравились сардины в прованском масле. Экий гурман и проказник.

Неплохо, однако, питаются полярники. И это в стране, в которой совсем недавно отменили карточки на хлеб. А чего он сам-то такой тощий?

— А в царском флоте, не доводилось ли Вам служить, товарищ Чучкин? Речь у Вас несколько старорежимная.

— Ну что Вы, товарищ комбриг, — польщено засмутился капитан. — Я вообще первый раз в море вышел, по приказу партии. Родом я из самых что ни не есть пролетариев Ярославской губернии. Но к флоту с малых лет приверженность имею и причастность. Служил я в Гельсингфорсе, в ресторане у господина, простите, гражданина Кюба, официантом. И из разговоров флотских офицеров постиг морскую премудрость. Думаю, что и в бою управился бы с крейсером.

— Да? — Усомнился я в капитанских способностях.

— Что крейсер, и броненосец поведу. Не сомневайтесь, товарищ Архангельский, — уверил меня Чичкин.

— Вот как? Тогда я сообщу товарищу Каменеву, что нашёл командира нового крейсера для Тихоокеанского Флота.

Чичкин побледнел и покачнулся. Бабушкин успел подставить плечо.

— Ну что Вы так, Борис Николаевич? — Укорил я капитана. — Не стоит так радоваться. А давайте и в самом деле перекусим? На сытый желудок и документами займёмся.

Легко сказать — займёмся. Я, безобразно ослотившийся и объевшийся, лежал на двуспальной кровати под шёлковым балдахином и тупо пялился на запертый сейф. И что мне этот балдахин? Нет, это Кандыбе зачем он понадобился? И постельное бельё подозрительное. С кружавчиками. К чему это я? Да ни к чему. Просто кровь от мозгов прилила к желудку, и мысли в голове ползают одинокие и простейшие. А главная из них — как мне открыть сейф? Нет, не так... Главная — вздремнуть бы пару часиков.

Уснуть мне не дал вежливый стук в дверь. Я разрешил войти, и на пороге появился

сухонький старичок, за спиной которого маячили штыки конвоя.

— Что такое? — спросил я у вохровцев.

— Вы просили Сагалевича найти, — пояснил один из бойцов. — Вот мы и привели.

— Хорошо, свободны. — отпустил я конвойных и предложил старику присесть.

Он опасливо посмотрел на роскошное ложе, на мои громадные унты поверх тончайшего шёлка покрывала, и осторожно присел на край соседнего стула. Я тоже сел. Нехорошо разговаривать с пожилым человеком лёжа. Это Марат мог принимать аристократок, моясь в ванной. Но что вы хотите от пламенных революционеров?

— Значит Вы Сагалевич?

— А Вы знаете другого? Я Вам так скажу, гражданин начальник, если найдётся на этом забытом старым Яхве ковчеге ещё один Соломон Сагалевич, то мне таки будет приятно с ним поздороваться. Ну где ещё могут встретиться два старых еврея, как не на плавучей тюрьме в получасе ходьбы от Северного полюса? Вы таки не будете утверждать, что везёте нас на Западный полюс?

— Не так быстро, гражданин Сагалевич, — попросил я сквозь смех. — Как вас по батюшке величают? А меня зовите просто — Гавриил Родионович.

— Вам это так необходимо, гражданин начальник? — Удивился арестант.

— А что тут такого?

— Ничего, но с тех самых пор, как мой троюродный братец Вальмах устроил эту хамскую революцию, Соломона Сагалевича обзывали исключительно по-матушке. И кому бы это понадобилось называть старого еврея Соломоном Боруховичем? А ещё при Николае Втором я таки был звездой. Как, Вы ни разу не слышали про Маэстро Соломона? Да я вскрывал сейфы быстрее, чем гражданин Шуберт играл свои вальсы. Хотите, я на спор открою этот сейф обычной спичкой? Вы держите пари на пачку папирос?

— А что поставите Вы, Соломон Борухович? Хотя я и заинтересован в вашем выигрыше. У меня нет ключей от этого сейфа. Ну?

— Так гражданин начальник тоже умеет отвечать вопросом на вопрос? Простите, это к слову. Я ставлю на кон свою репутацию лучшего медвежатника страны. А это стоит больше жалкой пачки папирос.

Папиросы мне не жалко, всё равно не мои. Я достал из ящика стола две пачки и положил перед Сагалевичем. Тот осмотрел давно не виданное богатство и хитро прищурился.

— Вы доброй души человек, Гавриил Родионович. Хотите, я, не вставая с места, научу Вас самого как открыть этот сейф?

Ого! Такие знания мне всегда пригодятся. А вдруг у шефа что-то интересное припрятано?

— Соломон Борухович, там, в столе, ещё три таких пачки. Если научите — они Ваши.

— Только папиросы вперёд.

Я пожал плечами и протянул Сагалевичу требуемое. Он рассовал по карманам добычу и чуть откинул край иллюминаторной занавески.

— Старый Соломон никогда не обманывает, гражданин начальник. Возьмите с крючка запасной ключ и откройте сами.

— Борухович, я тебя убью!

— Таки да, если это сделает вам хорошо. Но позвольте выкурить мои папиросы. Вы не торопитесь, Гавриил Родионович? Я очень мало курю.

— Бережёте здоровье, Соломон Борухович?

— Вы таки хотите довести старого еврея до Колымы совершенно здоровым? Или прикидываете, выдержу ли я две высших меры социальной защиты? За то, что я Вам тут наговорил. Да не нужно так беспокоиться, я и одной не переживу. Хотя приговором советского суда мне приказано стать долгожителем.

— Это как?

— Ну... если к моим семидесяти пяти добавить двадцать пять.

— За что четвертак? — Удивился я. — Вроде бы социально близким такие сроки не дают. Вы же по основной специальности сели?

— Ах, если бы..., - пригорюнился старик. — Меня подвело увлечение радиосвязью. И разве меня одного? У нас половина трюма — бывшие радиолюбители. О, какие позывные, я Вам скажу. Да что может ОГПУ понимать в позывных? Аппаратный журнал и послужил главной уликой. Представляете, с двумя с лишним сотнями стран связывался. Значит — на каждую и шпионил. У меня в деле они все записаны. Как думаете, может таки стоит обратиться к ним за зарплатой?

— Подождите, Соломон Борухович, — я остановил меркантильные соображения Сагалевица, — а Вам в трюме священник не попадался?

— Алексей Львович? Как же не попадался, в одной камере влачим... так сказать. Матёрый человечище!

Глава 7

*Местный поп, отец Василий, бывший прапор КГБ,
Вышиб двери в эту баню проклятую.
Закричал: — Господь не выдаст!
И во праведной злобе
Стал кадилом сокрушать супостатов.
Сергей Трофимов*

Житие от Гавриила.

Матёрый человечище... Может быть и так. Но если бы не крайняя нужда, да ни за что бы не стал разговаривать со служителем культа. Не люблю я их. За что, спросите? Это профессиональное. Долго рассказывать. Ладно, расскажу — накопело.

Вот Вы часто молитесь? То-то и оно, не стоит Господу надоедать молитвами. Ему вообще не надо надоедать. А эти? Целый день трындит "Господи спаси... Господи помилуй... Боже сохрани...". А что конкретно? Нет, ты объясни.... Ну да, бывают и более точные просьбы. "Дай Бог здоровья". Ага, всё брось, и дай. Когда ему здоровье давать, если от обедни в сауну с девками, а к заутрени из кабака? Здоровье ему.... Последний раз, когда матушку хоть в щёчку поцеловал, долгогривый? Сил хватает только, что бы вечером перекрестить её и захрапеть трубой Иерихонской.

Думаете, пейсатые лучше? Как же. Молится такой ребе с утра: — "Господи, изничтожь всех гоев". Обращается вроде к Нему, а трудиться мне. Изничтожь.... Ты точный список мне дай. В трёх экземплярах. На русском языке с сурдопереводом. Точные данные, привычки, распорядок дня, маршруты движения. И фотографии каждого. Не по телефонному же справочнику работать?

Еще одна просьба мне нравится. Ей, правда, ко всем относится. К верующим и неверующим, независимо от конфессии. "Господи, пошли мне богатство". Почему бы и нет? Пошлёт. Но ты хоть, для начала, отлепи задницу от дивана, к которому прирос ещё два года назад, присев на минутку и обложившись ящиками с пивом. На работу устройся, придурок.

Мулла. Ну, этих сразу модерируем, не прослушивая. Почему? Как почему? Мулла татарский, а молитва на арабском. У нас инструкция. Параграф семь, пункт двенадцатый. Бюрократия-с. Да и не хочется, на старости лет, варварские наречия учить. У нас государственный язык — русский. Ну и остальные скифские диалекты в качестве местных языков. Хотя некоторые скифы одичали до офранцузивания и онемечивания в такой степени, что трезвому-то, и не разобрать.

То ли дело в старые времена! Проснёшься поутру, умоешься росой медвяной, молока попьёшь, кусочек берега кисельного скушаешь.... Благодать. На работе почту проверишь, а там лишь благодарения, славословия и отчёты о праведности. Кто какое дерево посадил,

сколько сынов породил, сколько вражьих домов пожёг.

О чём это я? Ах о священниках.... Ну пойдём, посмотрим на местного батюшку. Мы вышли из каюты, и я отстранил конвой, пытавшийся прибрать Сагалеви́ча к рукам.

— Амнистия ему вышла. Копию постановления суда получите в Москве. Да, и пометьте об этом в своих гроссбухах, или что там у вас. Приведите мне заключённого. Соломон Борухович покажет, которого, и поработает у вас Вергилием. Не мне же по трюмам ходить.

Вертухаи уважительно смотрели на представителя незнакомой профессии. Пришлось поторопить их.

— Чего рты разинули? Шагом марш отсюда!

— Есть, товарищ комбриг! — хором гаркнули конвойные и дружно повернулись кругом.

Один через левое плечо, а другой через правое. Тьфу, дярёвня. Ну да, тоншаевские волки. Деревня Тоншаево, что на самом севере нынешнего Горьковского края, поставляла солдат в конвойные войска, наверное, ещё со времён Василия Тёмного. Воспетый в песнях вологодский конвой — так, детишки в песочнице. У-у, сволочи. Это их предки меня в кандалах до самой каторги гнали.

Приведя себя воспоминаниями в суровое настроение, я был готов к встрече со священником. А пока brave солдатики, под предводительством мультишпиона, приведут его, можно покопаться в сейфе бывшего начальника конвоя.

Так, что там у нас? Пачка патронов — в сторону. Деньги, на вид тысяч десять. Приберём. Чулки женские, фильдеперсовые, с начёсом — нафиг. Солдатики оловянные, стойкие — одна коробка. К ебе... ой, тоже не нужно. Ага, нашёл. Вот и списки заключённых. Угу, год рождения... статья... срок... Вот это интересное — гражданские специальности. Так что, тут не один Соломон такой? Занятно.

За спиной скрипнула дверь, которую, видимо, забыл закрыть.

— Товарищ комбриг, привели.

— Хорошо, подождите за дверью.

Когда я повернулся, священник слегка побледнел и размашисто перекрестился.

— Господин полковник? — Прошептал он. — Вас же в Галиции....

Житие от Израила

— Прилетели! — Сообщила мне конопатая физиономия, просунувшаяся в дверь радиорубки.

Вот и славно. А то я уже беспокоиться начал за начальника. Улетели ещё вчера под вечер, и шлялись всю ночь неизвестно где. Хорошо ещё, что полярный день в этих широтах ещё не кончился. Но бензина у них часов на восемь полёта. При попутном ветре. Но если прилетели, значит, нашёл Гиви "Пижму". Иначе до сих пор гребли бы вёслами. Прецеденты бывали.

Я снял с вешалки тёплую куртку, надел её, и кутаясь в шарф, вышел на свежий ветерок. Это терпение только бывает ангельским, а здоровье у нас обыкновенное, хрупкое. С человеческим, конечно, не сравнимое, но и судьбу искушать не стоит. Тем более в неясной ситуации с непонятными перспективами.

Гиви стоял спиной ко мне и, перегнувшись через борт, помогал кому-то подняться. Кого они там привезли, Бабушкин уже на палубе? Начальник легко вытащил и поставил рядом с собой носатого старика в красноармейской шинели без петлиц. Батюшки, неужели я сподобился живого сиониста увидеть? Это он — икона? Нет, пусть сами его на антенну вешают.

Следующий пассажир поднялся на "Челюскин", и мне пришлось признать свою ошибку. Настоящий священник, в меховой шапке и рясе, видневшейся из-под тулупа, крепко прижимал к груди туго забитый баул. А чего у него лицо такое знакомое? Я мысленно

побрil батюшку и передел в мундир. Точно он, ротмистр Нижегородского драгунского полка Алексей Львович Акифьев. Чего он в попы подался? Впрочем, это его дело, а такие люди нам нужны. В моём полку отродясь засранцев не водилось. Разве, как исключение, когда Александр Третий своего Кольку над полком определил, надеясь на благотворное влияние боевых офицеров. Вот только чёрного кобеля не отмоешь добела. Ну, меня там уже не было. Все претензии к его высокоблагородию, полковнику Архангельскому. Я только так, изредка наведывался.

Почему мой? А чей же? Имел честь дважды командовать прославленными драгунами. Первый раз ещё при Павле Первом довелось. А второй — уже при Николае Первом. Гиви в политику с головой окунулся, мне же досталось доблесть под персиянскими пулями проявлять. И проявил. Дербент брал, Ереван брал, Эрзерум брал. А при Джевал-Булахе собственноручно вражеское знамя пленил, пройдя с поручиком Левковичем сквозь сабли свирепых сераскиров. За тот бой и орден Святого Георгия имею. Правда брат Гоги орден смотрел, сказал: — "На мэня ни пахожь". Только из-за родственника декабриста генерал-майором не стал. Обидно. Ведь честолубие, как и ни что человеческое, нам не чуждо.

Бывший ротмистр перекрестил ходовую рубку и собравшихся моряков. К нему тут же подскочил бабушкинский техник.

— Благослови, отче. — И оглянулся на лётчика с оправданием. — Я же ещё не комсомолец.

Отец Алексей перекрестил его, и благосклонно протянул громадную лапу для поцелуя.

— Как зовут тебя, отрок благочестивый?

— Мойша я. Шниперсон.

— Что? Какой ещё персон?

Батюшка выдернул руку и тряхнул рукавом. Оттуда вывалилась массивное кадило на толстой цепочке.

— Сейчас я тебя благословлю, иродово племя, — прорычал он, покачивая кистенём и держа в прицеле белобрысую макушку.

— Свой я, свой! — В ужасе отпрыгнул Мойша. — Тамбовский я. А так в детдоме назвали. До того я Антонов был.

— Да? Ну, тогда извини, сын мой. Нервы. В узилище среди иудеев, яко Даниил в пещи огненной пребывал. Да при перелёте некий сукин сын всё притереться норовил.

— Да я вообще отвернулся! — Возмутился Сагалеви́ч.

— Вот, зри выюнош, на какие ухищрения лукавый пускается, лишь бы православному служителю задницу показать.

Гиви высмотрел в толпе встречающих завхоза и подозвал его.

— Пассажиров помыть, переодеть, накормить и определить на постой. Всё понятно?

— Так точно, товарищ комбриг! — В лучших армейских традициях щёлкнул каблуками Моги́левич. — Разрешите исполнять?

Завхоз увёл Акифьева с Сагалеви́чем, а Гиви подошёл к Шмидту.

— Всё в порядке, Отто Юльевич. Нашли мы "Пижму". Через пару часов подойдёт. Меня пока не беспокойте, пожалуйста. Мы с товарищами на чрезвычайное совещание.

— Что-то случилось, Гавриил Родионович? — Обеспокоился Шмидт.

— Всё в порядке, — пояснил Гиви, — просто у нас, как у настоящих чекистов, все события чрезвычайные.

Москва. Кремль. Кабинет Сталина.

Поскрёбывшев неслышной походкой подошёл к столу, на котором была расстелена подробная карта Арктики, и склонился к лучшему другу советских физкультурников.

— Товарищ Сталин, прибыл Каменев. Дожидается в приёмной, — и замер, ожидая реакции.

— Это который "и Зиновьев"? Разве ему разрешили выехать из Минусинска? —

Уточнил Вождь.

— Нет, товарищ Сталин, там Сергей Сергеевич Каменев. Вы ему на это время назначили.

— Пусть войдёт. И распорядитесь насчёт чая. Какой чай предпочитает товарищ Каменев?

— Он коньяк любит.

— С больным сердцем и коньяк? Хорошо, и его тоже принесите.

Секретарь (точнее заведующий секретариатом, но разве можно поручить подчинённым такое ответственное дело?) вышел, и вместо него на пороге кабинета остановился Каменев.

— Разрешите?

— Конечно, Сергей Сергеевич, проходите. Я же Вам говорил, по нашему, арктическому делу, приму в любое время дня и ночи. Нам, старой ленинской гвардии, спать некогда. Потому что враг не дремлет. Присаживайтесь вот сюда.

Удивлённый заместитель наркома осторожно опустился на предложенный стул. Мало того, что Сталин назвал его по имени и отчеству, что делал крайне редко и неохотно, так ещё и сесть предложил. По слухам, посидеть в сталинском кабинете удавалось только ночной уборщице. Да и то сомнительно. На такую должность меньше чем лейтенанта не поставят, а уж он не позволит себе лишнего. А если и позволит.... На Колыме, говорят, участковых не хватает.

Иосиф Виссарионович помолчал, ожидая пока порученцы вкатят уже сервированный стол на колёсах, и покинут кабинет. Хотя.... Просто уйдут, рангом ещё не вышли — покидать.

— А давайте мы с Вами в кресла пересядем, Сергей Сергеевич. Потребление хорошего коньяку предполагает удобство. Что мы, как два комиссара в сортире ГлавПУРа должны выпивать? Пусть Гамарник сам пьёт в своём сортире. Как Вы думаете?

— Я не знал, что Ян Борисович.... В таких условиях....

— Да это не о нём, а вообще, — Сталин неопределённо покрутил рукой. — Вот царские полковники знали толк в удобствах? Ну не смущайтесь так, Сергей Сергеевич. Были там и положительные моменты. Мундиры, к примеру, взять. А? Я ведь ещё в восемнадцатом году предлагал товарищу Ленину оставить погоны в армии. Нет, послушался к мнению иудушки Троцкого.

Сталин жестом попросил Каменева разлить коньяк и, взяв бокал, продолжил:

— Кто придумал эти серые гимнастёрки, я? Или, — последовал ненавидящий взгляд на вешалку, — фуражки утконосые? А вот представьте себе, Сергей Сергеевич, будто стоим мы на трибуне мавзолея, Первомайский парад принимая. Белые кителя, а на них погоны золотые. На груди ордена теснятся. С бриллиантами и рубинами. Да на орденах князь Кутузов, граф Суворов, князь Александр Невский. Представляете?

Каменев представлял. Но понимая, за такими откровениями может последовать всё что угодно, мысленно примеривал не белый парадный китель, а элегантную телогрейку с номером на груди. Сжав бокал, он одним глотком проглотил содержимое, которое огненной бомбой взорвалось в желудке.

— Вот это правильно, Сергей Сергеевич. — Похвалил товарищ Сталин. — Сразу видно военного человека. Принял — и снова в бой. Одобряю. Борис Михайлович Шапошников тоже такой. стакан коньяка выпивает, и в свою академию лекции читать. "Не могу", — говорит, — "я трезвый без слёз на красных командиров смотреть". Сразу видно — настоящий полковник, как и Вы. Ну зачем же по привычке пытаться занюхать аксельбантом? Вот, брынзу рекомендую.

Иосиф Виссарионович сам последовал своему совету, взял кусочек сыра, переложил его веточками кинзы, внимательно осмотрел, будто выискивая недостатки, и отправил в рот.

— Неплохо. Давайте-ка, я разолью ещё по малой толике, а Вы, Сергей Сергеевич, прочитаете новую телеграмму с "Челюскина".

Замнаркома ознакомился с текстом и в недоумении поднял голову.

— Бред какой-то, товарищ Сталин.

— Ну почему же? Мне наоборот, даже при заочном знакомстве, комбриг Архангельский показался весьма здравомыслящим человеком. Или Вы о том, что комбриг Берия оказался старшим братом первого секретаря грузинского ЦК? Эка невидаль, потерялся человек в младенчестве, а родители нового ребёнка в честь старшего назвали. У нас на Кавказе и не такое происходило.

— Я не о нём, Иосиф Виссарионович. Это о "Пижме". Кому могло взбрести в голову отправлять Северным морским путём две тысячи заключённых?

— И каких, заметьте. Большая половина из них — редкие специалисты, так нужные сейчас в промышленности. Особенно в военной. Кстати, обратите внимание, что комбриг Берия предлагает создать для них особые закрытые конструкторские бюро, остроумно назвав их шарашками. Замечательно человек разбирается в психологии русского интеллигента. Не находите? Только работа под принуждением позволит им полностью реализовать свой потенциал. А иначе — так и будут сидеть на кухнях, перемывая мои косточки и вынашивая грандиозные планы обустройства страны.

— А давайте Берии и поручим это направление, — предложил Каменев.

— Сергей Сергеевич, вот вернётся он с Северного полюса, тогда и подумаем над этим вопросом. А пока прошу заняться Вас. Подготовьте помещения, проведите режимные мероприятия. И пока выясните потребности армии в радиотехнике. Особенно обратите внимание на авиацию и танковые войска.

— Но Иосиф Виссарионович, товарищ Ворошилов считает....

— Меня не интересует, что считает товарищ Ворошилов, — и Вас не должно интересовать. Нашли военный авторитет — слесарь третьего разряда. Климента Ефремовича мы поставили наркомом в качестве символа, а для принятия решений есть Вы и товарищ Тухачевский. — И неожиданно перескочил на другую тему. — Так каково же будет мнение по поводу введения погон?

— Политбюро не согласится, Иосиф Виссарионович. Да и повода нет, как это подать?

Сталин поморщился, как от зубной боли.

— Мы ещё решим этот вопрос, Сергей Сергеевич. А потом и с погонами определимся.

Замнаркома поставил пустой бокал на столик и встал, решив, что разговор окончен.

— Подождите, Товарищ Каменев, ещё не всё. Распорядитесь приготовить самолёт, пусть доставят пакет на "Челюскин". В наше время нельзя полагаться только на радиосвязь. И последнее.... Как Вы смотрите на то, что бы войти в состав ЦК? Не надо отвечать. Просто пока подумайте. А то нехорошо получается — Косиоров двое, а Каменевых ни одного.

— Но, Иосиф Виссарионович, я даже не кандидат.

— Зато им является товарищ Ягода. Обязательно поинтересуюсь, а нужна ли эта нагрузка ему. А Вашим людям, в свою очередь, должно стать интересно — какое отношение имеет Генрих Григорьевич к странным арестам?

Житие от Гавриила

— И куда ты собираешься девать целый пароход с зеками? — Спросил Изя, разглядывая в бинокль возникший на горизонте дымок "Пижмы".

— Лаврентию отдам, — пожал я плечами, — он сам проявил разумную инициативу. Кто писал Сталину про шарашки, я? Вот пусть и строит их на Земле Иосифа Виссарионовича.

— Но там слишком холодно, — попытался возразить Берия.

— Печки будешь топить. У нас в экспедиции пятеро печников имеются. Ну, куда нам столько? Думаю, Отто Юльевич войдёт в твоё бедственное положение и откомандирует парочку. Устроит? А Сагалевица главным истопником возьми. Он тебе будет дрова доставать. Соломон Борухович, Вы сможете обеспечить товарища Берия топливом?

Старый шпион-медвежатник собирался с мыслями, передвигая невидимые костяшки

счётов. Когда дебет с кредитом сошёлся, он улыбнулся.

— Как это не смогу? Вы сомневаетесь в умственных способностях старого Соломона? Конечно, это не будет стоить дешево, Гавриил Родионович. Но возможно. При наличии соответствующего финансирования.

— Златой телец тебя погубит, Моня, — напроорочил мрачно отец Алексей. — Нет бы из любви к ближнему помочь бескорыстно. А ты...

— Что я? Вы по себе знаете, к чему приводит абстрактное человеколюбие. Оно надо было, отец Алексей, в ту баню дверь вышибать? Ну, угорел бы оперуполномоченный, и что с того? Меньше бы их стало? А так.... Жизнь ему спасли, а поцарапанный щепками нос был квалифицирован как нанесение тяжких телесных повреждений представителю власти. По статье-то Вы — террорист, батюшка. Так что, пусть ближние сами о себе беспокоятся. А у меня родственники есть. О них и забочусь. Знаете моего троюродного братца со стороны бабушки свекрови тётки их покойного деда? Гирша Нахамсона? Таки у него есть своя угольная шахта на Шпицбергене. А вы говорите дрова, дрова. Нет, я, конечно, не сомневаюсь в способностях товарищей из ОГПУ организовать лесоповал даже на дрейфующей льдине, но вы сначала просчитайте себестоимость доставки деревьев на эти айсберги.

— Вот тебе целый корабль айсбергов, — батюшка кивнул в сторону приближающегося судна.

— Ай, не морочьте мою голову, отче, там их всего двое. Давид и Саул Айсберги. Меня отвлѣк подошедший Кренкель.

— Всё готово, товарищ Архангельский, — он покосился на стоящих рядом посторонних, — новый антенный усилитель установлен.

— Хорошо, сейчас будем. Лаврентий Павлович, мы с товарищем Раевским отлучимся в радиорубку. Ты не мог бы взять на себя почётную обязанность отделения агнцев от козлиц?

— Я таки помогу, — Предложил свои услуги Сагалеви́ч.

— Изыди, окаянный, — отец Алексей покачал кадилом. — Сами справимся.

Глава 8

*А вдруг это очень приличные люди?
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет?
Владимир Высоцкий*

"Тьфу ты, дьявольская сила! Эх их, дряни, привалило!" — Перебирая личные дела заключѣнных, Лаврентий Павлович бормотал под нос цитаты из "Конька-горбунка". Уголовников — в одну сторону, политических в другую. Ладно, это были не те, настоящие, многотомные пухлые дела, хранящиеся в архивах. Так, два листочка с фотографией и краткой биографией. Плюс многострочный список статей и преступлений по ним.

Берия расположился за столом в каюте бывшего начальника конвоя "Пижмы". Отец Алексей и Сагалеви́ч, сидевшие на разных сторонах громадной кровати, отгородились друг от друга кипой бумаг и давали краткие характеристики по знакомым фамилиям.

— А кто такой — Велосипедиди? Грек?

— Нет...э-э, товарищ комдив, — Соломон Борухович с усилием произнёс неприятное для него слово, — из наших.

— Из жуликов? — Уточнил священник.

— Нет, из радистов, — разочаровал его Сагалеви́ч. — Изобрѣл телефон переносной, весом всего пять килограммов, вместе с батареями. Дальность передачи — до двадцати километров. Пришѣл на приѣм в Наркомат связи, а на следующую ночь за ним приехали. Червонцем по рогам, за развитие шпионских технологий.

— А этот, Воронков?

Отец Алексей встал и подошѣл к столу, что бы посмотреть на дело. Узнав фотографию,

он улыбнулся.

— Тут уже я смогу ответить. Это — преподобный Александр из Нижегородской епархии. В Старо-Ярмарочном соборе служил. Придумал, как из опилок мебель делать.

— Вот его за дело посадили, — одобрил Лаврентий Павлович. — Кто же купит шкаф из опилок? В стране что, деревьев мало? Да, а почему статья пятьдесят восьмая?

— При аресте уронил из окна двух милиционеров и сбросил в Оку служебную машину. Богатырь.

Берия снял пенсне, и устало потёр лицо ладонями.

— И куда мне теперь девать таких орлов?

— Там не только орлы, — стал объяснять Сагалевиц, — и львы есть. Вот посмотрите — Лев Абрамович, Лев Эммануилович, Лев Михельсидекович.... Такие же старики, как и я. Ну какие из нас изобретатели и инженеры? Отпустите нас, пожалуйста, Лаврентий Павлович?

— Куда?

— За границу отпустите. — Так жалобно, что незнакомый человек принял бы за истинные чувства, попросил Соломон Борухович. — Вам ведь понадобятся шпионы, в той же Франции или САСШ? А что может быть естественнее радиолюбителя с собственной радиостанцией?

— И вы добровольно будете шпионить? — Усомнился отец Алексей.

— Кто Вас научил говорить такую ерунду, батюшка? — Сагалевиц всей позой изобразил насмешку. — Конечно же, нет. Мы будем вынуждены заняться этим под жутким принуждением этой вашей ОГПУ.

Лаврентий Павлович, не торопясь с ответом, долго протирал линзы, наконец, водрозил пенсне на место и спросил:

— И вот просто так, на чистом энтузиазме?

Старый Соломон рассмеялся чистым, детским смехом.

— А мы разве не будем получать зарплату? Или Вы не считаете нас евреями? Я таки могу предъявить доказательства.

— Только попробуй, — предупредил отец Алексей, кивая на кадило.

— Теоретически я могу себе представить такой вариант, — согласился Берия, наблюдая, как Сагалевиц пытается подвинуться подальше от грозного священника, — но где гарантия, что по прибытии в Америку, вы не пойдёте сдаваться в ФБР?

— Товарищ комбриг, — не унимался старый шпион, пересев на стул в другой стороне каюты, — Вы же не барон Ротшильд, а я не пришёл закладывать фамильные драгоценности. Ну, какие могут быть гарантии? Лучше представьте, сможем ли мы жить в какой либо стране, и не устраивать ей пакости? Одну маленькую, или, хотя бы, много больших?

— Да.... И много вас таких?

— Миллионов пять наберётся. Ой.... Нет, на корабле, конечно, поменьше. Инженеров же Вы заберёте? Тогда человек сто.

— А уголовники?

— Так Вам людей посчитать, или сказать, сколько народа? — Ответил Соломон Борухович. — Всех социально близких можете забрать себе, мы не обидимся. А давайте, Лаврентий Павлович, продадим их Нахамсону на шахту? Гирш заплатит в твёрдой валюте.

— Русскими людьми торгуешь, морда? — Взревел отец Алексей, пытаясь нащупать на боку отсутствующий палаш.

— Подождите, Алексей Львович, — Берия остановил священника, — какие же они русские? Это про Вас можно сказать. Уже про меня. Или, даже, про Соломона Боруховича. Вот мы — русские. А уголовники.... Всё, кончилось время социально близких. Урою урок.

Добровольные секретари с должным почтением внимали начальственному гневу, впрочем, не понимая его причин. Но Лаврентий Павлович быстро успокоился и стал прежним, крайне невозмутимым комбригом с тихим голосом.

— Мы подумаем над Вашим предложением, товарищ Сагалевиц, — того перекивило от обращения, — мне нужно посоветоваться с шефом.

— С Гавриилом Родионовичем?

— Ага, с ним. Не с Михал Ивановичем Калининым такие вопросы обсуждать.

Житие от Гавриила

Лежу в тесной радиорубке на диванчике и изнываю от жары. Эти кочегары, точно пособники вероятного противника. Разве можно так пускать пар на отопление? Изя, правда, объясняет излишнее тепло работой радиоаппаратуры. Лампы, мол, там здоровенные, вот они и раскаляются. Ха, за дурачка меня принимает. Даже дети загадку знают — светит, но не греет. А они даже и не светятся, так, волосинка какая-то внутри горит. Уши он мне греет, собака. Не лампа — Изя.

И злобный такс страдает. Вот он, притулился в ногах, и поглядывает, в тайном ожидании, что я из кармана ему белого медведя вытащу. Всё ещё надеется поохотиться, по несколько раз в день выбегает встречные льдины осматривать, а потом перед зеркалом грозному рыку тренируется. Ездовые собаки уже неделю как боятся из трюма вылезать, за что охотнику ежедневный боцманский респект. Разъедается чудовище моё кривоногое, скоро по трапу не сможет взобраться. Но на зов Сан Саныча летит стрелой. Предатель. Так вот она проявляется, немецко-фашистская порода.

Да, кстати, о немцах. Гитлер же в этом году должен на выборах победить. Они уже были, или нет? Надо будет у Лаврентия спросить, наверняка в его диссертации записано. Напарник ещё вчера предлагал Адольфа попутно грохнуть. Оно бы и неплохо, я лично не против, но как его теперь на полюс затащить?

— Ну вы долго ещё там настраивать будете? Эрнст Теодорович, ты частоту не забыл?

— Я там шкалу ножиком процарапал, — вместо радиста ответил Изя, прикручивая провода к большому громкоговорителю. — Не волнуйся, сейчас готово будет. Не терпится с шефом поговорить? Сейчас он тебе хвост накрутит.

— Настолько грозен? — Спросил Кренкель.

— Не то слово, — лицемерно вздохнул товарищ архангел. — Форменный зверь. Ночами не спит, всё думает — куда бы нас послать? А ты говоришь — грозен. Это бы полбеда.

— Да... — посочувствовал Теодорыч. — И как его Менжинский до сих пор терпит?

— Кого? — В один голос спросили мы.

— Ягоду, кого же ещё?

Из репродуктора слышался обычный шум, треск и свист вперемешку с чужой морзянкой. Что, впрочем, старшего радиста не смущало. Он привычно отбивал ключом свои позывные, пытаюсь достучаться до неизвестного ему шефа. Уже восьмая попытка заканчивалась неудачей.

— Может у них обед? — Предположил Кренкель.

Я поглядел на часы. Всё может быть, распорядок дня в нашей конторе весьма вольный и своеобразный. Особенно у нас в отделе. Бывает, так всё надоест, что обеденный перерыв с каждым часовым поясом устроишь.

— Ну, чего кричите? — Из динамика вдруг раздался знакомый голос с сильным грузинским акцентом. — Слышу я всё. Мощность передатчика убавьте, уши закладывает.

Старший радист подскочил со стула, встал по стойке "смирно" и, косясь на радиостанцию, прошептал:

— Ваш начальник сам товарищ Сталин?

— А ты как думал, Теодорыч? — Изя расплылся в довольной улыбке. — Станем мы ещё на всякого Ягоду размениваться.

Шеф в громкоговорителе пошелестел бумагами, с хрустом в скулах зевнул, и продолжил:

— Морзянку вашу, тут всё равно некому переводить. Поэтому спрашивать меня ничего не надо, не отвечу. Потому, слушайте. Да, секретность обеспечьте. Посторонние есть?

— Так я пойду? — Утвердительно спросил Кренкель, и вышел из рубки.
— Значит так.... Товарищи, братья и сёстры.... Пардон, не тот листок взял. Ага, вот он. Видали апостола? Без бумажки двух слов не свяжет, если, конечно, без мата. И это один из лучших.

— Короче так, ребята, — по новой завёл наш Чудотворец. — Как я и говорил раньше, у вас проблемы.

— А я и не знал. — Прокомментировал сообщение напарник.

— Ну, не то что бы очень большие, так, накладочка вышла.

— Да, совсем малюсенькая, — Изя продолжил одностороннюю полемику.

— Моя шутка с названием корабля, оказалась... м-м, несколько неудачной.

— Так ты шутил, сволочь? — Возмущению архангела Израила не было предела. Молодой ещё, наивный.

— Ночью, накануне вашего отплытия, противником была устроена диверсия, заметили которую, к сожалению, слишком поздно.

— Что там у тебя взорвали, супермаркет на перекрёстке седьмого неба и проспекта имени Взятия на лапу?

— Заткнись пожалуйста, уважаемый, — попросил я. — Мешаешь слушать.

Изя не ответил, лишь презрительно оттопырил нижнюю губу и отвернулся. Шеф, видимо дававший нам время на переваривание новостей, опять заговорил.

— В четыре часа утра, вероломно, без всякого объявления войны, противником был запущен Большой Гудронный Эквалайзер.

— Адронный коллайдер, — автоматически поправил напарник. Тоже мне, заклёпкометр домашнего разлива.

— Были приняты меры по обезвреживанию и остановке агрегата, но в результате его кратковременного воздействия на существующую реальность, произошло самопроизвольное появление нескольких параллельных миров, и срастание их с халявниками. В одной из этих параллелей вы сейчас и находитесь.

— Охренеть! — Теперь уже моя очередь настала спорить с невидимым шефом.

— Связи с этими мирами не существует, за исключением вашего. Да и с вами только по радио. Помочь ни чем не сможем. По прогнозам наших учёных, эффект изоляции может продлиться несколько лет субъективного времени. Короче, господа архангелы, постарайтесь не скучать до решения проблемы. И... не надо меня благодарить. Конец связи.

Изя подошёл ко мне, кажется передумав обижаться, взял за руку, и, глядя в глаза, попросил:

— Гиви, когда отсюда выберемся, не ходи бить ему морду без меня. Хорошо?

— Какой разговор? Замётано. — И повернулся на скрип открывшейся двери. — А, Лаврентий Павлович, заходи. Закончил?

— Нет ещё. Там Акифьев с Сагалевичем доделают. У вас как, связь была?

— Лучше бы и не было, — я махнул рукой и кратенько обрисовал сложившуюся ситуацию. И то, что Никола нашу морзянку понять не может, и про то, что задержимся мы тут гораздо дольше, чем рассчитывали.

— Вот придурок, — Берия оценил умственные способности нашего шефа, — не понимает он. Ну ладно, переводчика не нашёл, но через комп можно было пропустить? Я же сам ему в прошлом месяце новейшее ПО поставил.

— Висту, что ли, десятую?

— Отстой твоя Виста. Я только собственными разработками пользуюсь. Про Лаврентия-53 слышал? Нет? Это вы зря. Мои ребята старались, Муза майкрософтовского отловили.

— Так это из-за него скандал с олимпийскими бесами был? — Вспомнил Изя.

— Нет, там всё тихо было. Кто эмигранта хватится? Мы его взяли как раз при переезде с Парнаса на Порнай. На 121 статье подловили. А тут ещё целый букет отягчающих обстоятельств. По совокупности на три тысячи лет каторжных работ потянуло. Да, чуть не

забыл про своих уголовников, тех, что на "Пижме". У Сагалевица неплохая идея появилась.

Житие от Израила.

А мне лично предложение старого медвежатника понравилось. Его стоило обдумать и принять нужное решение, стараясь не упустить нашу выгоду. Неплохой гешефт получится. Что, кто работорговец? А по мордасам? Причём тут угольные шахты Гирша Нахамсона? Какие ещё урки? Ах вот вы о чём.... И не собирался.... Какое у людей воображение нездоровое. Хотите — забирайте их себе. Можете хоть в море всех перетопить. Что, не нужны? Просто из абстрактного гуманизма беспокоитесь? С такими вопросами к товарищу Берии, а мы в подобном замечены не были. Стесняетесь? Оно и правильно.

— Сам то, что предлагаешь, Лаврентий Павлович? — Спрашивает Гиви. Правильно, пусть Берия мозгом пошевелит. А то прибежал, вывалил на уставших от ответственного дела товарищей идею. Нет уж!

Предложения у него были. Например, высадить всех на подходящую льдину, дрейфующую в сторону Канады, и пусть американцы их спасают. Всё бы ничего, но вдруг не спасут? Посчитают экономически не выгодным? Второй вариант, с принудительной посадкой всех желающих в спасательные шлюпки, даже не стоило и рассматривать. Не доплывут.

— Давайте их прямо на пароходе отправим. Устроим побег, так сказать. Чего сразу дурак? Баржу-переростка пожалел? Отдадут, по международному праву положено.

— Не дойдут они до Штатов, — сообщил мне Гаврила.

— И не надо. У нас Шпицберген под носом. А что, Троцкого в Норвегии приютили? И сотню беженцев прокормят.

— "Пижму" не отдам.

— Видал жлоба, Лаврентий Павлович? Экономный.... Чего боишься? Сам судно выручать пойду. Куртку кожаную надену, будёновку у Могилевича выпрошу, на боку маузер. Саблю обязательно, с красным бантом. И что бы сапоги дёгтем воняли. Такого вида любой Хокон напугается.

Гиви подошёл к изящному кабинетному роялю, сел, откинув фалды фрака, и аккомпанируя себе, запел томным голосом Вертинского:

И тут вот появляюсь я.
Весь в белом, ну, или светло-сером.
Красив и грозен, как судья.
С большим железным револьвером.

(Пометка на полях рукописи. Мелким почерком товарища Берии.... Официально заявляю об отсутствии рояля в радиорубке "Челюскина".)

(Пометка на полях рукописи. Каракули комбрига Раевского.... Вот она, цензура кровавой гегни в действии.)

— Я тебе серьёзно говорю.

— Забудь. Тебе вообще в Норвегии запрещено показываться, — напомнил мне начальник. — Так же, как и в Швеции с Данией.

— Это почему? — Удивился Лаврентий.

— Не знаешь? — Оживился Гиви. — Обижены там не него очень. В своё время товарищ Раевский поручили найти место для ссылки побеждённых скандинавских богов. Справился. Целый город построил в низовьях Волги. Только женщин им не дал. Так и жили, как могли. Отсидели положенный срок, и домой вернулись. А злобу затаили.

— А город какой?

— Астрахань.

— Тогда, Изяслав Родионович, тебе действительно не стоит на приём к королю ходить.
— Подумаешь, король. Не его же там.... Хм.... Да. — Возразил я Берии. — Мелочь европейская. Тогда на Шпицберген пойду.

— Иди. А там тебя инеистые великаны из соседнего халавника встретят.
Пфе.... Нашёл чем пугать. Я ещё в детстве сопливом, да, мне уже лет двести было, таких ётунов на завтрак десятками кушал. Настоящих.

— Нет, Гиви, откуда на нормальном русском острове заморская нечисть заведётся? Я что, зря Грумант открывал? Сто тридцать поселений поморских за пятьдесят лет построил. Мои ребята сюда, как в собственный карман лазали. Почти что вторая родина.

— Неважно. К тому же неизвестно, что в России сейчас творится.

— Так сейчас нельзя говорить, — поправил Лаврентий Павлович. — В Советском Союзе, вот как правильно, Гавриил Родионович.

— Без разницы. Я и Скифию помню, и Сарматию. Даже Киммерийское царство застал.

— А Конана видел? Какой он из себя? Говорят — громадного роста, и рыжий.

Гиви скромно опустил взгляд.

— Не было никакого Конана. Сказки всё это. — Я бы тоже не сознался.

— Ну, не было, так не было, — легко согласился Берия. — А что до Союза.... Какая разница, кто будет шпалы укладывать между Салехардом и Дудинкой. Всех в дело определим. Волкодлаков, оборотней. Хоть вампиров. Помнится, взяли мы одну семейку в Львове....

— Откуда семья у них, Палыч? Они же, вроде, покойники. Заливаешь. У Изи научился?

— Товарищ Раевский, вроде бы, во вранье замечен не был, — заступился за меня Лаврентий. — А у вампиров бывают семьи. Они тоже размножаются. Только орально.

— Как-как?

— Я имею в виду через укус. А по виду — обычные люди, только бледные очень. На лесоповале по шесть кубометров строевой сосны нагрызали. В полнолуние бывало, и две нормы давали.

Гавриил нервно забарабанил костяшками пальцев по столу. Скверная примета. С хохмами нужно завязывать.

— Всё, товарищи, пошутили и хватит. Вернёмся к нашему делу. Что с "Пижмой" в нашем времени произошло, Лаврентий Павлович?

— Не было её в реальности, товарищ Архангельский. Даю стопроцентную гарантию. Была пара статей в жёлтой прессе времён разгула демократии. С тех пор и пошла гулять легенда о тысячах невинноубиенных, утопленных чекистами в Чукотском море. Бред. Никто бы не пошёл на такие затраты. И денег, и трудовых ресурсов. Всё по той же версии, оставшихся в живых после подрыва корабля, эвакуировала американская полярная авиация. Документов, подтверждающих это, нет. Души якобы погибших зеков к нам не поступали. Ходил слух о фотографии в "Нью-Йорк Таймс", но я лично проверил подшивки за несколько лет, и ничего не обнаружил.

— Может, и мы её в лёд вморозим? — Выдвинул и я свою идею. — Подтащим поближе к канадским берегам и на мель посадим, а то вдруг утонет раньше времени.

— А уголовники? Под лёд?

— Зачем? — Хитро прищурился Берия. — Перепишем им документы на пятьдесят восьмую статью, и пускай себе бандитствуют в стране равных возможностей.

— Не поверит никто в подлог. Они и сами на первом же допросе расколуются до самой.... Ну, кто до чего сможет.

— Какой подлог? Не надо никого обманывать. Всё официально сделаем. Врать не будем принципиально. Это, вообще, нехорошо.

Вечер того же дня. "Пижма"

В кают-компании, за столом, накрытым кумачом, расположилось Особое Совещание.

Председательствовал, как более опытный в иезуитской казуистике, комбриг Берия.

— Следующий.

Открылись двери, и конвойные втокнули очередного урку.

— Фамилия, имя, отчество?

— Мкртчян, Аристарх Автандилович.

— Иди сюда, — поманил Лаврентий Павлович зека. — Бери тетрадку со стола. Читай вслух первую страницу.

— Сталин дурак, — прочитал уголовник, и ошалело поглядел на Берия.

— Понятно, — констатировал тот, — контрреволюционная агитация и терроризм. Пятнадцать лет лишения свободы. Вопросы есть? Заткнись, нет у тебя вопросов. Следующий!

Глава 9

Малярный летают комары.

Кто-то смотрит из озоновой дыры.

Посмотрел, сурово пальцем погрозил.

Ой, тревога. Дайте мне аменазин.

Тимур Шаов

Житие от Гавриила.

Так вот она какая, Земля Иосифа Виссарионовича. Голая и безмолвная. Камни, укрытые ледниками. Узкие проливы, забитые льдом. А я её не узнал, хотя был в этих местах проездом в столицу. Разве сейчас вспомнишь, на склоне которой из гор стоял трактирчик, в котором подавали лучшие вина Гипербореи. Настоящие вина. Горы.... А нет их теперь, лишь слизанные ветрами вершушки торчат памятниками человеческому безумию.

Люди.... Да люди ли? Что же сделали, уроды? Да, пусть в легендах вы остались могучими, мудрыми и прекрасными. Пусть так и останется. Но я то знаю, как оно было на самом деле. Память, моя проклятая память. И крылья, белоснежные крылья архангела. Если пепельная седина бывает белоснежной.

Вначале было слово. Никто не знал, кому первому пришла в голову мысль словом менять свойства материи. Неизвестна точная дата появления того, что впоследствии назовут магией. Началось с малого. Казалось бы малость, вечный светильник. Но именно он подсказал идею. Потом появились многочисленные бытовые безделушки, транспорт, междугородние порталы. Жизнь налаживалась и била ключом. Была основана Магическая Академия и сотни частных школ, где за умеренную, а местами и запредельную, плату обучали всех желающих.

На первый тревожный звонок никто не обратил внимания. Наоборот, всеобщее ликование окружило нового кумира, составившего формулу превращения воды в вино. Виноделы стремительно разорялись, и, по принуждению изобретателя, возглавившего Совет Иерархов, вырубали виноградники. Через год радовалась только треть населения, которой не нужно было искать денег на ежеутреннюю опохмелку, а остальные лихорадочно искали лечебные заклинания, пытались спасти родственников. Но магический алкоголизм оказался необратимым, и в ответ на лечение выжигал мозг больного.

Оставшиеся в живых, выдержали приличествующий ситуации траур, и озаботились своим здоровьем. Молодильные яблоки и живая вода дали потрясающий эффект. Лет на двести. Это стоило Гиперборее ещё половину населения, преимущественно женского. Долго дымили крематории по всей стране, не справляясь с утилизацией живых мертвецов.

Вот только не говорите — бес попутал. Не было их поначалу. Пресытившиеся жизнью и развлечениями колдуны, волшебники, чародеи виноваты в их появлении. Захотелось экзотики, — и пожалуйста, кто козла себе завёл, кто поросёнка. Побаловались и бросили. А

потомство утопить забыли.

Уже привычно погрузив, маги устремились в космос, где и подцепили жуткую заразу. Ладно бы сами сдохли. Во избежание.... Именно во избежание, мне было приказано направить тот астероид в центр некогда цветущего континента.

Совесь. Что совесь? Перед ней я ответил.

Что же вы сделали, уроды?

— Грустишь, Гавриил Родионович?

Я не расслышал за спиной шагов, и вздрогнул от неожиданности.

— Так, мысли о бурной молодости. Ты, Лаврентий, опять подкрадываешься?

— Не хотел нарушать торжественности момента, — виновато развёл руками Берия. — Я в архиве отчёты читал.

— И что? Теперь на каждом острове будешь меня с цветами встречать? Эти обломки по всему океану разбросаны. Никому не нужны, кроме России, даже америкашки в восемнадцатом году ими побрезговали. Их геологи тут, все, что можно пробурили.

— И не нашли ничего. До открытия месторождений на шельфе ещё лет пятьдесят. Может подсказать идею? Нефть — кровь войны.

— Дерьмо — кровь войны, Лаврентий Павлович.

— Не любишь ты её, товарищ Архангельский.

— Не люблю.

— А если завтра война? Пойдёшь?

— Пойду. И убивать буду. И при необходимости пленных пытаться. Понадобится геноцид — пройдем и через это.

— Страшный ты человек, Гавриил Родионович.

— Я не человек, Лаврентий. Как и ты.

Мы третий день строим аэродром, выбрав для него относительно ровную площадку на острове Александра Невского, в девичестве — просто Александры. Ещё бы кто знал, для какого самолёта. Чёрт бы побрал местную секретность. Будто не понимают, что в наших условиях лишний метр посадочной полосы можно считать подвигом. А за десять метров — награждать посмертно и принимать в почётные пионеры, с повязыванием галстука на гроб.

Правда, рабсила у нас дармовая. Пассажиров "Пижмы" вежливо, но настойчиво попросили принять непосильное участие в строительстве.

— Лаврентий, — окликиваю Берия, — перемудрили вы тут с тайнами. Сказали бы точно. Или бойцы невидимого фронта считают, что в Ледовитом океане на каждой льдине сиди шпион с фотоаппаратом?

— А я здесь причём? Между прочим, меня в Москве в это время не было. — Ответил Лаврентий Павлович. — Так что не надо гнусных инсинуаций. И какая тебе разница, чего прилетит? Не пошлют же сюда "Максим Горький".

— Помилуй Боже, — я чуть не перекрестился от испуга, — эта мечта зенитчиков весь остров крыльями накроет. Заодно и утопит своим весом. Хотя.... Знаешь, неплохо бы смотрелись газеты с рассказами о спасении попавших в беду лётчиков героическими челюскинцами.

— А в довесок к статье — орден, — пошутил Берия.

— Не откажусь. Награды лишними не бывают. Тем более и премия прилагается. К "Красной звезде" — полугодовой оклад. А тут и на "Ленина" потянет. Чего ухмыляешься? Видел я твою парадную фотографию. Жалко, что только с фасада, а то бы и на заднице были медали видны. Коллекционер.

— Честно заслуженные, — слегка обиделся Лаврентий.

— Кто бы спорил. Я свои завоёвывал. Хочешь, научу как?

— Иди ты.... - пробурчал недовольный красный опричник и ушёл сам.

И пусть идёт. Не архангелу же за работающими зеками приглядывать? Не по чину. А он пусть на следующую ступень святости дерзает. У меня всё равно уже вершина карьерного

роста. Апостолом уже не стать, места заняты, а равноапостольный — понижение в звании.

Ну точно, оставленные без присмотра подневольные рабочие побросали ломы и кирки, нагло игнорируя суесящийся конвой, и попрятались за валунами, защищавшими от холодного ветра. Напрасно старший красноармеец Фарадей, получивший главнокомандование над вертухайскими войсками, злился и матерился. Что он сможет сделать человеку, имеющему приговор со сроком, сравнимым со средней продолжительностью жизни ещё двести лет назад? Расстрелять? Права не имеет, кроме как при попытке к бегству. Но покажите такого недоумка, который захочет отсюда убежать. Нет, не то, что бы очень нравится — просто некуда. И пайка на удивление хорошая. Её конвой тоже не может урезать. Поэтому, при появлении Фарадея сотоварищи, зеки нехотя вставали, ковыряли камни, и тут же теряли энтузиазм, оставаясь без присмотра.

А что вы хотели? Разве тридцать бойцов с одним семилетним образованием на всех, пусть даже и вооружённые грозными винтовками с примкнутыми штыками, смогут заставить работать полторы тысячи интеллигентов и воров, порой не отличимых друг от друга.

— Конвою построить заключённых, — негромко скомандовал Берия. Интересно, он вообще кричать умеет?

Пока выполнялось приказание, Лаврентий Павлович присел на камень и достал из кармана пачку Кэмела. Странно, а раньше вроде бы не курил. Хотя какой смысл беречь здоровье, если тебя расстреляли пятьдесят лет назад. Или тридцать вперёд, как считать. Конечно, и наше дурное влияние сказывается. Ладно ещё сигареты выбрал соответствующие эпохе. А фильтр, его всегда можно объяснить буржуазными причудами импортного продукта. Изя свои любимые сигареты в портсигар перекладывает. Пижон, выменял у кого-то из экипажа чудовищный серебряный сундук, весом не менее полутора фунтов. И уверяет, что у настоящих попаданцев именно такие и должны быть. Хозяин — барин. Но носить такую тяжесть в кармане галифе — моветон. Мало того, что при ходьбе штаны сваливаются, как еще и по... хм... да, по ним со звяканьем и бьется.

Подотчётный Фарадею контингент построился в четыре неровных шеренги.

— Итак, граждане, — начал Берия, — оглашу весь список. Он до безобразия короткий. Перед вами будущий аэродром, на котором должен сесть самолёт с вашей амнистией. Всё очень просто, делитесь на три бригады, и на каждую берёте по сто метров. Закончившим первыми снимаем две трети срока. Вторыми — половину. Отстающим, добавим освободившиеся после передовиков сроки отсидки. Всем и всё понятно?

— Но это несправедливо! — Раздался возглас из глубины строя.

— Чушь! Мы пользуемся понятием революционной справедливости, завещанной нам товарищем Карлом Марксом и Владимиром Ильичём Лениным.

— Послал Бог родственника, — в тишине голос Соломона Сагалеви́ча был слышан на весь остров. — Надо было его в детстве удавить, зря не прислушался к голосу разума. И прадед хорош, не мог племянника приструнить.

Лаврентий Павлович испепелил наглеца взглядом и отдал команду разойтись.

— А тебе, гражданин шпион, поручается руководство строительством. И смотри, Америка может и без тебя обойтись.

Вот ведь как складно врёт, подлец. Сразу видна старая партийная школа. Мастер слова, можно сказать.

Житие от Израила

Что-то комбриг Архангельский у нас в последнее время раскис, на воспоминания потянуло. Старее, наверное. И ворчливым стал сверх меры. Портсигар мой обругал, а за что? Хорошая вещица, раритетная. Даже надпись памятная славянской вязью — "Александру Пушкину от князя Вяземского". Моим, между прочим, почерком. Да-с, и мы к литературе отношение имеем.

А Гиви можно понять. Имея печальный опыт наблюдения за несколькими предыдущими цивилизациями, тяжело видеть те же симптомы у нынешней. Какие, спросите? Ай, не морочьте мне голову. Ещё скажите, что современную фэнтези, извиняюсь за грубое слово, не читали. Было дело? Так-то.... Это наш Гавриил Родионович гурман, ему альтернативную историю подавай. И где её на всех набраться?

Я же, как читатель, всеяден. Бывает, конечно, и плюю в экран, и приходят мысли навестить автора светлым днём с тёмными намерениями. Погодите, совсем вы мне голову задурили своими вопросами. О симптомах же говорили.

Помните как, извиняюсь, фэнтези начиналось? Помните.... Хорошие и сильные герои, мудрые и светлые волшебники. Багдадские воры, и те с прокурорским образованием. Ныне же.... Баб-с рядом нет? Ах есть, тогда скажу по-нерусски — полный афедрон пришёл. Открываю книгу — автор в демона превратился. Другую — зомбо-вомпером из могилы лезет. Тёмных властелинов уже третья дюжина пошла. Ведьмы недоученные толпами ходят и на упырях женятся. Замуж выходят? Протестую, такое возможно при правильной ориентации, когда за принца какого заваливающего, или Ивана-дурака в крайности.

Понимаю — автор имеет право выставлять свои комплексы на всеобщее обозрение. У дедушки Фрейда на этот случай даже термин подходящий имеется. Что-то детское, с библиками созвучное. Но это я могу понять, за жизнь и не такого посмотрелся. Но вы попробуйте Лаврентию Павловичу свою позицию объяснить.

Вот и он, кстати. Только почему бежит такими громадными скачками? И кричит на бегу, радуется, наверное. Ого, и у Сагалевича с отцом Алексием праздник? Меня-то чего не позвали?

Обидно, понимаешь-шта. Хотя, если вдуматься, большому начальнику с ромбом в петлице бегать не к лицу.

— Медведь! — Орёт Берия, пролетая мимо меня.

Я медведя не заказывал. А может у них карнавал? Какое сегодня число? Точно, день авиации отмечают. Вот что значит, до глубины души проникнуться проблемами аэродрома. Люблю увлекающихся людей.

— Соломон Борухович, — еле успел поймать того за рукав. — С праздником Вас!

— С каким? Я тут причём? — отвечает, а сам бледнеет лицом и пытается вырваться.

— А разве Ваша фамилия не Пропеллер?

— Нет, — лаконично, не похоже на себя, ответил Сагалевич и испарился, оставив у меня в руках половинку своей шинели.

— Ты куда? Замёрзнешь ведь, — кричу ему вдогонку.

А в ответ только эхо: — ...ведь...ведь...ведь.... Передразнивает.

Бабах! Отомстила эху трехлинейка. Сдурели? Устраивайте салют на доброе здоровье, мешать не буду. Только постарайтесь, что бы пули не выбивали фонтанчики у меня под ногами. Бабах!

— Осторожно, — слышу обеспокоенный голос Гаврилы, — в собаку не попадите.

Заботливый, мать его, и опять обзывается. И в третий раз стреляют. Ладно, гранат у нас нет. Только уж я хотел сказать напарнику всё, что думаю, как на меня из-за обломка скалы выскочил белый медведь. Так вот почему все бегали! Думаете я не умею? Помнится на Олимпиаде....

Житие от Гавриила.

От "Челюскина" отвалила шлюпка, и поспешила в сторону берега, по плавной дуге огибая болтающиеся в бухте льдины. Наверное, обед везут, вон, на корме, на командирском месте, покачивается в такт гребкам белый колпак. Точно, лодка подошла ближе, и уже можно было разглядеть сияющую физиономию Максимыча, самолично сопровождающего термоса с едой для командного состава. Всем остальным, работающим на суше, готовят в полевых кухнях прямо на месте.

— Извините, товарищ Архангельский, Вы собачку свою не видели? — с виноватым видом ко мне подошёл кок. — А то время обеденное, а его всё нет и нет.

— Не знаю, — пожал я плечами.

— Так он с первым баркасом на берег сошёл, — сообщил один из матросов. — И сразу куда-то вглубь острова почесал. К вечеру вернётся. Он и вчера так же убегал.

— Жалость-то, какая, — вздохнул начальник камбуза, — тут с утра гидрологи тюленя молодого подстрелили, так я отбивных наделал. Остынет же.

— Какая гадость, — поморщился я. — От него же рыбой пахнет.

— Это для собачки тюленятина, а вам свежепойманого палтуса пожарил. Да Вы понюхайте, товарищ комбриг, прочувствуйте аромат.

Из-под крышки вырвался и поплыл над землёй, вернее мёрзлыми камнями, одуряющий запах. В желудке, которому было мало трёх чашек кофе с утра, квакнуло и заворчал.

— Это ещё не всё, — похвалился кок, — суточные щи со сметаной. А, каково? Посмотрите, и товарищ Берия издалека почуял, торопится.

Лаврентий добежал до нас, судорожно заглатывая воздух, и, выпучив глаза начал тыкать пальцем себе за спину. И что там такого интересного? А, вот в чём дело. Действительно, забавно смотрится отец Алексей, путающийся в рясе. И ещё смешнее — Сагалевиц в обрывках шинели. Шутники.

Алексей Львович первым добежал до нас, и, свалив ударом кадила стоящего поодаль красноармейца, вырвал у того из рук винтовку. Выстрел. Видимо промах, потому что священник матерится, досылая новый патрон. Я поглядел, куда он целится во второй раз. Ёкарный бабай! Точнее, белый медведь! Да какой здоровый, прет как танк, и морда такая же наглая и широкая. А ревёт ещё громче. Бабах! Опять мимо, но теперь зверь отвернул в сторону.

— Товарищ комбриг, — обращает моё внимание кок, — а Ваша собачка его за задницу кусает.

Ну, попадётся мне эта сволочь безбашенная, мысленно ругаю такса. Вот он где пропадал два дня. И, всё-таки, выследил свою добычу. Немудрено, что медведь так орёт, пытаюсь стряхнуть с себя мелкое чудовище, намертво сцепившее челюсти чуть ниже куцевого хвоста. Естественно не своего.

— Осторожно, в собаку не попадите, — кричу Акифьеву, и он тут же промахивается в третий раз.

Сказал, называется, под руку. Свирепый хозяин здешних мест, подгоняемый азартным гостем, забрал ещё больше от нас, испугавшись громких выстрелов и визга рикошетов, и нос к носу столкнулся с Изей, недоумённо прислушивающимся к стрельбе. Храбрый архангел, не дрогнувший при Фермопилах, на этот раз проявил большое благоразумие, и гораздо большую скорость.

Как он чесанул, нет, вы это видели? Лавируя между нагромождениями валунов, щедро разбросанных по всему острову, комбриг Раевский нёсся к берегу, обгоняя мысль. Причём свою собственную. Иначе, зачем ему бежать на пустынный галечный пляж, где даже спрятаться негде. Медведь не отставал, с точностью опытного ведомого копируя замысловатые загогулины маршрута своего лидера.

— Гавриил Родионович, — осторожно отвлёк меня кок, — а, правда, что товарищ Раевский принимал участие в раскопках Трои?

— Правда, — подтвердил я. — А Вы про это откуда знаете?

— Вот, Соломон Борухович только что сказал, что Шлиман на Изяслава Родионовича очень зол.

— Гражданину Сагалевицу мы сейчас повторное обрезание сделаем, — предупредил Берия. И спросил в никуда, сжимая фуражку волосатой лапой. — Чего же он не взлетает?

Я пихнул Лаврентия в бок, предупреждая о соблюдении конспирации. Пусть только попробует Изя крыльями захлопать, пообрываю напрочь. Но за всеобщим напряжением вопрос остался незамеченным.

А упомянутый архангел, ежесекундно оглядываясь на преследователя, пометался в растерянности по пляжу, и шагнул на прибившуюся к берегу льдину. Ревущий медведь, подгоняемый радостным визгом не разжимающего зубов такса, решил последовать примеру. Прыжком с места, побив все доселе известные рекорды, комбриг Раевский временно ушёл от погони.

На борту "Челюскина", привлечённые поднятым шумом, столпились люди. Даже с расстояния в полтора километра ясно различалась долговязая фигура кинооператора и бликующие на солнце линзы его камеры. Кавалькада неотвратно и торжественно приближалась к кораблю, не обращая внимания на редкие выстрелы маузеров и наганов.

Какая свинья поленилась убрать трап? Вот по нему-то, вслед за удирающим Изей, и поднялся разъярённый зверь. Палуба мгновенно опустела, исчезли даже, оживившиеся было с отсутствием такса ездовые собаки.

— Лаврентий Павлович, в шлюпку. Гребцам по местам. — Командовал я, помогая сталкивать лодку в воду.

Жалко, что никто не удосужился замерить показанную нами скорость. Но поздно, нас встретила одна только зловещая тишина. Держа наготове свой огненный меч, со стороны видимый как обычный маузер, я возглавил отряд освобождения заложников. А вокруг ни души, только волны метрономом отсчитывают удары моего сердца.

Внутренние коридоры "Челюскина" казались вымершими. Глубокие царапины от громадных когтей и капли крови вели нас в сторону радиорубки.... Вот сейчас.... Очень медленно заглядываю за угол.... И убираю меч, он же маузер, в кобуру.

Перегородив весь проход и обняв сорванную с петель дверь рубки, у ног растерянного старшего радиста лежала мохнатая туша, на которую геройский такс, в знак победы, уже задрал лапу. Рядом суетился торжествующий Изя, одной рукой вручающий Кренкелю винтовку, а другой делающий знаки Шафрану. Тот не подвёл, и восторженно крутил ручку своего аппарата.

Такс презрительно фыркнул, махнул прутиком хвоста, и подбежал ко мне за одобрением. Пришлось присесть на корточки и погладить кофейно-шоколадную морду. Но всё же укорил для профилактики.

— Не зазнавайся, просто повезло. А если бы медведица попалась?

А радист в это время пытался избавиться от всеобщего восхищения.

— Товарищи, это он сам головой самоубился. Я только дверь открыл.

Архангел Израил перебрался через медведя ко мне и кивнул.

— Видал?

— Плевать. Ты как сам?

— Чего со мной случится? — Отмахнулся Изя в очередной раз и зашептал. — Гиви, мы только что устроили очередную развилку истории.

— Это точно не ты головой дверь выбил?

По физиономии напарника было видно, как ему мучительно тяжело объяснять тупому мне прописные истины.

— Не понимаешь? Эту киноплёнку во всех кинотеатрах Советского Союза покажут. У страны появился новый национальный герой! Неужели мы не воспользуемся моментом, правда, Лаврентий Павлович? Всё, забудьте про бабочку Бредбери. У нас теперь медведь Кренкеля есть.

Глава 10

...Плыл под гифом "Секретно" по волнам науки.

Генеральный конструктор

Тебе потакал.

И отбился от рук ты

В КБ, в ОТК

Но сегодня попал к испытателю в руки.

Москва Центральный аэродром им. М.В.Фрунзе

Края Ходынского поля ещё прятались в дымке утреннего августовского тумана, когда к стоящему под охраной самолёту подкатила легковая машина. Три ГАЗ-А, под опущенными тентами, остановились чуть в стороне. Предупреждённые начальником караула часовые старательно выполняли свои обязанности (не петь песни, не принимать пищу, не отправлять естественные надобности), и не замечали присутствия посторонних объектов на посту. Но разводящий, пришедший со сменой, был честь по чести остановлен и истребован на опознание, со всеми сопутствующими ритуалами, включая освещение лица фонариком, в дополнение к лучам уже восходящего солнца.

Сидящим в машине людям, эта лёгкая суeta не мешала. Приспущенные стекла выпускали наружу неясные обрывки слов, и, обладая острым слухом и недоразвитым чувством самосохранения, можно было попытаться разобрать их смысл.

— Но почему именно меня? — Видно уже не в первый раз спрашивал один из сидящих на заднем сиденье. — Вот и товарищ Каменев подтвердит, это не мой самолёт. И ответственность за его качество я взять на себя не могу.

— Сергей Сергеевич многое может подтвердить, — согласился собеседник, — если правильно спросить.

Заместителю наркома вдруг стало очень неуютно на водительском сиденье. Что бы скрыть нахлынувший вдруг приступ волнения, он достал из нагрудного кармана плоскую фляжку, и, прикрывая её, начал отвинчивать крышку. Но от зоркого взгляда Сталина это утаить не удалось.

— Товарищ Каменев, а как Вы машину обратно поведёте? Вдруг милиция остановит.

— Не посмеют, Иосиф Виссарионович. Кто же Вас остановит?

— Извините, не нас, а Вас. Я решил — полечу на самолёте, проведу героев-полярников.

— Нельзя, товарищ Сталин, опасно очень, — замнаркома в растерянности резко повернулся, и плеснул коньяком на китель вождя. — Ой.

— А здесь не опасно? — проворчал Иосиф Виссарионович, стряхивая капли с одежды. — Покушение за покушением, сейчас вот утопить хотите.

— Но ведь... Николай Николаевич, Вы то что молчите?

— Да, что нам скажет товарищ Поликарпов?

— Я же говорил, это не мой самолёт, — конструктор в волнении теребил тугой узел галстука, — сырая ещё машина, её испытывать и испытывать надо.

— Значит, может не долететь?

— Не знаю, товарищ Сталин. Не могу ручаться.

— За технику не можете, а за людей? Что Вы скажете о своём лётчике?

Тут уже Поликарпов расслабился и заулыбался.

— Лучший у меня в КБ, Иосиф Виссарионович. Если надо — хоть на кочерге полетит.

— Хулиган воздушный, — пробормотал Каменев, заглядывая в опустевшую ёмкость, — даже из армии выгоняли. Ты, Николай Николаевич, сам не хотел его отдавать.

— Да, — согласился конструктор. — А новый истребитель мне Тухачевский испытывать будет?

— Громова возьми. Всё таки первым этот самолёт испытывал.

— Кто мне его даст? Просил, а толку? Никто не хочет с уголовником связываться.

— С каким уголовником? — Удивился Иосиф Виссарионович.

— Так у меня, товарищ Сталин, условный срок, — пояснил Поликарпов. — Десять лет, за участие во вредительской контрреволюционной организации.

— И много навредить успели?

— На высшую меру хватило.

— Для покойника Вы очень хорошо выглядите. — Пошутил вождь. — Непорядок. Я в том смысле, что нехорошо товарищи поступили. Так Вы говорите, Ягода ордер на арест подписывал?

— Не знаю, товарищ Сталин. Кто же важные документы террористам показывает?

— Разберёмся и с этим вопросом, товарищ Поликарпов. А пока, порошу осмотреть самолёт опытным вредительским взглядом, сможет ли он долететь до героической экспедиции Отто Юльевича Шмидта.

Конструктор вышел, и в машине наступила тишина. Иосиф Виссарионович молчал, набивая трубку, а Каменев уже курил папиросу, в расстроенных чувствах позабыв о субординации.

— Не бойся, Серго. Ничего, что я вот так обращаюсь? Нужно мне туда, понимаешь? Для себя, для страны. Показать этим паукам из Политбюро, что Коба ничего не боится. Наплевать на их интриги. Я сам всех сожру. Или они меня. Вот скажи, Сергей Сергеевич, только честно, просто как старому партийному товарищу — на твою поддержку можно рассчитывать?

Коньяк притупил осторожность, и опытный замнаркома ответил на самом деле честно:

— Поддержу. И закончу как однофамилец.

— Дурак ты, Серго, хоть и полковник с аксельбантом, — рассердился Сталин. — Ещё его родственником назови. Розенфельд генерального штаба. Я серьёзное дело предлагаю, и не надо тут сопли гимназические по мундиру размазывать. Ну, что решил? Или предпочтёшь остаться на съедение Якиров с Уборевичами?

— Я с Вами, Иосиф Виссарионович. — Сказал Каменев, окончательно сделав выбор. — И какая от меня требуется помощь?

— Любая, Сергей Сергеевич. Преданных людей у меня много. Настала очередь подбирать умных. — Сталин закусил мундштук трубки, глубоко затянулся, и, без всякого перехода, спросил. — Что-нибудь удалось накопать на Ягodu?

— Ничего, — покачал головой замнаркома, — только две группы из армейской контрразведки пропали бесследно.

— Ты думаешь...?

— А кто ещё? — Ответил на невысказанную мысль Каменев. — Мутно там всё очень, и непонятно.

— Вот и разберись. Хочешь, назначим тебя председателем ОГПУ, вместо Менжинского? Правда, идиш выучить придётся, а то за своего не примут. Вижу, что нет желания. Как же, гвардия руки не подаст синему мундиру. Мать вашу за ногу!

— Но товарищ Сталин....

— Что? Ты думаешь, это я управляю страной? Если бы так. Это Ягода ей управляет, сволочь. И прочая свора коминтерновцев недобитых. Чего так уставился? Или наслушался моих речей на пленуме четыре года назад? Забудь. Если нужно для дела — и речи говорить буду, и к чёрту в кумовья пойду. Есть такая профессия, Серго, — Родиной руководить. А ты мне тут про Коминтерн заливаешь. Знаешь, сколько валюты уходит на поддержку революционного движения за границей? И я не знаю, всё по секретным счетам проводится. Или ты считаешь, что тот же немецкий или английский пролетариат революции хочет? Положил он с пробором на все марксистские идеи, да и на нас с тобой. Да хрен с ним, с марксизмом, жили без него с семнадцатого года, и ещё больше проживём. А денег я им больше не дам.

Жалобы Генерального секретаря на тяжёлую жизнь были прерваны вежливым стуком в автомобильное стекло. Рядом с машиной стоял начальник личной охраны. Прежде чем открыть дверку, Сталин сказал:

— Обдумай всё ещё раз, Сергей Сергеевич. И одно запомни — неважно, что я говорю на пленумах. Это политика. Вот зимой съезд соберём, и ещё раз власть наговоримся. Пока же, работать нужно. И ещё, проследи, что бы ни одна собака не пронюхала о моём отлёте. А то лишний раз боюсь даже в Крым съездить, вернуться, и в своём кресле увижу постороннюю

морду.

Самолёт давно уже улетел, но Каменев ещё долго сидел на подножке ЗиСа и курил одну папиросу за другой. Разные мысли крутились в его голове, пихая друг друга в борьбе за первоочерёдность. Но вот, наконец, самая насущная одержала победу. Он поманил одного из охранников, так и просидевших всё время в стоящих поодаль машинах.

— Поликарпов ещё здесь?

— Никак нет, товарищ замнаркома. Ушёл.

— Плохо.... А знаешь, братец, отвези-ка ты меня в Метрополь.

Второй пилот уже больше часа переминался в тесной кабине, и до сих пор не придумал способа вежливо попросить Иосифа Виссарионовича уступить своё место. Но возможность поговорить с Самим, пусть даже под громкий гул двигателя, стоила натруженных ног.

— Так Вы говорите, товарищ Байдуков, наша авиация самая передовая в мире, и потому непобедима? А как, с точки зрения опытного лётчика, может выглядеть будущая война?

Польщенный военно-воздушный ветеран, двадцати шести лет от роду, придвинулся ближе, что бы товарищ Сталин не упустил ни одного слова.

— Мы всех победим. Да. И сразу. Могучий и грозный воздушный флот Страны Советов, вместе с пехотой, артиллеристами, танкистами свято выполнит свой долг и поможет угнетённым народам избавиться от палачей.

— Свежая мысль, — одобрил Иосиф Виссарионович, — но нельзя ли поконкретней?

— Да, я ясно представляю — бомбардировщики, разрушающие заводы, железнодорожные узлы, мосты, склады, спиртзаводы и позиции противника. Армады краснорезных воздушных крейсеров наносят бомбовые и торпедные удары по сухопутным и морским силам врага. Штурмовики, атакующие ливнем огня колонны войск, артиллерийские позиции. Десантные корабли, высаживающие свои дивизии в глубине расположения противника. Далее в дело вступает артиллерия, а затем Красная Армия победным маршем заканчивает операцию с деморализованным и разбитым врагом. И ясно вижу, как товарищ Тухачевский будет докладывать по телефону: "Здравствуйте, Климент Ефремович! Нет...В сводках никакой фантастики...Наоборот, я сознательно преуменьшил...Пленных? Много, очень много...Трофеи? Я боюсь, вы не поверите, Климент Ефремович. Да мы сами не верим...Потери незначительные..."

— А потом?

— А что потом, товарищ Сталин? Победу одержим. Представляете, какое счастье и радость будут выражать взоры тех, кто в Кремлёвском дворце примет последнюю республику в братство народов всего мира!

Командир экипажа во время этого разговора деликатно отвернулся, старательно изображая юного натуралиста, рассматривающего проплывающие внизу облака. Но избежать вопросов не удалось и ему.

— Вы что скажете по этому вопросу, Валерий Павлович?

— Ничего не скажу, Иосиф Виссарионович. Я истребитель, а не стратег.

— Тогда скажите мне, товарищ Чкалов, как истребитель — хорошие ли у Красной Армии самолёты?

— Хорошие, товарищ Сталин. Но надеюсь, что в случае войны нам дадут другие.

— Это почему? Чем не нравится вот эта машина? Громов дал ей очень лестные рекомендации, а после некоторых модернизаций по его замечаниям...

— Я разве спорю. Только воевать на ней нельзя. Из вооружения — только четыре пулемёта, от истребителей противника не отобьётся. Да с такой скоростью, его любой пацан из рогатки достанет.

— Ну, не скажите. Все-таки "Рекорд дальности".

— А смысл в этом рекорде, товарищ Сталин? Допустим, долечу я на нём до Лондона или Парижа, и что? Спать пять тонн дефицитного бензина для того, что бы сбросить одну

тонну бомб и не вернуться?

— Ты, Валера, не понимаешь, — вмешался Байдуков, — наши рекорды должны показать всему миру превосходство советской техники и социалистического строя.

Чкалов проворчал себе под нос что-то очень матерное.

— Что, Валерий Павлович?

— В облачность входим, говорю. Буду подниматься выше, всем приготовить кислородные маски.

— Это ещё зачем? — Подозрительно разглядывая непонятное резиновое изделие, спросил Сталин.

— Чтоб морда не треснула, ой, извините. В смысле, мы сейчас на большую высоту поднимемся, а там воздуха мало. — Командир обернулся ко второму пилоту. — Эй, полководец, буди штурмана, а сам ложись спать, не мешайся под ногами. Через два часа меня сменишь.

— Я и сейчас могу за штурвал сесть, — заупрямился Байдуков, желая продемонстрировать Генеральному секретарю своё мастерство.

— И, правда, Валерий Павлович, пойдёте отдыхать. Мы оставляем самолёт в надёжных руках.

Чкалов не стал упираться, передал управление, и полез в тесноте будить штурмана, похрапывающего в спальном мешке. Сталин пошёл следом, неловко загребая громадными унтами, которые пришлось надевать прямо поверх сапог.

— Саня, профессор, вставай. Иди Жорке курс прокладывай, а то не видать не фига.

Беляков протёр припухшие после сна глаза и зевнул.

— Вредитель ты, Валера, такой сон перебил, — профессор посмотрел на часы и крикнул пилоту, — Георгий, возьми два градуса левее.

— Врождённое чувство направления, — пояснил Чкалов, — как у перелётного гуся.

— Хорошее качество, — Иосиф Виссарионович с уважением посмотрел в спину уходящему штурману. — Это надо обмыть.

— Прямо тут?

— Понимаете, Валерий Павлович, — смущённо признался Сталин, — для храбрости не помешает. Не то, что боюсь, просто неудобно ощущать под ногами пять с лишним километров пустоты. Но это не страх, запомните. А то будете потом писать в своих мемуарах всякие гадости. Вот, помнится, на бронепоезде с Климом Ворошиловым.... Товарищ Чкалов, Вам приходилось воевать на бронепоезде?

— Они же не летают.

— Ерунда, попросим наших конструкторов, Ильюшина например, пусть летающий танк построит. Пойдёте испытателем?

Постоянно оглядывающийся через плечо второй пилот с лёгкой завистью наблюдал, как командир что-то объяснял своему высокопоставленному пассажиру, иногда используя фляжку для показа фигур высшего пилотажа, а тот внимательно слушает, делая пометки в блокноте. "Точно орден Ленина получит", — подумалось ему, — "а нам по Красному Знамени"

Идиллия неожиданно нарушилась громким хлопком, и резким запахом спирта, мгновенно заполнившего кабину.

— Вы что там, ироды, шампанское пьёте? — Чкалов погрозил экипажу кулаком.

— Валера, шланг радиатора лопнул, — крикнул Байдуков, — ни черта не видно, прямо на стекло брызжет.

Житие от Израила.

— Гиви, а почему они боком летят? — Спрашиваю у начальника, глядя на самолёт, делающий уже третий круг над аэродромом.

Комбриг Архангельский не ответил сразу. Да и потом промолчал. Не считать же

ответом грубые выражения в адрес неведомого аса, который с высоты тридцати метров не может разглядеть посадочную полосу, вдоль которой специально разожгли костры из набранного плавника, для большей дымности политого мазутом.

— Может на высоте боковой ветер сильнее? — Предположил Лаврентий Павлович, пряча лицо в воротник полушубка. — Надо будет у Бабушкина проконсультироваться.

Тоже мне, любитель научных конференций. А самолёт взвыл двигателем, повернул, и начал снижаться. Что же он делает, паразит, где шасси? Ага, вот, вроде сообразил и выпустил.

— Сейчас ещё на один круг уйдёт, — напроорочил Берия.

— Ты откуда знаешь, вроде не специалист?

— А ты сам, стал бы поперёк полосы садиться?

— Я — нет. Но может сейчас такое постановление партии вышло? О преодолении буржуазных предрассудков в авиации.

Неизвестный лётчик действительно бросил ввысь свой аппарат послушный, сотворил стремительный полёт, и машина, наконец, покатила по аэродрому, дав при посадке изрядного козла. Блестящий на солнце диск винта постепенно замедлил вращение и остановился, став похожим на громадную ошипанную ромашку. Фонарь кабины откинулся, и показалась голова, обтянутая кожаным шлемом. Было видно, как пилот подтянулся, и выбрался на плоскость, на котором и встал, покачиваясь от усталости.

Берия подхватил заранее приготовленную стремянку, и решительным шагом направился к самолёту. Я двинулся следом. Когда подошёл, лётчик уже стоял на земле, спрыгнув с крыла. Его широкое лицо ещё больше расплылось в приветливой улыбке, а взгляд остановился на моих петлицах.

— О, чекист настоящий! Дай я тебя обниму, дорогой. — Он же раздавит меня своими флюгер-хенде.

Господи, где же он так налился в небесах? Неужели Туда, к нам залетал? Нет, чушь, в этом мире мы единственные. А где я этого аса мог раньше видеть? Осторожно освобождаюсь из медвежьих объятий, подсунув вместо себя Лаврентия Палыча, и спрашиваю у подошедшего Гавриила.

— Гиви, а это кто? Что-то лицо очень знакомое. Не находишь?

— Памятник в Нижнем Новгороде помнишь?

Ёлки-моталки, точно, это же Чкалов. Видел в прошлом году, когда в Навашино ездили.... Стоит на волжском откосе, на главной площади, спиной к реке, и всему городу неприличный жест показывает. Говорят, что литейщики этот монумент три раза переделывали. Не помогло, всё равно в первую же ночь руку в локте сгибает. И смотрит через кремлёвскую стену на бывший обком. Нынешнему губернатору пришлось даже кабинет сменить. С окнами на другую сторону.

Валерий Павлович выпустил слегка помятого Берия и попытался сгрести комбрига Архангельского. Не тут-то было, ревнивый Такс рванулся на защиту хозяина и попытался повторить удачный опыт медвежьей охоты, но промахнулся мимо шатающегося лётчика.

— А мы вам подарок так и не смогли довести, — Чкалов, с опаской поглядывал на мелкого охотника. — Товарищ Сталин сказал, что безопасность полётов превыше всего.

— Видел бы он Вас сейчас, — укоризненно покачал головой Лаврентий Павлович.

— А он видел. Он там спит. — Мы дружно проследили за указательным пальцем и упёрлись взглядом в кабину. — Их там трое ещё, и все отдыхают.

Гиви с Берией бросились к лесенке, прислонённой к крылу, а я не успел, ухваченный за рукав сильной рукой.

— Понимаешь, комбриг, мы вам пиво в подарок везли, двадцать ящиков. Но у нас шланг лопнул, и вся охладительная жидкость вытекла. А что нам оставалось делать? Течь-то мы устранили, Иосиф Виссарионович мундштук от своей трубки отдал, но воды слишком мало было.

— И вы вылили наше пиво? Да я тебя...

— Зачем вылили? Нельзя его заливать в радиатор, слишком пенится. Ну, мы и...
— Выпили?
— Угу. Стыдно сказать, комбриг, на чём до сюда долетели. А тут ещё это обледенение.
— Вслепую шли?
— Это мелочь, с нашим-то штурманом. Крылья льдом покрылись и винт. Если бы не та баба... Дай папиросу. Сутки не курил, кислород сэкономили.

Я достал свой знаменитый портсигар, и мы закурили, вдыхая аромат хорошего табака со вкусом вишни.

— Так вы с собой ещё и бабу прихватили, для обогрева пропеллера? — Спросил я, наблюдая, как Гавриил с Лаврентием пытаются кого-то вытащить за ноги из самолёта. — Кучеряво живёте.

— Ты не поверишь, — Чкалов в две мощных затяжки прикончил сигарету и бросил дымящийся фильтр на камни. — Если бы не со мной случилось... И товарищ Сталин не даст соврать. Летим мы себе спокойненько, беседуем, жидкость охладительную готовим. И вдруг к нам в кабину снаружи стучится кто-то. Глядим, а там баба голая. Здоровенная, такая, бабища. На спине крылья торчат, сама рыжая, а из всей одежды — шлем на голове медный и ножик большой на поясе. Не веришь?

— А чертей вы там не видели? Или ангелов?

— Что уж я, бабу в руках не держал? Иную, конечно, от чёрта только с трудом отличить можно. Дело твоё, а только мы ещё только на восьмом ящике были. Вот те крест! Саня Беляков форточку открыл, спиртом гостью угостил. Она хлопнула без закуски, и лопочет не по-нашему.

— Так потом и улетела?

— Если бы, — тяжело вздохнул лётчик. — Под винт попала. Как раз, для этого полёта новый, трёхлопастной поставили. Ну и в мелкое крошево... Тьфу, бред полнейший.

Не такой уж и бред, если вспомнить предупреждение набольшего шефа. Валькирия вульгарис, сиречь обыкновенная. Гадость-то, какая. Знать бы ещё, чей это халявник к нашему миру подмешивается... Напридумывают гадости, а честным архангелам расхлёбывать. А тут ещё медведь этот, дверью пришибленный. Да, вы же не знаете... У него в желудке русалку нашли. Какую, спрашиваете? Обычную, импортную, в виде тётки с рыбьим хвостом.

— Изя, — окликнул меня начальник, свесившись с крыла, — срочно выставляй оцепление. Ближе ста метров к самолёту никого не подпускать. А сам отправляйся на "Челюскин" за носилками и дрелью. И побыстрее.

— Чего ты там ремонтировать собрался, кувалду не захватить?

— Не понимаешь? — Гиви постучал себя по голове. — Мы же не можем товарища Сталина в таком виде народу предъявить. Сейчас пулевых отверстий наделаем, и можно показывать израненных бесстрашных сталинских соколов во главе с самим орлом.

— Точно, — одобрил я стратегический ход комбрига Архангельского, — а в благодарность Иосиф Виссарионович будет выслушивать свои мудрые советы, расстреляет Хрущёва и женит тебя на немке.

— С какой стати? — Возмутился Гавриил. — В Германии женщины страшные.

— Так и думал, что по первым вопросам возражений не будет. А за женитьбу не переживай, подумаешь, страшная. Зато традиции попаданства будут соблюдены.

Я с трудом увернулся от брошенного в меня гаечного ключа громадных размеров, наверняка уворованного в самолёте, и пошёл в сторону шлюпки. Что ж, если страна нуждается в героях — она их получит.

Глава 11

*Представления наши о вольном житье,
Как статьи уголовного права.*

*Потому-то сознание томит бытие
С национал-большевистской приправой.
Эх, крапива-лебеда,
Не томи мне душу.
Получилось как всегда,
А хотелось — лучше.
Сергей Трофимов*

" Презренные гады, отбросы человеческого общества, заплечных дел мастера, они хотели восстановить в нашей стране капитализм, отнять у советского народа самое дорогое, самое ценное — советский строй, отнять вождя и учителя народов великого Сталина и его ближайших соратников. Предатели оптом и в розницу, авансом хотели запродать советскую страну империалистам, подготавливали условия для вооружённого захвата иностранными агрессорами советских территорий. Они пытались ослабить оборонную мощь нашей страны и нашу славную Красную Армию.

Это они подготовили и устроили злодейское покушение на товарища Сталина. И только исключительная храбрость летчиков Чкалова, Байдукова, штурмана Белякова, и личная отвага нашего вождя, Иосифа Виссарионовича Сталина — позволила избежать исполнения преступных замыслов торговцев Родиной.

Как сообщает наш корреспондент с борта "Челюскина", во время гнусного нападения, совершённого истребителями без опознавательных знаков, враг потерял восемь самолётов, шесть из которых были сбиты лично товарищем Сталиным, в том бою получившим тяжёлые ранения.

Мы надеемся, что советская разведка найдёт виновных, а советское правосудие, выражая волю 170-миллионного народа страны Советов и трудящихся всего мира, скажет своё слово — смерть преступникам!

Да здравствует непобедимая большевистская партия Ленина-Сталина!

Да здравствуют славные работники ОГПУ!

Да здравствует наш великий вождь, учитель и друг товарищ Сталин!"

Хозяин кабинета раздражённо бросил "Правду" на пол и, вдобавок, наступил на неё, порвав в нескольких местах.

— Это твоя самодеятельность? Да как ты смел, старую ленинскую гвардию.... Что, вообще, в Москве творится? На улицах войска, на всех перекрёстках танки. Почему в Спасских воротах пулемётчики? Я тебя, золотопогонная твоя морда....

— Заткнись, Клим, — оборвал начальника Каменев, спокойно сидевший в кресле, закинув руки за голову, — прилетит товарищ Сталин, и подробно тебе расскажет, кто в Советском Союзе настоящий большевик-ленинец, а кто продажный наймит мирового капитализма. Не суйся поперёд батьки.... Или ты тоже из троцкистов? Может Егорову позвонить?

— Причём тут Егоров? — Сбавил обороты Ворошилов.

— Пока не причём. Но если хочешь, сам спросишь, когда он закончит Ягоду допрашивать.

— Как, вы и его арестовали? За что? — Нарком по военным и морским делам рванул крючки душившего его кителя, не озаботившись их расстегнуть.

— За убийство Менжинского. Особо циничное, заметь. Представляешь, какая сволочь, застрелил председателя ОГПУ прямо в постели, куда проник, злоупотребив служебным положением.

— Куда проник? — Не сообразил Климент Ефремович. — В постель?

— На дачу. А ты про что подумал? Какие-то мысли не большевистские тебе в голову приходят. И, судя по количеству выстрелов, он был там не один. Не переживай, признается.

Краснота на лице Ворошилова сменилась бледностью, он подошел к столу и налил

воды из графина, горлышко которого выдавала неровную дробь по краю стакана.

— Ты хочешь сказать, что я...

— Побойся бога, Клим, — засмеялся заместитель наркома. — Как ты мог такое подумать? Мы же друг друга ещё с Первой Конной знаем.

— Вячеслава Рудольфовича, можно подумать, меньше знал. Не жалко, Сергей Сергеевич? Он же с Дзержинским начинал.

Каменев встал с кресла, поднял газету, и похлопывая ей по руке, заглянул Ворошилову в глаза. Тот беспокойно поставил стакан на стол, расплёскивая воду.

— Пятьсот восемьдесят миллионов золотом на личных счетах за границей, Климент Ефремович. Стоит это пули, или нет? Много ещё чего интересного рассказал. Связи, явки, пароли, утюги на подоконнике.... Верхушку ОГПУ ещё придётся хорошенько потрясти. Я так думаю, миллиарда четыре удастся вытащить. Ты не будешь возражать, если мы твою жену к этому подключим?

— Зачем? — Удивился нарком, видимо смирившийся с подчинённым положением. — Она же у меня не финансист, музейный работник.

— Я и не требую, что бы Гольда Давидовна на суконно-камвольном комбинате работала. Пусть родственные связи за границей подключит. Не может же быть, что бы никого не осталось, всё-таки в партии с седьмого года. И что у вас за мания к странным мезальянсам? В кого пальцем не ткни....

— К чему эти грубые намёки, Сергей Сергеевич? Екатерина Давыдовна приняла православие, и мы венчались в церкви. Как и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, между прочим.

Телефонный звонок терзав гневную отповедь Ворошилова. Он посмотрел на аппарат, потом на Каменева, и, после утвердительного кивка, взял трубку. Впрочем, через некоторое время она сама выпала из ослабевшей руки Климента Ефремовича.

— Шапошников звонил, — произнес он слабым голосом, — во время операции в наркомате по иностранным делам, у одного из его курсантов произошёл самопроизвольный выстрел из винтовки. Максим Максимович Литвинов случайно погиб.

— Ну, он всегда был неосторожен с оружием. Особенно с чужим. Напомни, не он ли ещё до революции охранке два парохода с винтовками сдал, посадив их на мель.

— Там дело тёмное было. Ещё неизвестно, кто виноват.

— Ну да...ну да.... А в результате?

— Три огнестрельных и два штыковых в результате. Умер от оказания медицинской помощи.

— Вот видишь, товарищ Ворошилов, сколько ещё проблем в Красной Армии. Даже санинструкторов толковых нет, — Сергей Сергеевич помолчал, играя застёжкой кобуры. — Надеюсь, что допросить по-хорошему успели.

Нарком долго не отвечал, меряя шагами свой кабинет и стараясь не поворачиваться к собеседнику спиной. Невинная уловка была замечена, и последовало ехидное замечание:

— Я старого воспитания человек, Клим. В спину не стреляю.

— Как же, человек чести, — согласился Климент Ефремович, тяжело опускаясь в кресло. — Ты, Шапошников, Егоров.... Заговор полковников? Ещё кто?

— Почему же сразу полковников? Я Василия Константиновича вызвал с Дальнего Востока. Уж он то настоящий рабоче-крестьянин. Не надо мне попытку реставрации монархии приписывать, других грехов хватает.

— Блюхера? — Ворошилов скривился от упоминания неприятной ему фамилии. — Этого партизана, ещё белогвардейцы австрийским полковником называли. Он вам тут накомандует.

— Нам? А ты не с нами?

Вместо ответа нарком снял со стены висевшую наградную шашку, такую же, как и Каменева, чуть вытащил из ножен синеватое лезвие, вздохнул и с лязгом отправил клинок обратно.

— Куда же я вас одних отпущу? Поехали! — Вновь окрепшим голосом скомандовал он. — Воевать — так по-военному, как учил нас товарищ Ленин.

— Ты куда, Климент Ефремович?

— Что значит, куда? Лубянку штурмовать будем.

— Эка хватился, её вчера мои бойцы из 17 Нижегородской дивизии заняли постом, — подкручивая пышный ус хмыкнул Сергей Сергеевич.

— У тебя собственная дивизия есть?

— А что такого? Есть же у Будённого собственная Конная Армия? Я у нижегородцев первым комдивом был, когда они еще Первой Витебской назывались.

Остановленный в героическом порыве нарком с грохотом бросил шашку на стол и громко выругался. Появившаяся вдруг энергия требовала немедленного выхода.

— Хотя бы Тухачевскому позвони, вызови его сюда от моего имени, — попросил он заместителя. — Его не арестовывали?

— Ещё нет, — ответил Каменев. — А зачем он тебе, сами что-ли не справимся?

— Хочу собственноручно зарубить, пока товарища Сталина нет, — честно признался Ворошилов. — Поддержишь?

Правда. 15 сентября 1933 г.

"Резолюция рабочих собраний Станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе (Москва).

Заслушав сообщение об аресте гнусной шайки бандитов, убийц, шпионов, диверсантов, буржуазных наймитов из "право-троцкистского блока", мы, рабочие вечерней и ночной смен станкозавода имени Серго Орджоникидзе, выражаем своё беспредельное возмущение и негодование чудовищным злодеяниям этих человекоподобных зверей.

Славная советская разведка, направляемая партией Ленина-Сталина, под непосредственным руководством верного сталинского наркома К.Е.Ворошилова, сорвала маску с подлых предателей — Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Раковского, Розенгольца и других, и с их гнусного вдохновителя — подлого пса капитализма — бандита Троцкого.

Это они, на презренные сребреники, вырученные от продажи нашей Родины, организовали покушение на нашего любимого товарища Сталина.

В своей лютой ненависти к нашей счастливой и радостной жизни, бандиты не брезговали никакими средствами для закабаления и порабощения свободного советского народа. Презренные подонки человечества, они оптом и в розницу торговали нашей родиной, за свободу которой пролили свою кровь лучшие сыны народа.

Звериные лапы презренной банды обгажены кровью лучших сынов советского народа — С.М.Кирова, В.Р.Менжинского, М.Н.Тухачевского и М.М.Литвинова.

Подлая банда поймана с поличным и грозной рукой советского правосудия пригвождена к позорному столбу.

Эти мерзавцы дорого заплатят за кровь лучших сынов советского народа. Нет места гадам на нашей священной земле! Советский народ беспощадно расправлялся, и будет расправляться со всеми врагами, какой бы маской они не прикрывались.

От славной советской разведки, окружённой любовью и поддержкой 170-миллионного могучего народа, не укрыться ни одному подлому гаду на нашей советской земле.

Никакой пощады врагам народа! Мы требуем от суда высшей меры наказания подлой троцкистской банде. Бешеные псы должны быть расстреляны.

В ответ на гнусные происки капиталистических вырожденков, мы ещё теснее сплотимся вокруг нашей великой партии Ленина-Сталина. Ещё с большей силой будем крепить оборонную мощь нашей страны, бдительно охранять нашу

замечательную Родину.

Никому и никогда не удастся поколебать нашу сплочённость и преданность великой партии Ленина-Сталина и её Сталинскому Центральному Комитету.

Никому не удастся поколебать нашей веры в окончательную победу социализма.

Да здравствует наша славная разведка!

Да здравствует непобедимая партия Ленина-Сталина!

Да здравствует наш любимый и родной товарищ Сталин!"

Житие от Израила

Вот она, наша тайная вечеря. На ту, прошлую, меня не удосужились позвать, но, думаю, и нынешняя достойна кисти Леонардо. Может быть потом, когда получше в этом мире обустроимся, уговорю Иосифа Виссарионовича расписать стены будущего Дворца Советов.

Здорово получится — посредине, за столом, распаренный после бани Сталин с красной физиономией.... Нет, бутылки со стола уберём, и вождя на картине оденем в более воинственную, чем махровое полотенце, одежду. И что бы краешки бинтов из-под неё выглядывали. Про улыбку не забыть, довольную. Под руку томик Ленина, это в обязательном порядке. А на коленях Такс.

По правую руку от Генерального секретаря, так и быть, комбрига Архангельского расположим. В парадной форме, шашкой наголо, и с Георгиями на груди, сразу под орденом Красного знамени. Не забыть только идею о восстановлении боевых наград протолкнуть, пусть даже и полученных до исторического материализма. Хотя, вряд ли Гиви согласится носить на шее десяток золотых гривен, тяжело.

Себя придётся слева расположить, ох уж мне подчинённое положение. Но обязательно в генеральском мундире с золотыми погонами. Надеюсь, ко времени постройки Дворца, их уже введут. Есть, конечно, подозрение, что при таких темпах строительства, как сейчас, на моих плечах герб Советского Союза будет.

Лаврентия на краешек подвинем, скромнее надо быть. И так их уже двое. Второй нам нужен, или как? Может его послом в Ватикан отправить?

— Так когда Вы, товарищ Архангельский, планируете моё полное выздоровление от тяжёлых ран, полученных в воздушном бою с Иудушкой Троцким? — глуховатый, насмешливый голос Сталина прервал творческий полёт моих мыслей.

— Не торопитесь, Иосиф Виссарионович, ещё дней десять нужно потерпеть. Полюбуйтесь пока северными красотами, свежим воздухом подышите, — ответил Гиви, только что вынырнувший из парилки судовой бани. — Не для того создавалась наша организация, что бы рисковать жизнью отца нации в столь ответственный момент.

Генеральный секретарь заулыбался, искренне радуясь новому, не приевшемуся определению его роли в жизни страны. А Гаврила молодец, уже две недели обихаживает вождя, одновременно слегка пугая таинственной, глубоко законспирированной, но сильномогучей Ленинской инквизицией. Поверил ли? Пока сомневаюсь, но очень уж удачно ложилось наше неожиданное появление на далеко идущие планы Сталина. Потому и принял предложенные правила игры.

— Предлагаю выпить за большевиков, строящих социализм в одной, отдельно взятой стране, — Берия произнёс тост с грузинской витиеватостью.

— Точно, — поддержал его Гиви. — Нам не нужна революция во всём мире, нам нужна великая Россия.

— Великий был человек Пётр Аркадьевич, — кивнул Иосиф Виссарионович. — Какой бы из него хороший председатель Совнаркома получился. Давайте и за него выпьем.

Помянули. Выпили. Помолчали.

— Мне тут донос на Вас, Гавриил Родионович, передали, — невзначай обронил

Сталин. — Анонимный. Говорят, песни антисоветские поёте?

— Белецкий, — прошипел мой начальник сквозь зубы. — Удавлю.

— Удивляюсь Вашему мягкосердечию, товарищ Архангельский. Может его лучше назначить на этих островах первым секретарём обкома? Правильно я говорю, товарищ Берия?

Лаврентий вздрогнул от узнаваемых интонаций, и уронил гитару, которую тайком от Гиви прятал под столом. Ладно, ещё не рояль — вот бы грохоту было. Гавриилу некуда было деваться, так и пришлось взять инструмент. Я решил понаблюдать за реакцией нового слушателя.

Протопи ты мне баньку, хозяйюшка,
Раскалю я себя, распалю,
На полоче, у самого краюшка,
Я сомненья в себе истреблю.

Разомлею я до неприличности,
Ковш холодный — и всё позади.
И наколка времён культа личности
Засинеет на левой груди.

Пока молчит, блаженно улыбается и вслушивается в слова. Только при упоминании о неведомом культе личности недоумённо дрогнули брови.

Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведено горя и трасс,
А на левой груди — профиль Сталина,
А на правой — Маринка анфас.

Задумался... Что это в уголке глаза блестит? Померещилось.

Застучали мне мысли под темечком,
Получилось — я зря им клеймён,
И хлещу я берёзовым веничком
По наследию мрачных времён.

Непроизвольно прижал ладонь к щеке, словно почувствовал удар веником. Но адекватен, вот, шевелит губами, запоминая припев. И уже сам подхватывает:

Протопи ты мне баньку по-белому —
Я от белого свету отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

— Вот, значит, как это выглядит со стороны, — хриплым голосом произнёс Сталин, старательно отворачивая лицо к иллюминатору. — Этот поэт, он из ваших?

— Он умер, Иосиф Виссарионович. А может и не родился. Кто знает, может скоро, скажем...года через три. Душа поэта непостижима, как и промысел Божий, когда она вновь решить посетить этот мир.

— Вы, Гавриил Родионович, сейчас как мои преподаватели в семинарии. О боге рассуждаете, о душе. Почему же хирурги до сих пор не нашли у человека душу? Печень есть, почки, сердце, и то, даже у пламенных революционеров находят, а её — нет. Где доказательства?

— А совесть — она существует?

— Не у всех, но встречается, — согласился Сталин.

— Какие же ещё Вам доказательства нужны, Иосиф Виссарионович? Её наличие тоже не один врач не сможет определить. Бог, душа, совесть, любовь, — понятия тонкие. И если есть одно, то почему не существовать другому? Мне, например, было бы противно ощущать себя просто сборищем молекул, по странной прихоти эволюции организовавшихся в банду, для более удобного ограбления природы.

Ай Гиви, ай молодца! Даже Лаврентий Павлович мысленно рукоплещет. Такими темпами мы товарища Сталина к утру уговорим к причастию сходить. Может его пригласить крёстным отцом к Эрнсту Теодоровичу, которого отец Алексей почти уже уговорил в православие перейти? Или не согласится? Скорее всего нет. Нема политических дивидендов. Это через десять лет, на публике, под прицелом фотокамер, будет с Черчиллем обниматься. Гадость-то какая.

— Но позвольте, товарищ Архангельский, как же тогда Ваши убеждения уживаются с партийным билетом?

Гаврила тонко улыбнулся.

— А я не состою в партии, как и Изяслав Родионович. Вот насчёт товарища Берии точно сказать не могу, скрывает. Но пусть это останется на его совести.

Меня-то Гиви зачем сдал? Ладно Лаврентия, ему не привыкать. У меня же, — нет никакого интереса увидеть Ногайскую бухту и тракты.

— Вы не коммунисты? — Сталин от удивления забыл изобразить грузинский акцент.

— Конспирация, Иосиф Виссарионович, — решил я вмешаться с пояснениями. — Приказ Владимира Ильича. Что бы не светиться лишний раз на партийных собраниях. Опять же, на взносах экономия, и в списках ни в каких не состоим. Недавно снова напоминал о необходимости строжайшей дисциплины.

— Э-э-э-э.... Посредством спиритического сеанса?

— Зачем? Вы, товарищ Сталин, существование Бога и души не допускаете, а в мистику.... Ленин — всегда живой. Не верите? Зря, вот закончится наша эпопея, непременно съездим в Конотоп. Не слышали про старца Фёдора Кузьмича, что на дальнем кордоне лесником?

Чего это вождь посерел лицом после моих слов?

— А товарищ...Кузьмич не говорил о своих дальнейших планах? В Москву не собирается?

— Ему и в Конотопе хорошо, Иосиф Виссарионович. Вот только корову просил привезти. И капканов побольше.

— На волков?

— Нет, на Капланов.

Глава 12

*Нас таких до хрена
И выходит, что мы
Для соседей ядрёная сила
Если завтра война,
Подождём до зимы.
И возьмём супостата на вилы.
Сергей Трофимов*

"Правда" 20 сентября 1933 года.

"В рапорте ЦК ВКП(б) — тов. Сталину, МК ВКП(б) — тов. Кагановичу, МГК ВКП(б) — тов. Хрущёву, редакциям газет "Правда" и "Рабочая Москва", секретарь Бауманского райкома ВКП(б) тов. Марголин, председатель райсовета

тов. Коротченко и председатель райпрофсовета тов. Тимофеев сообщают, что на общерайонном митинге, организованном по инициативе рабочих фабрики им. Маркова, завода "Манометр", завода им. Молотова, ЦАГИ, фабрики "Красная Работница" и других, принята резолюция, одобряющая и поддерживающая жест доброй воли со стороны братского норвежского народа, строящего светлое будущее под мудрым руководством стортинга, и лично товарища Хокона Седьмого, исполняющего обязанности короля Норвегии.

Пролетарии Бауманского района столицы широко развернули массовый поход за овладение норвежским языком. Более десяти тысяч рабочих изъявили желание изучить его, помня, что в тяжёлые времена Первой Революции, когда японские интервенты рвались в Порт-Артур и Манчжурию, стремясь уничтожить революционно настроенных солдат и матросов, только Норвегия решилась примкнуть к восставшему русскому народу, поднять знамя революции, и со стортинговской (большевистской — прим. ред. газеты) решительностью сбросить кровавую тиранию шведского царизма.

И сейчас, в тревожные для Советского Союза времена, братский норвежский народ протянул руку помощи, которая была с благодарностью принята. К Земле Иосифа Виссарионовича, на которой сейчас находится героическая экспедиция "Челюскина", под личным руководством уже оправившегося от ран тов. Сталина, подошёл отряд боевых кораблей береговой обороны Норвегии, под командованием самого товарища короля Хокона Седьмого. В составе эскадры три эсминца типа "Дрёуг", и броненосец "Нидарос", способные дать отпор любому агрессору.

Рабочие Бауманского района горячо одобряют товарища короля, в своей приветственной речи решительно осудившего гнусные измышления звериной банды Ягоды и его троцкистских прихлебателей, о причастности Норвегии к появлению неизвестных истребителей, совершивших злодейское покушение на дорогого товарища Сталина.

Коммунисты предприятий района выражают поддержку стремлению братского народа к дружбе и добрососедству, залогом которых является старейшая из государственных границ в Европе, никогда не нарушавшаяся войнами, но в настоящий момент подло украденная белофинскими оккупантами.

Митинг постановил: — до конца года дать сверх плана продукции на 210 миллионов рублей, и по большевистски вступить в новый год, развернув соревнование за право подписи коллективного письма товарищу Сталину и товарищу королю Хокону Седьмому."

Москва Кабинет К.Е.Ворошилова

— Удивляюсь я тебе, Климент Ефремович, — вошедший после доклада секретаря Каменев повесил шинель на вешалку и протянул руку для приветствия, — как ни зайду, ты всё время газеты читаешь. А потом на меня с кулаками бросаешься. Что пишут? Судя по твоему недовольному лицу — что-то не очень хорошее. Но я тут точно не виноват.

— В чём? — Спросил Ворошилов, крепко пожимая руку бывшего подчинённого.

Три дня назад пришла телеграмма от Сталина с требованием к Политбюро утвердить назначение самого Климента Ефремовича Верховным Главнокомандующим Красной Армии и Рабоче-крестьянского Красного Флота, а Сергея Сергеевича в должности наркома по обороне. Уже немногочисленное Политбюро артачиться не стало, и покорно подписало требуемый документ.

— Ни в чём не виноват, — легкомысленно засмеялся Каменев. — Мы же определились с козлами отпущения? Нет, а всё-таки, что там? Я сегодня "Правду" ещё не читал.

На этот раз Главком не стал бросать газету на пол и топтать сапогами. Он аккуратно положил её на стол и ткнул пальцем в передовицу.

— Видишь? Нет хуже дурака, чем дурак с инициативой. Только я собираюсь отдать распоряжение об аресте Кагановича и Хрущёва, как эти придурки на первой полосе им доклад со славословиями вывешивают. И что мне теперь делать? Приказ отменять?

Каменев причитал статью и пренебрежительно хмыкнул.

— Вопрос на пять копеек, Клим. Подождём недельку, пока эта "Правда" по сортирам не разойдётся, и возьмём голубчиков. А через две недели те же рабочие напишут новую резолюцию. С требованием суровой расправы над двурушниками и шпионами, злоупотребившими доверием партии и правительства. Да, с Кагановичем всё понятно, ну а чем тебе Никитка-клоун не угодил? Забавный и безобидный толстячок. А что ретив не в меру, так с годами пройдёт. Хотя, дело твоё, пользы от него — как от тли кукурузной. Может его директором мясокомбината назначить? Пусть сосиски делает.

— Ну их к шутам обоих, — Ворошилов оставил газету в покое. — Лучше скажи — когда за новую должность проставляться будешь?

— А ты?

— А я первый спросил.

— Ну и что? Дела ты мне ещё не сдавал. Так что тебе первому. А то мне Семён Михайлович уже телефон оборвал, всё спрашивает, когда же Клим про боевых друзей вспомнит.

— Помню я всё. В субботу у меня на даче и соберёмся. В баньке попаримся, кабанчика подстрелим....

— Только не как в прошлый раз.

— А что так?

— Ничего. Коба всего два раза стрелял, а ему трёх подсвинков егеря принесли. А мне только одного.

— Ну и что? — Усмехнулся Ворошилов. — Зато ему домашних, а тебе настоящего, дикого.

Глаза Главкома загорелись от воспоминаний и новых предвкушений. Но он почти сразу же поскучнел и спросил:

— Слушай, Серго, а как мы с тобой армию теперь делить будем? Пополам или поровну?

— Сдурел на радостях? — удивился новый нарком. — Большие звёзды на мозг давят? С какого перепугу ты её делить собрался, и, главное, зачем?

— Ну, как же, мы с тобой теперь два высших военачальника в стране. Кто из нас главнее — неизвестно.

— Вот ты о чём, — наконец догадался Каменев. — Ты и есть самый главный. На тебе вся боевая подготовка войск в мирное время. Я займусь техникой и вооружением. Борис Михайлович обещал взять на себя всю штабную и тыловую работу. Ваське Блюхеру войска ОГПУ отдадим, пусть партизанит.

— А Егоров?

— Он на Дальний Восток сам попросился. Командующим с особыми полномочиями. Очень уж он японцев недолюбливает. Да я тебе завтра все бумаги на подпись пришлю.

Климент Ефремович прошёлся по кабинету, посмотрел на портрет на стене и спросил:

— Как ты думаешь, Серго, а здорово нам от товарища Сталина достанется? За все художества, что мы тут с тобой натворили. Считай, всю ленинскую гвардию под корень извели.

— А чего мы не так сделали? Нормально всё. Разве мы не ленинцы? Тебе разве Коба телеграмму не присылал?

— Что мы с тобой, как два раввина, вопросами разговариваем? Какая ещё телеграмма?

— Тебе дословно? Пожалуй, не стоит. В литературном изложении это понятнее. Иосиф Виссарионович информирует, что если мы сами нахуе..., да, натворили, так самим и разьё.... Короче — чтобы всё было хорошо. В противном случае обещал лично нас.... Там дальше плохо пропечаталось, я не разобрал.

— Понятно, — протянул Ворошилов. — Вернее, ничего не понятно. А про Норвегию Коба ничего не написал? Жалко.... Я уж было хотел им войну объявить. Не то, чтобы официально, а так, в ответ на провокацию. Чего лыбишься?

— Чем ты воевать собрался, позволь поинтересоваться? Может, клюквой закидывать? Так, говорят, на неё год неурожайный выдался. Недостаточно развесистая выспела. К твоему сведению, если лень данные разведки почитать, у них два броненосца береговой охраны в наличии. Старьё, конечно, но калибра, для наших корыт, хватит. Эсминцев штук шесть или семь. Да к ним в придачу полтора десятка миноносной сволочи. Мелочь, типа тральщиков и минзагов, считать не будем, а вот подводные лодки учесть следует. Нет, Клим, Коба прав, лучше дружить, пока воевать нечем. Но, стоило бы посмотреть, как ты с рыбацких баркасов на абордаж пойдёшь.

— Зачем мне самому? — Обиделся на товарища Главком. — У нас Северный Флот есть, мне Тухачевский докладывал.

— Нашёл кого слушать. Ты когда-нибудь норвежскую селёдку видел? Так у неё уши в три раза больше нашего Северного Флота.

— У селёдок нет ушей.

— Это понятно. А у тебя кораблей на севере нет. Только три подводных лодки на прошлой неделе в Мурманск пришли. Хотя.... Если плавмастерскую "Красный Горн" замаскировать под дредноут....

— Злой ты человек, товарищ Каменев.

— Зато честный, Клим.

Житие от Гавриила.

— Это и есть король? — Усомнился Лаврентий Павлович, разглядывая в бинокль надвигающуюся серую тушу норвежского броненосца. — Не похож. Я их не такими представлял.

— Ты что, товарищ Берия, королей ни разу не видел? — Изя, оседлавший чугунный кнехт, пренебрежительно сплюнул за борт. — Обычный монарх, тем более конституционный. Такие в Европе по рублю за пучок идут.

— Не приходилось мне при жизни с самодержцами встречаться, — посетовал Лаврентий. — А после жизни, тем более. Сам знаешь — не попадают к нам короли. А вот, кстати, Гавриил Родионович, Что потом с людьми в этом мире будет?

— В каком смысле? — Не понял я.

— В прямом. Вот сейчас живут на планете люди, рождаются новые, умирают, гибнут. А дальше? Куда их?

— Так ты в глобальном смысле? — Не дал мне ответить вездесущий Израил и сам полез с пояснениями. — Всё обычным порядком. Наши, если они действительно НАШИ, после небольшой проверки попадают в соответствующий дубликат Райских Куш. Потому и стараемся не злоупотреблять со множественностью миров, количество работы возрастает, а нам раздваиваться не положено.

— А не наши куда? — Не унимался любопытный Берия.

— Никуда. Кому они, нафиг, нужны? — Поддержал я Изю. — Лишние души развоплощаем, во избежание попадания к вероятному противнику, а освободившуюся энергию обычно сбрасываем в виде тайфуна или урагана где-нибудь над Атлантическим океаном.

— Так все эти "Катрины"...?

— Ерунда, не бери в голову. Мелкие побочные эффекты. Вот если бы у тебя был выбор между Новым Орлеаном и Арзамасом?

— Ты бы ещё Нью-Йорк для сравнения выбрал. Конечно, Арзамас нужнее. Там гуси.... Стало быть, — Лаврентий поправил сползающее под напором ветра пенсне, — и у Сталина в этом мире есть шанс не стать Вечным Грузином?

— Беспокоишься? — Поддел комбриг Раевский. — Это правильно. Ворон ворону в глаз не плюнет.

Товарищ Берия отвернулся, оставив выпад Изяслава Родионовича без ответа, и первым

заметил появление Иосифа Виссарионовича на палубе "Челюскина".

Пижон наш вождь, ей Богу пижон. Это в такую-то погоду фасон давить? Ладно, ещё скалистые обрывы острова Кренкеля защищают нас от мощного дыхания Северного полюса, но всё равно, свежий ветерок сдувает фуражку с головы и пробирается под шинель. Нет, я бы не согласился при плюсе одном градусе форсить в белоснежном кителе, пусть даже и застёгнутом под горло. А одежда до чего знакомая, ещё бы чёрных орлов на погонах — вылитый царский адмирал. И кортик обязательно.

И не холодно ему? Видимо сигнальщики разглядели, что норвежский монарх тоже в одном мундире, только чёрном. Уже без бинокля видно как сверкают галуны и награды. Ну ещё бы, одновременно адмирал норвежского, английского и немецкого флотов. Или кайзеровское звание уже не считается? А у какого ордена синяя лента через плечо? Как свидетель на свадьбе. Скромнее надо быть, товарищ король. Может он свататься приехал? Но у нас невест нет. Тогда к кому? Посмотрим.

А товарищ Сталин, не раздумывая, сразу ко мне направился. И чего привязался? Не хочу я становиться наркомом Государственной Безопасности. Пусть Лаврентия назначит, зря что-ли он такой заботливый?

— Товарищ Архангельский, Вы, помнится, говорили, что владеете норвежским языком. Не согласитесь поработать переводчиком на нашей встрече?

— Это и я смогу, — лезет не в своё дело комбриг Раевский. — Чего там владеть? Словарный запас в пять тысяч слов, из них половина для обозначения оттенков плохой погоды. А ещё четверть — рыболовные термины и инструкция по засолу и копчению сёмги. Могу научить часа за полтора. Романы писать не сможете, но для стихов достаточно.

Иосиф Виссарионович шутке посмеялся, но от услуг Изяслава Родионовича отказался, предложив, взамен, исполнить роль тамады на официальном обеде. Изя, в свою очередь, ответил отказом.

Между тем броненосец остановился в полутора милях от нас, дальше не пустила большая, чем у нас, осадка, и спустил на воду моторный катер. Вот она, буржуазная изнеженность в действии — бояться ручки вёслами натрудить. Хотя, если Хокон, двоюродный брат последнего императора, знаком с традициями русского гостеприимства, то его можно оправдать. Моторы, в отличие от матросов, пьяные не бывают.

По моей команде почётный караул троекратный салют. Если бы вслед за выстрелами по трапу не поднялся глава сопредельной державы, всё это действо могло напомнить скромные похороны отставного штабс-капитана в киевском захолустье. А куда деваться? Норвежский гимн в исполнении самодеятельного ансамбля народных инструментов звучал настолько похабно, что решили обойтись без него, во избежание международного конфуза. Короля сопровождал грузный моряк со шкиперской бородкой, когда по скулам и окраинам подбородка идёт рыжая растительность, а верхняя губа и щёки похабно голые.

Я пригляделся к погонам и нашивкам второго гостя. Надо же — полный адмирал. Нет, я не про толщину, хотя и она присутствует. Звание такое. Помнится, в 1905 году контр-адмирала на весь флот хватало. Ну, понятно, буржуи.

— Мы рады приветствовать Ваше Величество на борту советского корабля, — коротко, почти незаметно поклонившись, произнёс Сталин.

Я перевёл его слова на северное варварское наречие. Как говорит! Словно вместо полицейских протоколов изучал дипломатический. А с него станется. При титуловании глазом не моргнул. Не иначе к себе уже примерял. И пусть, у человека работа такая. Ему тоже карьеру сделать хочется.

Хокон крепко пожал протянутую руку Сталина, и ответил на русском языке, чем удивил даже меня.

— Я тоже искренне рад, Ваше Высокопревосходительство, приветствовать в Вашем лице весь советский народ. Позвольте выразить негодование в адрес бандитов, покушавшихся на Вашу жизнь, и заявить о полной непричастности правительства и народа Норвегии к столь гнусному злодеянию.

Виссарионыч расцвёл в улыбке, видно быть высокопревосходительством тоже понравилось. Он набрал в грудь воздуха и приготовился к ответной речи.

Житие от Израила.

Боже мой, ты меня слышишь? Ответь верному архангелу твоему. Молчишь. Спасибо тебе, господи, за молчаливость. Вот за это люблю и уважаю. Вот только ответь, почему люди, созданные по образу и подобию твоему, такие болтуны?

Полтора часа продержали нас царственные особы на холодном ветру, вышибающим слёзы и сопли. В речах и комплиментах состязались. Разве что гавот с менуэтом не танцевали. Видимо из-за отсутствия дам. Могу понять Хокон — морозоустойчивый нордический парень. А наш-то куда? Вот заболеет, помрёт, и не успеет назначить меня маршалом. Ладно, прекращаю свои мысли вслух, всё равно за звоном бокалов, ножей и вилок никто не услышит и не посочувствует.

Ужин проходил в тесном кругу и неофициальной обстановке. Лишних выпроводили с дружеским визитом на броненосец, не забыв предупредить Сагалеви́ча, что в случае вербовки иностранной разведкой, подоходный налог исчисляется по двойному тарифу. Старый шпион обещал не продешевить.

А Хокон, хоть и седьмой, но парень вроде неплохой. Вон как лихо пьёт водку, отказавшись от коньяка и тонких вин. И налегает на свежайшую стерляжьё уху, приготовленную Максимычем из молодой акулы. Уж не из наших ли гардемарин в корольки выбился? Вполне возможно. Что, кстати, и объясняет владение русским языком. По возрасту подходит. А родственные связи с прошлым царствующим домом позволили сохранить инкогнито при обучении.

— Вот, Ваше Величество, перепелов попробуйте, — потчевал Сталин гостя под ревнивым взглядом объевшегося Такса. — Особые перепела, живут только в ржаных полях нескольких областей средней полосы России. Это просто чудо.

Чудо, сотворённое руками опытного кока из обычных замороженных цыплят, было опробовано и одобрено. Толстый адмирал положил птичку в рот целиком, прожевал, проглотил с косточками, и зашептал что-то на ухо своему сюзеру. Тот кивнул благосклонно и наполнил рюмку.

— Господа, — обратился он к нам. К вождю отдельно, — Ваше Высокопревосходительство. Только что адмирал Бьёрн-Дален напомнил мне о важном событии, которому скоро исполняется шестьсот лет. Я говорю об установлении границы между нашими государствами, которая уже в течении многих веков остаётся неизменной. Предлагаю отпраздновать этот юбилей на государственном уровне.

Иосиф Виссарионович недоумённо посмотрел на короля.

— Но, Ваше Величество, у нас нет общей границы.

— Как? — Поразился Хокон и растеряно повернулся к адмиралу за помощью. — Разве так бывает — договор есть, а границы нет?

Моряк опять зашептал в королевское ухо. Норвежский монарх внимательно слушал, а потом, вдруг рассердился.

— Почему мне не доложили? Кто позволил украсть мою границу с Россией? Вы представляете, каким идиотом я буду выглядеть перед всей Европой? Все газеты страны уже две недели трубят о предстоящих празднествах. Что мне делать?

— Это правильно, что Ваше Величество так близко к сердцу восприняло эту проблему, — ответил Сталин после минутного раздумья. — Я тоже думал над этим вопросом, и рад, что встретил понимание с Вашей стороны. Вот посмотрите....

Иосиф Виссарионович встал из-за стола, подошёл к стене и отодвинул занавеску, за которой висела крупномасштабная карта Скандинавии.

— Посмотрите, — товарищ Сталин ткнул указкой, — пограничные посты можно разместить здесь, здесь и здесь. Это будут крупные контрольно-пропускные пункты для

железнодорожного и автомобильного транспорта. А расположение застав оставим на усмотрение специалистов.

Норвежский король поперхнулся водкой. Получив по спине кулаком от своего адмирала, он прокашлялся и с трудом выдавил из себя:

— Но это же территория Финляндии.

— Хокон, не спорь с товарищем Сталиным, он дело предлагает, — старый моряк вдруг тоже заговорил по-русски. — Проведём через стортинг меморандум о признании Советского Союза законным правопреемником Российской Империи, и подтвердим его право распоряжаться собственной территорией. Как заблагорассудится. Какое нам дело до финляндских сепаратистов?

— Но дядя, — простонал король, — международное право....

— Пусть идёт далеко и глубоко, — закончил адмирал за племянника. — Между прочим, именно оно покушается на суверенитет и независимость Норвегии, противореча договору от 2 ноября 1907 года, который обязывает норвежскую сторону не уступать ни какой державе, ни в качестве временного занятия, ни в виде какой-либо иной меры, никакой части норвежской территории.

— И ты хочешь сказать...

— Именно. Парижский договор о Шпицбергене нарушает наш закон и несёт угрозу нашей государственности, разрешая использования недр архипелага всеми подписавшими сторонами. Не будем пока касаться других стран, но финские угледобывающие компании следует признать вопиющим фактом оккупации. Следовательно Россия, в лице Советского Союза, согласно всё тому же договору седьмого года вправе оказать любую посильную помощь для отражения агрессии.

— А на самом деле там есть финны? — Хокон, видимо, заинтересовался.

Молчавший до поры Лаврентий Павлович кашлянул, привлекая всеобщее внимание.

— Даже если и нет. Гирш Нахамсон — финский угольный магнат, устроит?

— Кажется это шведская фамилия, — усомнился адмирал Бьёрн-Дален. — Уж не родственник ли он господину Маннергейму?

— Маловероятно, — ответил Берия. — Но если нужно....

— Давайте не будем впутывать Швецию во внутренние дела Советского Союза, — высказал своё мнение товарищ Сталин. — Пока не будем.

Глава 13

Кому бутик открыть, кому окоп отрыть.

А с Тверской страна не видна.

А кто плохо жил, будет плохо жить.

Вот такие вот они — времена.

Тимур Шаов

Ближнее Подмосковье. Дача К.Е.Ворошилова

Конец сентября в средней полосе. Что ещё может сравниться с этой порой? Разве что начало мая, в промежуток от появления первых листьев до цветения черёмухи. Нет, сейчас лучше. Нет громадных мух, старающихся обязательно обгадить лучшие куски вашего обеда, нет и вечно голодных комаров, считающих красных командиров наилучшей закуской и законной добычей. Жужжать они хотели на табели о рангах, что те, что другие. А Почётное Революционное оружие мало помогает в борьбе с алчными кровососами.

Бабье лето в Подмосковье — совсем другое дело. Это песня, а не время года. Из всех насекомых — только паучки-десантники, чьи блестящие тонкие нити изредка терпят бедствие над мангалом с горящими углями.

У ворот требовательно просигналила машина, и Ворошилов отвлёкся от насаживания мяса на шампура:

— Серго, встретить, пожалуйста, Семёна, вечно он опаздывает. Видишь, не могу бросить важное дело.

— Ординарцу бы поручил. Или адъютанту. Чего вокруг без дела бегают? — Посоветовал Каменев, которому было лень вставать из плетёного кресла и куда-то идти.

— Сожрут, гады, — Климент Ефремович поморщился. — Не смотря на всю их рабоче-крестьянскую сознательность.

— Ты их на гауптвахту.

— За кусок баранины? Так скоро за колосок на колхозном поле сажать начнём.

Будённый сам появился из-за кустов жасмина с корзиной вина на руке.

— Привет, Клим. Здорово, Серго. — Поставил приятно зазвеневшую ношу на стол. — Оцени подарок, просто чудом нашёл. Цимлянское, урожая тринадцатого года. А вы чего вдвоём, где остальные? Охрана на въезде в посёлок доложила о четырёх проехавших автомобилях. В бане?

— Борис Михайлович за грибами ушёл. Блюхер с Егоровым на пруду с удочками сидят. Ты ещё кого-то ждёшь? — Ответил Каменев, и, под неодобрительные взгляды товарищей, закурил громадную сигару самого буржуйского вида.

— Сибарит, — проворчал недовольно Семён Михайлович, и отобрал у наркома изделие кубинских товарищей, изнывающих под тяжким гнётом американского империализма. — Коба что-нибудь новое пишет? Каким чёртом его в Норвегию понесло?

— Разве он перед кем отчитывается? — Пожал плечами Сергей Сергеевич. — Может что задумал? В телеграмме сообщил, что отправил самолёт в Осло, а сам на броненосце.

— Вот они где, — голос Шапошникова заставил всех обернуться. — А я груздей набрал. Красота-то какая у тебя на даче, Климент Ефремович.

Командарм Будённый выпустил кольца дыма из-под усов и скептически оглядел окрестности.

— Не вижу красоты, Борис Михайлович. Вон та беседка сектор обстрела загораживает, окна чердака слишком широкие, а заросли сзади дома позволяют подобраться на гранатный бросок. Безобразие.

— Ну не скажи, Климент Ефремович, — Будённый разглядывал бокал с вином, будто опасался, что дореволюционное вино, с приходом советской власти, вредительно перебродило в уксус. — Мы всегда найдём, как и где использовать опытных радистов и инженеров. Сам потом Кобе спасибо скажешь.

— Чем тебе связь в Красной Армии не нравится? — Подозрительно прищурился нарком. — Тухачевский все уши прожужжал, теперь ты. Что я, важность технического прогресса не понимаю? Идём в ногу, так сказать. В каждой роте телефон есть, делегаты связи на мотоциклах катаются.

— Собак ещё вспомни, Клим. Они в ошейниках любовные записки поварихам носят. Говорят, даже, в Кубинке безродного Барбоса пытались приучить в сельпо за водкой бегать.

— Получилось? — Улыбнулся Шапошников.

— Нет, глупая животина никогда сдачи не приносила.

— Я тебе серьёзно, Семён. — Ворошилов повысил голос.

— И я. Ты когда начнёшь башкой думать, а не саблей? Пока твои связисты провода тянут, их или поубивает нахрен, или изорвёт всё, или, вообще, обстановка боя изменится настолько, сто по телефону и разговаривать некому будет. Помнишь польский поход? Да не кривись, не ты один виноват. А вот представь — будь у нас у нас с собой рации.... Да с хорошей разведкой. Да не с такими мудаками командующими..., - воинственные усы Семёна Михайловича прозрачно намекали и на возможность Краковского райкома ВКП(б), и на сдачу зерна государству колхозниками Берлинщины и Амстердамщины.

— Между прочим, поляки сделали правильные выводы из наших ошибок той войны. И обратили внимание на полное отсутствие связи. — Скучно-академическим голосом поддержал разговор Шапошников. — И на английские деньги, построили в Праге, под

Варшавой, новый государственный радиозавод, выпускающий радиотелеграфные и радиотелефонные станции различной мощности.

— Ну и что?

— А ничего, просто поляки теперь оборудуют рациями все, а не только командирские, танки, самолёты и броневые автомобили. А ты будешь дивизиям приказы свистком передавать.

— Радиостанции будут мешаться, и отвлекать в бою. Поверь мне как специалисту, Борис Михайлович.

— Специалист, — передразнил Главкома Будённый. — Задница ты конячья, а не специалист. Тебе ничего плясать не мешает?

Ворошилов взвесил в руке бутылку, примериваясь к макушке легендарного командарма, но передумал и разлил вино.

— Ты же кавалерист, Семён. Откуда у тебя такие технические потребности образовались?

— Думаешь, Климент Ефремович, если конник, так обязательно тупой рубака, за которого лошадиная голова всё решает? Так что давай, повышай мою боеспособность своими радиолюбителями.

— Они не мои.

— Твои, Клим, именно твои, — опять заговорил Шапошников. — Во всех странах ими занимается военное ведомство. В той же Польше, ещё в двадцать первом году военными властями организованы курсы радиолбителей-бойскаутов. Сейчас за это, вообще, целый отдел научно-исследовательского института при министерстве обороны отвечает. И в США все любительские радиостанции объединены в военизированную сеть, с еженедельными учениями.

— Тогда это не ко мне. Все вопросы к Каменеву. Он теперь и есть военное ведомство.

— Я уже работаю над этим. Иосиф Виссарионович ещё перед отлётом поручил, — признался нарком. — Готовлю три закрытых института. Два в Нижнем Новгороде и один в Москве. По типу авиационного, что при Бутырской тюрьме, что ещё Ягода организовывал.

При упоминании всесильного когда-то ОГПушника, у Блюхера заныла печень, отчего он с чувством выругался. А Егоров вздрогнул, будто ему неожиданно приставили к затылку пистолет.

— Что творил, сволочь, — закончил материться Василий Константинович. — Сажал честных людей и заставлял насильно работать.

— У нас всё по-другому, — заверил его Сергей Сергеевич. — Будем сажать врагов народа, и пусть трудятся на его благо. А мы проследим за соблюдением социалистической законности.

— Это хорошо, — пошевелил усами Будённый. — А что, Серго, в твоих институтах танки проектировать не собираются?

— Пока только по связи будем работать. На другое приказа не было. А нужно? Вроде бы сейчас в армии вполне приличная бронетехника.

— Только танкистам об этом не говори, — предупредил командарм. — Рожу разобьют, и на петлицы не посмотрят. Не видел, какие Мишка танкетки в наследство оставил? Посмотри при случае. Та же махновская тачанка, только пулемётов больше, и железом покрытая. Мощная штука. Шашкой не прорубишь, и из нагана не прострелишь. А врагов попросим их пушек по нам не стрелять.

Молчавший весь вечер Егоров оживился:

— Вот тебе, Сергей Сергеевич, и готовый командующий бронетанковыми войсками. Возьмешься, Семён Михайлович? После кавалерии-то?

— А ты меня, Александр Ильич, не подначивай. А и возьмусь. Серго, Клим, пишите приказ. Думаете, не потяну? Дудки! Не так уж сильно ваши танки от конницы отличаются. Всё по-суворовски — быстрота, натиск, фланговые охваты, удары из засад, ретирады. Милое дело. Пехоту ещё на броню посажу, и хоть в Крым, хоть в Рим.

— Ты уже один раз в Крыму был. — Напомнил Каменев.

— И опять пойду. Тогда Врангель был, сейчас Якир — оба вражины ещё те.

— Будет тебе приказ. Можешь с завтрашнего дня в должность вступать, — согласился с предложением Ворошилов. — Только какие же тебе ещё танки нужны?

— За назначение спасибо. А про технику не с тобой разговаривать буду. Не лезь не в своё дело. На учениях или на войне мной ещё накомандуешься, — прикрикнул на него Будённый. — Серго, записывай. Мне нужен танк с пушкой не менее трёх дюймов и запасом хода километров в шестьсот. Да чтобы не ломался.

Сидящие за столом командиры с нескрываемым удивлением посмотрели на развоевавшегося командарма. Первым не выдержал Блюхер.

— Это сколько он весить должен? Не меньше пятнадцати тонн?

— Больше. Мне ещё лобовая броня нужна в двенадцать сантиметров. На боках и пяти хватит.

— На твоего монстра топлива не напасешься.

— А ты тогда нахрена, такой красивый? — Указующий перст чуть не воткнулся в нос бывшего командующего Особой Дальневосточной Армией. — ОГПУ теперь твоё? Вот и организуешь мне диверсантов, для захвата вражеских складов с горючим. Или собрался на Лубянке жопу протирать?

— Да я....

— Вот и молчи. Будешь секретность обеспечивать.

— Надо — так обеспечу. Только Коба тебе денег не даст.

— А я у Ворошилова займу. Клим, прекращай обижаться. Дай пару миллиардов фунтов. С полочки отдавать буду. Частями. Ну, ты чего? На народное же дело прошу.

— Бери один без отдачи, — Главком быстро произвёл подсчёты в уме. — У нас останется ещё три на неотложные нужды. Я разве не говорил? Мы тут с товарищем Каменевым немного секретные фонды международного отдела ОГПУ и Наркомата по иностранным делам потрясли. Вот, набралась кое-какая мелочишка. Есть мнение Коминтерном заняться, но неизвестно, как отнесётся к этому товарищ Сталин.

Егоров, меланхолично читавший до этого донос на себя от товарища Щаденко, любезно предоставленный Климентом Ефремовичем, вновь оживился:

— Чего думать? Не любит он коминтерновцев. Ещё больше чем меня. Поручите это дело мне, хоть на нормальные бомбардировщики заработаю, которые до Токио долетят. А лучше — в Хабаровске авиационный завод построю.

— Слишком близко от границы, — откликнулся Блюхер.

— Это пока, — успокоил новый дальневосточный командарм. — Так я пойду? Мне ещё всю ночь допросами заниматься.

— Я с тобой. Помогу, — Блюхер поднялся с кресла. — Знаешь, как я о самолётах мечтал?

— Авантюристы, — Шапошников осуждающе кивнул вслед удаляющемуся шуму автомобильных моторов. — Сейчас такого натворят.

— Наоборот, Борис Михайлович, реалисты, — не согласился с ним Каменев. — Пока есть возможность, свои войска доукомплектуют и обеспечат. Вспомни, пришли бы мы к большевикам, — я, ты, тот же Саша Егоров, генерал Лебедев, полковник Петин, если бы в четырнадцатом году Николай II, вместо вагонов с иконами, нас бы снарядами снабжал в том же количестве? Меня сейчас другой вопрос беспокоит. Чем воевать — мы найдём. Сделаем, в конце концов. А вот кто воевать будет?

— Станный вопрос, Серго, — строго посмотрел Ворошилов. — Если бы я не знал тебя столько лет.... У нас же армия.

— Как же, непобедимая и легендарная.... От тайги до Британских морей.... Рабоче-Крестьянская Красная Армия. А ты знаешь, дорогой наш Климент Ефремович, что из колхозов на военную службу дистрофики приходят? И для многих — это шанс выжить. Вместо обучения, их ещё по полгода приходится откармливать.

Главком сцепил в замок побелевшие пальцы.

— Это документально заверенный факт, — подтвердил Шапошников. — Ты же сам подписывал приказ о снижении порога минимально допустимого веса и роста у призывников. Они скоро там в деревнях все передохнут, Клим.

Ворошилов потемнел лицом и выплеснул вино на траву. Налил водки до краёв, выпил залпом, не морщась и не закусывая. Нервная дрожь постепенно уходила из пальцев, уступая место горячей хмельной волне, поднявшейся изнутри.

— Что на меня устались? Я их придумал, да? Ваши блядские коммуны?

— Да мы чего.... Сама-то идея неплохая, — примиряющее сказал Каменев.

— Ну, так и наведи порядок, советчик. Ты в Нижний Новгород собирался? Вот и расстреляй там пару председателей и секретарей за перегибы. А в "Правде" о двух тысячах напишем. Утописты, мать их за ногу. — Главком подпёр голову кулаком и замолчал.

Житие от Гавриила

Лепота, лежу на кровати и слушаю мерный плеск волн о борт "Челюскина", изредка перемежаемый стуком мелких льдин. Ничего не делаю, просто смотрю на колечки дыма, поднимающиеся к потолку. Из бериевского ноутбука доносится божественная скрипка Ванессы Мэй, не забыть бы в будущем её к нам переправить. На дуболомов из отдела распределения душ надежды нет.

И так мне хорошо и приятно от ленивого времяпрепровождения. Неправда, что лень вперёд меня родилась. Я постарше буду. И потому могу себе позволить изредка забросить все дела и отдохнуть. В своё время даже пословицу придумал, подходящую случаю. Да вы слышали — про работу. Нет, не про волка. А вот сейчас угадали. Про работу, которая может постоять, в отличии.... Нет, я такого не говорил. Это уже люди переврали.

Стою один среди равнины голой.... Нет, не так. Уже было. Лежу один в своей каюте. Изя убежал к Кренкелю изобретать очередное чудо техники. Невзирая на категорический запрет на богомерзкое прогрессорство. Лаврентий с Ворониным и Шмидтом для чего-то старательно штудируют карты и лоции Финского залива. Им тоже не до меня. Такс, по своей предательской натуре, наверняка увязался за Сталиным, невзначай, но регулярно, направляя того в сторону камбуза.

Послышалось настойчивое царапанье в дверь, а следом и вежливый стук. Я мысленно проклял непрошенных гостей, но встал с кровати, спрятал ноутбук, изобразил на лице гостеприимство, и пошёл открывать. Ну точно, вспомни его — он и появится. Беда, прямо, с этими тиранами. И сам как-то.... Изя про Суллу не рассказывал? Ну и не будем об этом.

— Мы к Вам за советом, Гавриил Родионович, — удивил меня с порога Иосиф Виссарионович.

Господи, вот и я, воин твой многогрешный, сподобился лицезреть чудо Твоё! Сам Генеральный Секретарь будет совета просить. Сколько лет он всех советчиков посылал далеко, а тут, вдруг, срочно нуждается в чужом мнении. Наверняка что по мелочи, вроде расположения пуговиц на парадном мундире, что срочно шьётся для парада в Осло.

Над сталинским плечом на две головы возвышался хмурый отец Алексей, в новой парадной рясе из заначки запасливого Сан Саныча Заморского, и с царскими орденами на груди, поверх которых лежал массивный крест. Когда это он Святого Владимира успел получить? Два Георгия — это при мне, сам представления писал. Надо же — умудрился сохранить даже в тюрьме.

— Спор у нас вышел с Алексеем Львовичем, — пояснил товарищ Сталин, бесцеремонно плюхаясь на кровать товарища Раевского. — Я предлагаю восстановить патриарший престол, а он меня анафеме предаёт.

И есть за что, усмехнулся я про себя. Но вот странный вождь у нас вырисовывается. И вопросы у него странные. С чего бы это вдруг про патриаршество вспомнил? Вроде бы немецких войск под Москвой ещё нет. Или это действует природная компенсация вредному

излучению присосавшегося халявника? Будет время, озадачу Берию, как главного эксперта по сталинизму, тщательно изучить проблему.

— Что же Вы, отец Алексей, противитесь? — Задаю вопрос бывшему ротмистру. — Неплохая идея. Вполне своевременная.

— Пусть сначала скажет, чем им прошлый не понравился?

— У каждого случаются ошибки, Алексей Львович, — ничуть не смутился Сталин. — Тем более, совсем недавно выяснилось, что в этом, конкретном случае, виноват лично Яков Свердлов, чьего злонамеренного родственника недавно арестовали, и скоро будут судить.

— Давайте всё теперь на Ягоду валить, — недовольно пробасил отец Алексей.

— Я рад, что Вы поддерживаете мою позицию в этом вопросе. Но почему только на него? — Сталин вопросительно поднял брови. — Есть ещё некоторые товарищи, которые нам совсем не товарищи. Назовите любого, и мы выясним, по заданию чьей разведки он так враждебно отнёсся к вековым традициям советского народа.

Батюшка в раздумье погладил седую бороду и прищурился.

— А если я Ленина обвиню?

— Владимира Ильича нельзя трогать. Как и меня. Должно же быть в стране что-то светлое, мудрое и непогрешимое.

Чего он на меня посматривает? Ждет бурных и продолжительных аплодисментов, переходящих в овацию? Фигу тебе, дорогой Иосиф Виссарионович.

— От меня какая помощь требуется?

— Понимаете, товарищ Архангельский, у нас имеется мнение назначить Акифьева Алексея Львовича Патриархом Московским и Всея Руси. А он отказывается.

— Их не назначают. Избирать нужно, — в рукаве отца Алексея предупреждающе звякнула цепочка боевого кадила.

— Так за чем дело стало? Вот после Нового Года соберём 17 съезд, внесём в повестку дня, обсудим, и единогласно изберём. А воздержавшимся — епитимью в Соловецком монастыре. Такой Вселенский Собор Вас устроит?

— Нет. Знаю я ваших коммунистических делегатов. Из них только Синедрион получится. Нужно собирать митрополитов и архиепископов. Только они за меня не проголосуют. Я кто? Никому не известный провинциальный священник.

— Проголосуют, — пообещал Сталин, разглаживая усы. — Отдадим приказ, а присягу ещё никто не отменял. А в случае чего, и партбилета могут лишиться.

— Ну, предположим, — согласился отец Алексей, — стану я патриархом. А церкви закрыты.

— Откроем. Иконы из музеев назад отдадим.

— Заняты другими учреждениями.

— Вернём.

— Разрушены.

— Построите новые. С рабочей силой помогу. Денег не дам.

— А монастыри?

— Только для инвалидов войны.

— А тебе не жирно будет, батюшка?

— Прокляну, не жмоться.

— Как ты с товарищем Сталиным разговариваешь?

— Троцкий тебе товарищ. Как ещё с тобой разговаривать?

— В Магадан захотел?

— А по сопатке?

Я скромно и молча сидел в сторонке, искренне наслаждаясь изысканным безобразием зашедших в тупик переговоров. Высокие договаривающиеся стороны краснели от праведного гнева, бледнели от искреннего негодования, и никак не желали приходить к компромиссному решению. Мысленно аплодирую отцу Алексию. Вот что значит — отбоился человек на всю последующую жизнь.

Вот только зачем Кобе это нужно? Желание отмолить прошлые грехи и обеспечить заранее достойную загробную жизнь? Отмечаем этот вариант за полной его фантастичностью. Не верит он во всё это. Даже в существование архангелов не поверит, пока выгодно не станет. Значит задумал какой-то гешефт. Ладно, послушаем ещё, кажется оппоненты возобновили конструктивный диалог. Первым не выдержал Сталин.

— Извини, отче, погорячился.

— С кем не бывает. И я виноват, — сокрушённо вздохнул будущий патриарх. — Так что решим с монастырями?

— Хорошо, внесём соответствующие расходы в бюджет наркомата по военным и морским делам. А ты тогда, организуй на их базе образцовые сельскохозяйственные коммуны.

— Вот тебе коммуна, выкуси, — громадная дуля священника нацелилась на вождя. — Не наигрался ещё в колхозы? Доиграешься.

Глава 14

*Исторически мы — несчастливый народ.
Что ни царь — то масон из Германии.
То курить заставляет, то земли пропъёт.
То грозит нам свобод обрезанием.
Сергей Трофимов.*

Житие от Израила

— Вот скажи мне, Лаврентий Павлович, — я почесал пальцем кончик носа, придумывая вопрос. Нет, мне ничего конкретно от него не требовалось. Но не мог я равнодушно смотреть, как боевой товарищ уже полдня сидит, уткнувшись носом в компьютер. Только толстые пальцы скачут по клавишам. Чуть было не обозвал пальцы сардельками, но те не бывают такими волосатыми.

— Что? — Берия отвлёкся от работы, и сейчас близоруко щурился на меня.

— Ты не находишь поведение Иосифа Виссарионовича слишком странным?

— Конечно, — Лаврентий достал сигарету, — как ему пришло в голову осенью в Осло морским путём отправляться?

— Я не про это. А вот.... Ну, сам видишь — пиво пьёт, в бане парится, с Чкаловым улетел.

— Ах, вот ты о чем. Ничего удивительного, как был авантюристом в молодости, таким и остался. Лётчик-налётчик. А что вино пьёт — так и монахи приемлют. Почему бы не употребить под настроение в хорошей компании? Тем более, втихаря отпраздновать победу над политическими противниками. Между прочим, не меньше тебя в радиорубке сидит, руководит процессом. Правильно делает, и руку на пульсе держит, и сам чистенький и весь из себя в белом. Завидую мастерству.

Увидев, как Берия шарит взглядом по столу, я просил ему зажигалку. Молодец, поймал. Только потом в собственный карман сунул. Вот она — извечная забывчивость людей, занятых тяжёлой и неблагодарной работой. А потом исследователи будут скрупулёзно подсчитывать тонны золота и пуды бриллиантов, прилипшие к рукам ОГПУ и НКВД при обысках.

— Хорошо, врага внутреннего он победил, зачем же тогда внешнего ищет? Чем ему Финляндия не угодила? Вполне нейтральное государство. Сидят себе в сугробах, в саунах парятся, да на лыжах катаются.

— Ты где был, Изыслав Родионович, последние.... — Лаврентий поднял глаза к потолку, подсчитывая, — тринадцать лет? Нет, погоди. Если сейчас прошлое — тридцать третий год, а у нас уже двадцать первый век давно идёт.... Ты в двадцатом веке в Россию

заглядывал?

Вот змей подколодный, опричник проклятый. Опять на незажившую рану соль сыпет. Будто не знает, что нас с семнадцатого года на кабинетной работе держали, пока наши чинуши не определились — та это Россия осталась, или уже не та. Знаете, как мы на фронт рвались? Несколько раз с Гаврилой сбегали, наплевав на последствия.

Лейтенант Александр Чурин,
Командир артиллерийского взвода,
В пятнадцать тридцать семь
Девятнадцатого июля
Тысяча девятсот сорок второго года
Вспомнил о боге.
И попросил у него ящик снарядов
К единственной оставшейся у него
Сорокапятимиллиметровке
Бог вступил в дискуссию с лейтенантом,
Припомнил ему выступления на политзанятиях,
Насмешки над бабушкой Фросей,
Отказал в чуде,
Назвал аспидом краснопузым и бросил.
Тогда комсомолец Александр Чурин,
Ровно в пятнадцать сорок две,
Обратился к дьяволу с предложением
Обменять душу на ящик снарядов.
Дьявол в этот момент развлекался стрелком
В одном из трех танков,
Ползущих к чуринской пушке,
И, по понятным причинам,
Апеллируя к фэйр плэй и законам войны,
Отказал.
Впрочем, обещал в недалеком будущем
Похлопотать о Чурине у себя на работе.
Отступать было смешно и некуда.
Лейтенант приказал приготовить гранаты,
Но в этот момент в расположении взвода
Материализовался архангел.
С ящиком снарядов под мышкой.
Да еще починил вместе с рыжим Гришкой
Вторую пушку.
Помогал наводить.
Били, как перепелов над стерней.
Лейтенант утерся черной пятерней.
Спасибо, Боже — молился Чурин,
Что услышал меня,
Что простил идиота...
Подошло подкрепление — стрелковая рота.
Архангел зашивал старшине живот,
Едва сдерживая рвоту.
Тарщила глаза пыльная пехота.
Кто-то крестился,
Кто-то плевался, глазам не веря,
А седой ефрейтор смеялся,

И повторял —
Ну, дают! Ну, ух ты, артиллерия!
Юрий Смирнов (begle)

Это про нас. Не много мы тогда успели. Что могут сделать два лишних автомата на большой войне? Что смогли. Лаврентий Павлович почувствовал неладное, и заглянул мне в глаза.

— Извини, не хотел обидеть.

— Ладно, забудем, — я согласно мотнул головой. — Так что с финнами?

Вместо ответа товарищ Берия повернул ко мне ноутбук и вывел карту.

— Ух ты, какая подробная, — восхитился я. — И линия Маннергейма есть? А это что, расположение дотов? И вооружение указано?

— Я бы не стал надеяться на точность этой карты, Изяслав Родионович. Так, скорее общая схема. Хотя в моё время она и пригодилась бы.

— Почему нельзя использовать?

— Но это же не наш мир, а его более-менее точная копия. Будто не знаешь наших работников — творческие люди. На всякие мелочи внимание могут просто не обратить. Как же — широта и размах русской души. Конечно, Австралию или Антарктиду не забыли, а вот нескольких Папуасий вполне можем не досчитать. Не удивлюсь, если здесь Марлен Дитрих — это уса́тый мужик со шрамом во всю рожу.

— Погоди, — остановил я монолог Лаврентия. — А кем же ему быть? Офицер австрийского генштаба, как никак. Из него что, бабу сделали?

— Что значит сделали? Он и был.... Тыфу, она и была женщиной. Актриса и певица.

— Жалость-то, какая. Полковник фон Дитрих наверняка огорчился. Постой, ты меня опять отвлёк. Что ты мне зубы заговариваешь? Давай дальше.... Да не про уса́тых баб, про Финляндию. И за что их Иосиф Виссарионович не любит.

— За что их любить? За то, что столицу пришлось переносить?

— Причём тут столица?

— Сам почитай. В моей диссертации об это много чего есть, — Берия уступил мне место за столом. — Только никуда больше не залезай, пожалуйста.

Мог бы и не предупреждать. Оно мне надо, чужие секреты выведывать? Так, что у нас тут? "Несуществующая война"

— Слушай, Лаврентий Палыч, почему несуществующая? Я про неё знаю. А ещё, говорят, никакой пушки в Майниле не было. Это твои орлы провокацию устроили.

— Не было, так не было, — согласился Берия. — Недавно в "Нью-Йорк Таймс" была версия, что никто атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки не сбрасывал. Это просто взорвалась неправильно приготовляемая рыба фугу, выращенная в искусственных водоёмах на территории Арзамаса-16.

Я пожал плечами и продолжил чтение.

"Вторая половина января 1918 г. Начало просачивания, без объявления войны, на территорию России финских отрядов, направленных на явочную оккупацию Восточной Карелии. Главные направления движения финнов: города Ухта и Кемь" О, и тут за Кемску волость воюют! Что там дальше? "23 февраля 1918 г. Главком финской армии генерал Г.К.Маннергейм заявил: — Что не вложит меч в ножны, пока не будет захвачена Восточная Карелия. Официального объявления войны со стороны Финляндии не последовало"

— Это я тут промашку дал, Лаврентий Павлович.

— Это как? Тебя же в это время вообще в России не было?

— Раньше ещё. На дуэли. Метил ему в лоб, а попал в ногу. Правда, я прямо из ресторации на поединок приехал.

Всё, не отвлекаюсь. *"27 февраля 1918 г. Правительство Финляндии потребовало заключения мира. Предложенная финнами граница должна была проходить по линии —*

восточное побережье Ладожского озера — Онежское озеро — Белое море. Предложение ожидаемо послано в задницу.

6 марта. Подготовлены три группы вторжения и создана оккупационная администрация. Финский регент Свинхувуд официально заявил претензии на Восточную Карелию, часть Мурманской железной дороги и весь Кольский полуостров"

— Ну, ни хрена аппетита у дяденьки. Да за такое канделябром....

— А ты ещё про Сталина спрашивал, — кивнул товарищ Берия. — Если даже у архангела характер не выдерживает....

"15 марта 1918 г. Генерал Маннергейм подписал приказ о выступлении на завоевание Восточной Карелии трех финских групп вторжения. Также утвердил "план Вирениуса", предусматривающий захват русской территории по линии Петсамо — Кольский полуостров — Белое море — Онежское озеро — река Свирь — Ладожское озеро.

Маннергейм выдвинул также план ликвидации Петрограда, как столицы России, и превращение города и прилегающей территории городов-спутников (Царское Село, Гатчина, Петергоф и др.) в свободный город-республику наподобие Данцига или средневековой Венеции.

15 мая 1918 г. Ставка Маннергейма опубликовало решение правительства Финляндии объявить войну России. Предъявлен иск за убытки, причинённые войной. В качестве компенсации потребовано присоединение Восточной Карелии и Кольского полуострова.

15 октября 1918 г. Ребольская волость в РСФСР была оккупирована финнами. Январь 1919 г. Явочным порядком была захвачена Поросозёрская волость, соседняя с Ребольской.

Февраль 1919 г. Финляндия предъявила на конференции в Версале требование на всю Карелию и Кольский полуостров.

В течении января — марта 1919 г. Финляндия не вела военных действий в широких масштабах. Лишь небольшие отряды её добровольцев просачивались в Реболу и Поросозеро. Но тогда, же готовился план широкого финского вторжения в Россию, которое должно было вестись на трёх направлениях"

— Вот гниды, — выругался я сквозь зубы, и пролистнул дальше. Ага, вот и военные действия.

"Финский план войны" Наркоманы? "Южная группа войск наносит главный удар. Состоит из регулярных частей армии Маннергейма и действует в направлении Олонец — Лодейное Поле.

Северная группа, состоящая из шведских наёмников-добровольцев и шюцкора, действует в направлении Вешкелица — Кундозеро — Сямозеро.

Средняя группа войск, целиком из частей Олонецкого добровольческого корпуса, а также эстонских частей, действуют в направлении Тулом озеро — Ведлозеро — Петрозаводск.

21–22 апреля 1919 г. Финские войска неожиданно пересекли границу, и, из-за отсутствия на этом участке советских войск, заняли 21 апреля Видлицу, 23 апреля — Тулоксу и Олонец, 24 апреля захватили Вешкелицу и к 25 апреля подошли к Пряже, угрожая непосредственно Петрозаводску. Отдельные финские части расположились в 7 километрах от него. В последние дни апреля на подступах к городу развернулись ожесточённые бои, в результате которых наступление было временно приостановлено.

Весь май и июнь восточнее и севернее Ладожского озера шли упорные бои, в ходе которых малочисленные отряды Красной Армии сдерживали хорошо обученные, полностью экипированные и сильно вооружённые финские войска, обладавшие к тому же, значительным численным перевесом.

Лишь 27 июня 1919 г. Красная Армия смогла перейти в контрнаступление, начав планируемую операцию по разгрому Олонецкой группировки противника на восточном побережье Ладожского озера.

К 8 июля 1919 г. Олонецкий участок Карельского фронта был полностью ликвидирован. Получив по соплям, финские войска отступили за линию государственной

границы"

— Что у тебя за стиль, Лаврентий Павлович? — Вновь отвлекся я от чтения.

— Обычный стиль. Так в боевых донесениях было. Или ты думаешь, что красные командиры высоким штилем изъясняться станут?

Житие от Гавриила

— Иосиф Виссарионович! Товарищ Сталин! Вы, таки, не можете уехать, не выслушав мой совсем маленький вопрос.

От пронзительного голоса Сагалевича в панике разбежались редкие снежинки. Такс, сопровождавший вождя до трапа, насторожённо развернул уши, как капюшон у кобры, и предостерегающе зарычал. Старый шпион пробился сквозь плотные ряды сопровождающих и остановился напротив, излучая глазами вселенскую скорбь и утраченные надежды на землю обетованную.

— Что случилось, Соломон Борухович? — Сталин повернулся к виновнику неожиданной задержки, нетерпеливо бросив взгляд на норвежский катер, пришвартованный к борту "Челюскина". — Если можно, то кратко.

— Я разве когда-то страдал многословием? Меня разве можно упрекнуть в излишней болтливости? Ещё в раннем детстве тётя Фира Габсбург говорила мне: — "Моня, твоя молчаливость тебя же и погубит" И я, таки, молчал, не смея сказать ни слова в своё оправдание. И разве я пришёл сюда оправдываться? Нет, я таки совсем наоборот, хочу сам задать один маленький вопрос.

— Ещё короче, — попросил Иосиф Виссарионович.

Сагалевич слегка смутился и, с опаской взглянув на меня, произнёс:

— Я с очень маленькой жалобой на гражданина Архангельского. Он обещал отпустить меня в Америку. А что же вижу? Нас, как мороженую треску, опять загружают на "Пижму", и, таки, отправляют назад в Мурманск. А если опять нападут злонамеренные троцкисты? Кому отвечать за это сборище умников? Старому Соломону, который вовсе не горит желанием возглавить этот Ноев ковчег накануне потопы.

— Вы же под защитой "Дрёуга" пойдёте. — попытался успокоить товарищ Сталин. — Помните же, что с Вашим родственником, гражданином Ноем, ничего страшного не случилось. Гора Арарат ничем не хуже штата Аризона. И, кстати, почему Вы так стремитесь попасть в Америку? Что, Советская власть не нравится?

— Что Вы, — отшатнулся Соломон Борухович. Мне показалось, что он сейчас перекрестится. — очень даже нравится. Я просто в таком восторге, что стремлюсь рассказать об этом даже за границей. Прогрессивная общественность должна знать лучшие стороны нашей жизни.

— Вот как? — Вождь выпустил облачко дыма из трубки. — Мы думаем, что сможем предоставить Вам такую возможность. Правда, Лаврентий Павлович?

Берия, до того скупавший в бездействии, при упоминании своего имени подошел ближе.

— Может быть его писателем сделать, Иосиф Виссарионович? Вполне пристойное занятие для пенсионера. Будет для страны валюту зарабатывать зарубежными изданиями.

— Вы что, какой из меня писатель?

— А главным раввином Советского Союза стать не хотите?

В глазах Сагалевича читались противоречивые чувства — от вспыхнувшей надежды, до полной безнадёжности. Отец Алексей подошёл сзади и хлопнул давнего друга-неприятеля по плечу.

— Соглашайся, Моня. А я тебя рукоположу.

— Вот только, пожалуйста, без рукоприкладства, Алексей Львович, — отказался Соломон Борухович, и опять тяжело вздохнул. — Да и не получится с назначением. Все кандидаты в Лондоне утверждаются.

— Связи подключи, — посоветовал Акифьев. — Помнится, на соседних нарах сидючи, рассказывал мне про Жаботинского.

— Сиониста? — Уточнил Сталин.

— Да, — печально подтвердил Сагалевиц. — Это мой внучатый племянник. Со стороны двоюродной сестры третьего мужа свекрови тёти Двойры Гогенцоллерн. Той, что замужем за Эдмоном де Рокфеллером.

— Вот пусть они и поспособствуют. Оба. Но я денег не дам. Так что, прекращайте жаловаться на Гавриила Родионовича, и выполняйте задание партии. Мне, почему-то, думается, что к 17 съезду ВКП(б) вы должны доложить о её исполнении.

Иосиф Виссарионович махнул рукой на прощанье и шагнул на трап.

На горизонте постепенно пропадали чёрные дымки. Вот и проводили товарища Сталина. Вроде мелочь (нет, проводы мелочь, а не Иосиф Виссарионович), а что-то грустно стало. Будто опустел "Челюскин". Хотя, так оно и есть. Вождь отправился в заграничное турне, прихватив с собой для представительности академика Шмидта. И отец Алексей ушёл с ними, убеждать пребывающий в невежестве буржуазный мир в религиозности и христороливаемости советской власти.

В качестве почётного караула, пришлось отдать всех конвойных красноармейцев, для которых трое суток шились новые парадные мундиры. Завхоз Могилевский чуть ли не плакал, выдавая портным хромовую кожу. Жалел — как свою. Но что поделать, охрана советского правителя должна соответствовать сложившимся на западе стереотипам. Сказано, что должен быть комиссар в кожаной куртке, фуражке с громадной звездой и маузером на боку — вынь да положь. По-другому не поймут. Европа-с.

Два дымка ушли южнее. Наверное, ушли, потому что уже давно скрылись из виду. Это "Пижма", под охраной норвежского эсминца, повезла ценные научные кадры в Мурманск, где их будет ждать поезд до Москвы или Нижнего Новгорода. М-да..., никак не привыкну к новому названию. Какому болвану пришло в голову назвать город Горьким? Или название под качество жизни подгоняли?

Правда, не стоит критиковать других. Сам пенёк пеньком, только мхом не оброс. Что делать — непонятно. Куда плыть — неизвестно. До Северного Полюса проще на лыжах дойти, чем протаскивать в редких полыньях нашу посудину. Другой вопрос — а что нам делать на макушке Земли? Установить очередной рекорд, а потом героически дожидаться спасения? Для чего? Ради славы и престижа страны? Думаю, не велика слава — утопить корабль, предварительно заморозив его во льдах. Конечно, это неплохой рекламный ход для продвижения имиджа советского народа, как самого мужественного и решительного. Не ждущего милостей от природы. Для толпы. Более умный человек задумается, а нахрена же было посылать "Челюскин" в такую пору? Да, козёл отпущения уже найден. Даже целое стадо. Но мне-то от этого легче не стало.

Вот уж, в прямом смысле, болтаемся между небом и землёй. Куда дальше? Распоряжение вышестоящего начальства никто не отменял. Плюнуть на всё, как предлагает Израил, и полностью включиться в местную жизнь? Принять предложенные Сталиным должности, мундиры, кабинеты с видом на Кремль? Кстати, Лаврентий Павлович уже не один десяток лет на здание английского посольства облизывается.

Тоже вариант. Один из многих. Жалко, что посреди моря нельзя поставить камень с надписями. Сесть бы сейчас на коня, почесать макушку под харалужным шлемом, и, как в старые времена, долбануть палицей по мудрым рекомендациям. Да чтобы осколки брызнули. Но нельзя, дисциплина-с. Мать её....

Вопрос времён и народов. Пойти в никуда, с сомнительной целью. Или вернуться в Мурманск, как настоятельно рекомендовал Иосиф Виссарионович, ссылаясь на катастрофическую нехватку квалифицированных кадров? Этическая проблема вмешательства с чужой мир, меня не слишком беспокоит, что бы там не наговаривал напарник. И не такое видеть приходилось. Но ведь припадает же, злыдень усатый, по полной

программе. Тут мы кто? Самые главные начальники. Хочешь на мостике ценные указания раздавай, а лениво — так из каюты можно сутками не вылезать. Слова никто не скажет. А там работать придётся. Вы видели работающего архангела? Вот, и я не видел. Даже в зеркале.

Увлёкшись душевными терзаниями и мыслями о тяжкой нашей доле, я все же почувствовал чужое присутствие. Берия неслышно подошёл и встал в метре от меня, облокотясь на леер.

— Тяжкие раздумья, Гавриил Родионович? — Усмехнулся Лаврентий. — Прямо как у диссидента перед супружеским ложем.

— Это как?

— Ну, как сказать? Лечь в постель, подозревая собственную жену в работе на КГБ, и, тем самым доказать своё превосходство над коммунистическим режимом. Или пойти на кухню, и переписывать от руки журнал "Посев", отомстив тирании снижением рождаемости.

— А третий вариант?

— Для нас или для него?

— Нет, для Карла Маркса! — Я повысил голос.

— А разве у нас они раньше были? — Ничуть не обиделся Берия.

— Ты думаешь...?

— Мы же русские люди, Гавриил Родионович.

— Не люди, Лаврентий.

— Ну и что? От этого что-то меняется?

— Значит...?

— Изяслав Родионович тоже согласен. Даже шампанское приготовил. Вот, слышишь? Пробка хлопнула.

Комбриг Раевский сам появился на палубе, но без бутылки. Он быстрым шагом шёл нам навстречу, причём выражение лица представляло некоторую растерянность и недоумение.

— Товарищи, у нас ЧП.

— Что такое?

— Боцман застрелил Белецкого. Только что. На дуэли.

Глава 15

*И пускай перед злыми химерами
Мир забылся в тупом полусне...
Я люблю, исповедаю, верую
Не за страх, а за боль, что во мне.*

*Ты прости меня, Господи праведный,
Что на свете живу сгоряча.
Просто рвётся душа моя на люди,
Под тяжёлый топор палача.
Сергей Трофимов*

Москва Военная Академия им. М.В.Фрунзе

— Итак, товарищи курсанты, думаю, ни у кого не возникает вопросов по необходимости создания механизированных корпусов, способных решать стратегические задачи в современной войне. — Борис Михайлович Шапошников внимательно обвёл взглядом аудиторию. — Мне кажутся необходимыми следующие основные условия, которые позволят перейти к операциям тех масштабов, о которых здесь много говорилось.

Во-первых, общее превосходство сил, и прежде всего — превосходство в танках, авиации и артиллерии, смелое сосредоточение подавляющего превосходства на решающем направлении. Во-вторых, хорошая подготовка и оснащение войск для прорыва укреплённых

районов. Далее — правильная организация мотомеханизированных корпусов, в которых танки являются главным родом войск, имеется своя сильная артиллерия, пехота для обеспечения прорыва, когда нужно — и манёвра, сильные сапёрные и зенитные части.

Требуются такие корпуса, которые способны вести общевойсковой бой и выполнять самостоятельные оперативные задачи при мощной поддержке авиации. Местность в полосе наступления и местность в районе сосредоточения должна быть доступна для действий и передвижений крупных танковых соединений. Начальный этап современной операции, как правило, потребует огромного прорыва укрепленной полосы пехотой при мощной поддержке артиллерии, танков и авиации. В этом прорыве пехота — основной род войск. Для развития оперативного успеха и вхождения в прорыв механизированного корпуса фронт прорыва ударной армии должен быть не менее 20–25 км. Этот фронт нужно стремиться возможно быстрее расширить наступлением соседних армий, а также действиями самой ударной армии. Для развития оперативного успеха, общий фронт прорыва на направлении главного ударного фронта группой армий должен быть не менее, чем 80 — 100 км.

Я лично считаю, что если война идет с сильными великими армиями, то фронтового прорыва в одном направлении для разгрома или для нанесения серьезного стратегического поражения армии крупного противника будет недостаточно. Я полагаю, что фронт прорыва порядка 80 — 100 км допускает вхождение в глубину прорыва 2–3 мотомехкорпусов, подчиненных армейскому и фронтовому командованию. Такое развитие прорыва может привести к разгрому крупных группировок противника.

— Извините, товарищ Шапошников, — поднял руку курсант с петлицами комбрига, — сколько же танков, Вы считаете, нужно пускать в прорыв?

— Хороший вопрос для кавалериста, товарищ Рыбалко. — Улыбнулся Борис Михайлович. — Не хотите ли после окончания Академии пересечь на броню?

— Я бы с удовольствием, но разве возможно?

— Думаю, стоит написать рапорт Семёну Михайловичу Будённому. Постараюсь убедить. Теперь вернёмся к Вашему вопросу, Павел Семёнович. Нормы танковой насыщенности считаю: не менее одного батальона тяжелых танков на стрелковый полк и не менее одного батальона легких танков при прорыве укрепленной полосы. На армию в составе шести-семи дивизий, при построении в один эшелон, необходимо порядка семисотпятидесяти — восьмисот танков, или три танковых бригады. Нормы тактической плотности зависят от количества и системы ДЗОТ и препятствий у полосы наступления. Конечно, это зависит также и от детальной артиллерийской подготовки, от наличия авиационных бригад, от взаимодействия с ними танковых бригад. Плотность колеблется в пределах 60–70 орудий. Я рассчитываю желательную плотность. И по моим расчетам получается, что, несмотря на наличие танков и авиации, плотность артиллерии не должна отходить от норм плотности артиллерии в мировую войну. Считаю необходимой среднюю плотность, равную 80 — 100 орудия на один километр, даже при наличии танков при прорыве. И это не предел.

Протяжно заскрипела дверь аудитории, перебивая докладчика, и Борис Михайлович машинально потянулся к отсутствующей кобуре. Привычка, выработанная ещё в феврале семнадцатого года, давала о себе знать. Вошедший дежурный опасливо, но с пониманием проследил за рукой начальника, и отдал честь.

— Извините, товарищ командарм, Вас срочно к телефону.

— Хорошо. Передайте, что сейчас подойду. — Шапошников кивком головы отпустил дежурного.

Курсанты оживлённо завозились на своих местах, предвкушая окончание лекции и скорый перерыв. Но начальник академии негромко постучал карандашом по графину, привлекая внимание, и продолжил.

— А вот на примере этого телефонного звонка, мы с вами рассмотрим необходимость более широкого внедрения средств связи в войсках. Допустим, я сейчас уйду, оставив вас без командования. Что в этом случае вам следует предпринять? Теоретически — выполнять

поставленную задачу, продолжая занятия. А практически? Не смотря на высокие звания и занимаемые должности, обязательно будете валять дурака, что, несомненно, приведёт к полному разгрому на экзаменах.

— Товарищ командарм, возмущённо загудели в аудитории, — да мы....

— Будете возражать? Или скажете, что это я пускаю самолётики, сделанные из ваших же конспектов? Могу понять и простить, если в отсутствие преподавателя, вместо повторения материала, говорят о высоком. Да пусть даже о женщинах и водке, в конце-то концов. Но рогатки? Ладно, забудем.... Мы хотели поговорить о связи. Курсант Баграмян! Сидите, и прекратите улыбаться. Я говорю о радиосвязи. При её отсутствии или ненадёжности, вверенные вам войска, так же как их командиры в данный момент, будут делать всё что угодно, кроме того, что нужно. Поэтому попрошу выполнить контрольную работу — размещение радиостанции в танке БТ-7. Требуемые параметры, характеристики, габариты, расположение и прочее. Все предложения сдать в письменном виде товарищу Рыбалко, который остаётся за старшего.

Голос Ворошилова в телефонной трубке выдавал некоторую растерянность Главкома.

— Борис Михайлович, совет нужен. Ты долго ещё на рабочем месте будешь?

Шапошников молча поморщился. Никак не мог привыкнуть к панибратской манере общения красных командиров. Ладно, ещё за столом, да разговор под водочку. Но на службе.... Конечно, и у самого не князя с баронами в родне, но пролетарское происхождение не отменяет элементарную вежливость.

— Что случилось, Климент Ефремович?

— Пришла новая телеграмма от товарища Сталина. Понимаешь, по телефону не могу всего рассказать. Отправил к тебе посыльного с пакетом. Будь добр, дожись. А вечером и мы с Будённым подойдём. Плохо, что Каменева нет. Он уже, наверное, к Нижнему подъезжает. Как не вовремя свою инспекцию затеял.

— А чья это идея была?

— Но я же не думал, что Коба такое учудит. Ой..., сам прочитаешь.

Фельдъегерь не заставил себя долго ждать. Буквально через несколько минут после того, как Шапошников положил трубку, доложили о его прибытии. Командарм расписался в получении, и правительственный курьер вручил ему тонкий серый пакет, видимо для солидности украшенный пятью сургучными печатями.

Борис Михайлович внимательно прочитал взволновавший Ворошилова документ и громко расхохотался. Сбитый с толку необычными звуками, в дверь заглянул обеспокоенный секретарь.

— Всё в порядке, не обращайтесь внимания, — успокоил его начальник академии. — Репетирую роль для народного театра.

И усмехнулся уже про себя. Что театр? Тут сам товарищ Сталин цирк устраивает. Надо же до такого додуматься.

"Срочно разработать и ввести в Устав РККА и РККФ положение о дуэлях. О исполнении доложить в недельный срок на "Челюскин" комбригу Архангельскому Г.Р." Дата. Подпись.

Да и это бы ничего. Вторая подпись смотрелась ещё лучше — "Благословляю. И.О. патриарха Вся Руси ротмистр Акифьев"

Отсмеявшись, Шапошников аккуратно положил телеграмму в пакет и, звякнув ключами, запер в сейф. На глаза попала коробка папирос, и рука сама потянулась, хотя уже год, как по настоянию врачей пришлось бросить. Спичечный коробок, на этикетке которого советский крестьянин убивал ржаным снопом Чемберлена, завалялся в ящике стола. Вот уже пальцы сами, на рефlekсах, разминают папиросу. Чуть размять её, дунуть в мундштук и обязательно выбить табачные крошки, постучав о ноготь большого пальца. Первая затяжка, после долгого перерыва, дурманит и кружит голову. Дым сизыми слоями перекатывается под светом настольной лампы. И на его фоне вырисовываются перспективы.

И где это Иосиф Виссарионович золотопогонного попа в море нашёл? И не знак ли это? Может быть, заранее проработать возможность возвращения полковых священников? Тогда другой вопрос — где их готовить? Может ввести военные кафедры в духовной семинарии? Нет, это вряд ли. А может, на самом деле, привлечь к службе бывших офицеров? Тогда можно предложить переговоры с эмиграцией.

От крамольного предположения Борис Михайлович зябко передёрнул плечами и перекрестился. Мысли сразу же перескочили на другой вопрос. Дуэли.... Как их там недавно назвал племянник? Кажется — внесудебные урегулирования личных вопросов? Романтик. Кстати, не забыть бы, накрутить ему хвост при случае. А то, по-старому, считай, штабс-капитан, ротой командует, а всё Витёк и Витёк. Несolidно, право слово, господи.

Тьфу, опять старое на ум приходит. А всё племянник. Но что-то разумное в его словах есть. Вот, только, может не внесудебное, а в качестве последней инстанции? Когда ради правды стоит рискнуть жизнью? Ещё ради чего? Честь? А про неё кто сейчас помнит? Вспомнят. Только в случае не санкционированных дуэлей — обязательно проводить тщательное расследование, во избежание множества поединков по мелочам.

Шапошников погасил папиросу в кадке с фикусом и открыл блокнот. Первое и главное — драться до смертельного исхода или тяжёлого ранения одного из участников, что исключит договорные поединки, когда для сохранения репутации стреляли в воздух, или старались слегка поцарапать противника. Второе — только стреляться, на пистолетах или винтовках. Это заставит всех значительно улучшить качество стрелковой подготовки в войсках. Третье — попытаться совместить сатисфакции с обучением личного состава. Например, проводить их в лесу, или на стройках, отрабатывая противодиверсионный поиск и бой в городских условиях.

Житие от Израила

Третьи сутки борюсь с желанием собственноручно удавить нашего дуэлянта. Гиви не разрешает. Говорит, что и без этого проблем хватит выше крыши. Вот тут он совершенно прав, не смотря на то, что начальник. Какие планы порушились! Вот только с превеликим трудом, и помощью Лаврентия Павловича, удалось уговорить Гаврилу принять предложение товарища Сталина и повернуть в Мурманск, как всё полетело псу под хвост. Чего только стоили многочасовые переговоры с Иосифом Виссарионовичем, которого уговаривали внести изменения в некоторые законы. Чёрта с два бы уговорили, так и упирался, пока не узнал истинные причины случившегося поединка.

Прибил бы гада морского. Но комбриг Архангельский приказал взять на себя защиту виновника. В принципе он прав. Иначе так засужу, что мало не покажется. Это же надо додуматься, утащить у меня из под носа маршальские звёзды! Ну, почти маршальские.... И почти мои. Пусть так, согласен и на командарма. А теперь?

— Сан Саныч, просыпайся, — Воронин колотил в дверь боцманской каюты. — Вставай, чёрт усатый.

— Дрыхнет, наверное, — предположил я. — Меня бы кто запер на недельку.

— Сейчас разбудим, — мощные пинки сотрясли переборку.

Звякнул замок, и Заморский появился на пороге своего комфортабельного узилища. А где его ещё держать под арестом? Конечно, сам он прозрачно намекал на продуктовый склад, мотивируя тем, что в порядочной тюрьме должно быть холодно. Но, памятуя капитанский опыт отсидки, в просьбе было отказано.

— Что, Владимир Иванович, моя судьба решилась? — Поинтересовался мрачно.

— Устал сидеть? — Посочувствовал капитан. — Не торопись. Пошли, сейчас тебя судить будут.

— А кто?

— Советский суд. Вот товарищ Раевский, — Воронин показал на меня, — согласился быть твоим адвокатом. Товарищ Берия — государственный обвинитель. А комбриг

Архангельский представляет интересы Белецкого.

— Пойдите, Иваныч, — боцман остановился посреди коридора, — зачем Белецкому представитель? Он же..., того?

— Неважно, — сурово отрезал капитан, — это его проблемы. И что значит того? Такого приказа никто не отдавал. Ладно, иди, разберёшься.

Заморский только тяжело вздохнул в ответ. Потом заложил руки за спину, и молчал до самой кают-компания.

— Встать, суд идёт! — Торжественно провозгласил исполняющий обязанности секретаря Отто Юльевич Шмидт и важно погладил бороду.

Вообще-то он претендовал на председательское место в суде, но отменное владение стенографией не оставило шансов начальнику экспедиции. Приходилось компенсировать недостаточную важность роли строгим соблюдением предписанного протокола. Жалко, что заседание закрытое, и, кроме самого Шмидта и боцмана на табуретке подсудимых, встать было некому.

Мы вошли в строгой тишине, нарушаемой только недовольным сопением Лаврентия Павловича, который косился на мои награды. Завидует, наверное. У самого только скромные "Красные Знамена", боевое и трудовое. Всё правильно, остальное в будущем. А недоразумения Грузии, Армении и Азербайджана носить стыдится.

Или что-то не так? Я опустил взгляд. Нет, всё нормально, ордена в соответствующем порядке. Не нравится, что "Красного Знамени нет"? Где бы его взять? Четвёртую степень Георгия я ещё за турецкую войну получил — для советских наград рановато ещё. Третью — за Крым. И ордена Красной Звезды тогда не было. Вместо него дали вторую степень с шейным крестом и звездой на грудь? Может ему крест не нравится? То-то мне показалось, что товарищ Берия — тайный еврей. Настолько тайный, что и сам не знает об этом. Но на подсознательном уровне....

И такой же хитрый. Мной недоволен, а Гавриилу слова не скажет поперёк. Даже когда он хотел надеть орденскую ленту через плечо. Я отговорил. Всех кавалеров первой степени наперечёт знают, а он же в то время под другой фамилией был известен. Чуть было конфуз не вышел. Так и пошёл только с Андреем Первозванным, сияя парадной цепью, как новогодняя ёлка. Отто Юльевич, как человек понимающий толк в наградах, удивлённо вскинул брови. А чего? Товарищ Сталин дал молчаливое согласие на ношение отцом Алексием боевых орденов. Значит, и нам можно.

Боцман Заморский на своей табуретке окончательно сник. Вот они, сатрапы, явили миру свой истинный облик. Попьют сейчас пролетарской кровушки. Сейчас Сан Саныч ощутил себя истинным, природным пролетарием, хотя ещё несколько дней назад за такое предположение мог и в ухо дать.

"Стенограмма судебного заседания. Баренцево море "Челюскин" 3 октября 1933 г.

Председатель суда — тов. Воронин В.И.

Государственный обвинитель — комбриг тов. Берия Л.П.

Адвокаты — комбриг тов. Архангельский Г.Р. и комбриг тов. Раевский И.Р.

Секретарь суда — академик тов. Шмидт О.Ю.

...Воронин: — Так когда это произошло, Александр Александрович?

Заморский: — Да сразу после проводов товарища Сталина. Мы с Эрнстом Теодоровичем немного....

Раевский: — Протестую.

В: — Против чего?

Р: — Некорректный вопрос. Скажите, Заморский, вы с товарищем Кренкелем слегка откушали?

З: — Так я про это и говорю.

Р: — Требую внести в протокол — происшествие случилось сразу после

обеда.

Архангельский: — Не возражаю.

В: — Принято. А что в это время делал Белецкий?

А: — Эта свинья....

Берия: — протестую. Товарищ Архангельский не может давать отрицательные характеристики своему подзащитному.

В: — Протест отклонён. Подзащитный писал доносы на товарища Архангельского.

Р: — Не возражаю.

Б: — Вопрос подсудимому.

Р: — Протестую. Все вопросы обвинения только через адвоката.

В: — Принято. Вопрос к защите. Почему Вы утверждаете, что Александр Александрович Заморский невиновен?

Раевский: — Я это знаю.

Берия: — Протестую. Мы все это знаем.

Воронин: — Что знаем?

Берия: — Всё знаем. Но это к делу не относится.

Архангельский: — Протестую, ещё как относится. Белецкий нанёс удар моей собаке своей нижней конечностью, предположительно ногой.

Воронин: — А причём тут наше судебное разбирательство?

Архангельский, Раевский, Берия: (одновременно) — Да за нашего Такса....
(Далее следует переводимая, но не печатная игра слов)

Заморский: (покраснев) — Нет, я так не могу.

Воронин: — Подсудимый, Вам слово не давали.

Заморский: — А ещё Белецкий собаку назвал фашистским прихвостнем.

Архангельский: — Протестую.

Воронин: — Против чего?

Архангельский: — Против выражений, оскорбляющих Иосифа Виссарионовича Сталина.

Берия: — Не возражаю.

Воронин: — Протест принят. Только поясните, причём тут товарищ Сталин?

Раевский: — Протестую, товарищ Сталин всегда причём.

Воронин: — Протест принят. Но всё же?

Архангельский: — Мы все помним, как хорошо относился Иосиф Виссарионович к Таксу. И если собака — прихвостень, то кого Белецкий назвал фашистом?

Заморский: — Я это сразу понял. И в ухо.

Воронин: — Вопрос к защите — почему подсудимый, защищая честь и достоинство Генерального секретаря, сразу не заявил об этом?

Раевский: — Протестую. Скромность — отличительная черта советского человека.

Воронин: — Протест принят.

Берия: — Вопрос к защите. Кто первый предложил дуэль?

Раевский: — Протестую. Мы разбираем дело о антисоветских высказываниях бывшего парторга Белецкого.

Берия: — Разве?

Воронин: — Лаврентий Павлович, Вы сомневаетесь в справедливости советского суда?

Заморский: — Так я свободен?

Воронин: — Свидетель, Вам слово не давали.

Раевский: — Свидетель?

Заморский: — Прошу занести слова председателя суда в протокол.

Архангельский: — Не возражаю.

Заморский: — Мне можно пересесть?

Воронин: — Да сиди где хочешь. Суд удаляется на совещание.

Архангельский: — Протестую.

Раевский: — Не возражаю.

Берия: — Против чего?

Архангельский: — Пусть свидетель выйдет. Мне и тут хорошо.

Воронин: — Протест принят. Свидетель, покиньте зал заседаний.

Заморский: — Совсем?

Воронин: — Вас вызовут.

Шмидт: — Протестую.

Воронин: — Против чего?

Шмидт: — Я за ним бегать не буду.

Воронин: — Протест принят. Суд не удаляется на совещание. Прошу государственного обвинителя зачитать приговор.

Берия: — Ещё совсем недавно во главе партийной организации "Челюскина" стоял, ныне разоблачённый враг народа, троцкист Белецкий. Тонко маскируясь и двурушничая, он творил свои гнусные преступные дела и всевозможными мероприятиями срывал научную работу экспедиции. Партия и правительство опускают миллионы советских денег на содействие расцвету науки в стране, а пробравшийся на этот участок работы классовый враг, клевета на преданных делу социализма товарищей, систематически вредил научному строительству.

Внимательно рассмотрев дело, суд постановил — признать Белецкого, Михаила Израилевича, виновным по статье 58, часть 9 и часть 10. В силу открывшихся обстоятельств, признать правомерным досудебный поединок, предусмотренный "Дополнением к Уставу РККА и РККФ от 2 октября 1933 г.". Дело в отношении Заморского, Александра Александровича, закрыть, за отсутствием в его действиях состава преступления. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит"

Глава 16

*А бабка всё плачет,
Что плохо живёт.
Какой неудачный
Попался народ.
Отсталая бабка привыкла к узде.
Ты ей о свободе — она о еде.
Тимур Шаов*

Горький. Ромодановский вокзал

Влажный ветер, набирая разгон над Окой, захватывал клочки низких туч и бросал их мелкими брызгами на суетящуюся вокзальную кутерьму. Пассажиры подошедшего поезда нехотя покидали тёплые вагоны и ныряли в непогоду. Начальник патруля, охраняющего выход с перрона, зябко поёжился и прикурил чуть отсыревшую папиросу. Едкий дым дешёвого табака выбил слезу, но опытный взгляд сразу вычислил в толпе подозрительную личность. В ватнике, без шапки, с ёжиком коротко стриженных волос.

— Стоять, гражданин. Документики попрошу.

Седой человек, лет сорока на вид, в затёртой телогрейке с заметными прямоугольниками от споротых нашивок, привычно вздрогнул и оглянулся, потирая давно не бритую щёку тыльной стороной ладони. Устало вздохнул и бросил негромко:

— И тут гражданин. Мать....

— Пошевеливайся, — нетерпеливо поторопил патрульный.

Человек в телогрейке сбросил с плеча, прямо на грязный мокрый асфальт, мешавший тощий сидор и потянулся в грудной карман. ВОХРовец внимательно наблюдал, предусмотрительно задержав руку у кобуры. Кто знает, что на уме у бывшего зека? А может и не бывший? Вдруг это сбежавший из лагеря троцкист? Вот выпачтит сейчас из-за пазухи маузер, и устроит теракт на вверенном под охрану объекте. Хотя нет, троцкисты предпочитают парабеллум. А этот — типичный кулак. От него можно ожидать чего угодно.

Обрез, или ржавые вилы в брюхо. От дурного предчувствия нестерпимо зачесался бок в районе печени.

Тревога оказалась напрасной. Городу и миру явился конверт, толщина которого не подразумевала заложенной бомбы. Командир выхватил его из рук седого, и, прищуривая глаз из-за папиросного дыма, достал документы.

— Так, что у нас тут? Ага, справка об освобождении. Беляков Александр Фёдорович, девяностого года рождения. Что, на свободу с чистой совестью? Из социально близких?

— Нет, раскулаченный.

— Вот как? — Оживился патрульный. — И что тогда тебя сюда занесло?

— Сам смотри, там написано.

— Ты как с командиром ОГПУ разговариваешь? Обратно на нары захотел? Я могу устроить.

— Сам не сядь, — посоветовал Беляков, — командир нашёлся. На место товарища Блюхера метишь?

— Как это? — Опешил начальник патруля.

— Войсками ОГПУ сейчас кто командует?

— Ты меня не понял. — И уже гораздо миролюбивее. — А это что? Ну, так другое дело! Что же раньше не сказал, что освобождён в связи отсутствием состава преступления? Куда сейчас?

Беляков хмыкнул, забирая конверт с документами, и вскинул на плечо многострадальный сидор.

— Домой, куда же ещё. Да мне тут рядом, до Подновья.

— Так что же ты стоишь, с нами лясы точишь? Сейчас до Парижа (затон им. Парижской коммуны) фильяничик отходит.

— Нет уж, спасибо. Я пешком.

— Как знаешь, — патрульные козырнули, и потеряли интерес к проверенному гражданину.

А он вышел за ограду и с удовольствием вдохнул сырой воздух. Воняло мазутом и копотью от оставшегося за спиной вокзала. А встречный ветер наносил едва уловимый запах зерна с Башкировских мельниц. Александр Фёдорович поправил мешок за плечами и неторопливо пошёл, оглядываясь по сторонам. А Предтеченская слобода за три года и не изменилась совсем. Хотя, что ей будет. И через сто лет, среди гладких булыжников мостовой, так же будут плескаться под ногами лужи, в которых отражаются облупленные фасады когда-то богатых купеческих домов. О, вот и перемены. Оказывается, успели построить через реку новый каменный мост. Беляков прошёл под ним, оценивая прочность кладки. Хорошо! А за Окой..., мать, за Окой исчезли золочёные стрелы собора Александра Невского. Рука, поднятая было перекреститься, упала вниз. И когда успели, сволочи?

Окская набережная сразу за мостом стала волжской. И здесь мало что изменилось. Только знакомый силуэт нагорной части города, сливающийся с низким небом, напоминал улыбку деревенского батюшки после престольного праздника. То тут, то там в рядах домов светились прорехи, из которых торчали фундаменты не до конца взорванных церквей. Не слишком верующий, так, иногда зайти к службе по привычке, Александр Фёдорович сокрушённо покачал головой. Жалко, красиво же было.

А пивнушку, что сразу за зданием биржи, не тронули. Да, сейчас бы кружечку холодненького.... И чтобы пена через край. Дунуть на неё, отгоняя белую шапку, и сделать первый, самый вкусный глоток. Причмокнуть губами, оценивая лёгкие оттенки горечи, и потом залпом, не отрываясь и не переводя дыхание. Вот тогда уже можно вздохнуть, вытереть усы, прислушиваясь к ощущению тепла в желудке, и закурить. Мир сразу станет тёплым и добрым, выглянет солнце, сам собой пройдёт хронический рудничный кашель. Даже перестанет беспокоить пуля у сердца, которую получил зимой восемнадцатого года от литовских дезертиров.

Бывший зек мысленно пересчитал деньги, надёжно зашитые за подкладку ватника.

Триста рублей, их них две с половиной сотни были выручены за уворованный у лагерного кума костюм. Оно, конечно, стыдно на пятом десятке, но дома пятеро сыновей. Когда забирали, младшему только год исполнился. Так что, пиво подождёт лучших времён.

Но жалко-то как! Помнится, когда на войну забирали, пристань речного трамвайчика была как раз напротив "Северной Баварии". Ух, и гульнули напоследок! Проснулся только в Гороховецких лагерях, остриженный, помытый в бане и обмундированный. А вы говорите, путешествий в будущее не бывает. А как через двое суток перескочил?

Улыбнувшись воспоминаниям, Беляков ускорил шаг. "Красные казармы", когда-то дававшие приют нижегородской жандармерии. Тут и в мирное довоенное время старались проходить быстрее, старательно не замечая часовых у входа и редкие экипажи с зашторенными окошками, иногда выезжающие из массивных ворот.

Разбитая дорога вела дальше, мимо Кремля, почти спустившегося к воде с высокой кручи, по берегу Волги, в сторону Печёрского монастыря. Фигу им, а не крестное знамение. Было дело, и с монахами по молодости на гулянках схватываться приходилось. Ох, и здоровы лоси. И не пробьёшь зараз. Упитанный живот, свисая, самое болючее место надёжно закрывает. Но мы, чай волгари, против весла поперёк брюха редкий из братии устоять мог.

Скоро показались знакомые с детства кресты Николы. Уцелела. Тут уж сам Бог велел перекреститься и поклониться. В этой церкви многие поколения Беляковых крестились, венчались, причащались по великим праздникам и, по окончании срока земного, тут же и отпевались. Может и внуки в ней же венчаться будут? Хотелось бы надеяться.

Ну, вот и почти пришёл. Скоро покажутся громадные вёглы на берегу заливчика, а сразу вправо от них и начинается улица.

— Санька, ты? — Окликнул прохожего дед, привязывающий на берегу длинную лодку. — Отпустили?

— Здорово, — поприветствовал Беляков соседа. — Оправдали вчистую. А ты чего, Мефодий Асафыч, в такую погоду на Волге делаешь?

— Огурцы семенные перевёз. С огородов, что на острове. — Старик откинул брезент. — Да пару дынек. Хочешь попробовать?

— Колхозный урожай?

— Сдурел? Стану я на таком верну, да под дождём, чужое добро тягать. Свои, единоличные. Так будешь дыню, или нет?

— Они то откуда? Нешто сам вырастил?

— Не..., давеча баржа на мель села. Помогал разгружать, вот и заработал маненько. Чай не обеднеют.

За разговорами Мефодий Асафыч ловко нарезал крупные ломти, закапав подстеленную газету, и вытащил из рукава необъятного дождевика заткнутую морковиной бутылку. Её мутное содержимое наводило на мысль о том, что не так уж плохо с продуктами в родной слободе. И о попустительстве местного участкового. Сосед пошарил рукой в носовом ящике, и не найдя стакана, развёл руками.

— Ты, Санька, извини, придётся из горлышка.

— Погоди, будет тебе стакан и закуска одновременно. — Александр Фёдорович выбрал из кучи огурец помельче и позеленее, разрезал пополам и, вырезав сердцевину, протянул стаканчик соседу.

— Разливай.

Первая прошла хорошо. Не помешали даже мерзкий вкус и сивушный запах картофельной самогонки, быстро сбитые ароматом сочной дыни.

— Как оно там, Фёдорыч? — Поинтересовался дед? — Туго пришлось?

Ответить не получилось. За спиной послышалось чавканье лошадиных копыт по грязи, скрип колёс и голоса. Беляков оглянулся и торопливо встал, прикрыв бутылку краешком мокрой газеты. Потом удивлённо закрутил головой, переводя взгляд с портрета на бумаге на подъезжающего военного с громадными усами. Каменев? Он здесь откуда? Вообще-то таким

чинам положено на автомобиле передвигаться. Разве что засели где-то в канаве. Недаром шинель чуть не по колено заляпана.

— Здравствуйте, товарищи, — Сергей Сергеевич соскочил с телеги и направился к пирующим. Сопровождающие начальники из вежливости или стыдливости остались на месте.

Надо же, товарищем назвал. Гражданин — оно последние годы как-то привычнее. Впрочем, ватник — обычная одежда советского крестьянина, и тут не определить кто есть кто.

— Доброго дня, товарищ нарком.

— Какой уж тут добрый, — проворчал Каменев. — Промок как собака. У вас всегда так сыро?

— Осень же.

— А, ну да.... Дороги кончаются вместе с летом. Ну, ничего, скоро и к вам доберётся цивилизация. Мост тут будем строить. Место уж больно удобное, как раз на два острова опоры встанут.

— Там же у нас огороды, — испугался Мефодий Асафович.

— И что там сеете, хлеб?

— Нет, товарищ Каменев, мы всё больше овощами промышляем. Про огурцы наши знаменитые слышали? — Ответил Александр Фёдорович. — А сейчас и не только их. Вот, попробовать не хотите?

Газета с портретом предательски открыла початую бутылку.

— А может, погреетесь, в такую-то погоду?

— Почему бы и нет? — Сергей Сергеевич оглянулся на свиту. — Товарищи, поезжайте в местный сельсовет, подождёте там. А мне потом дорогу покажут. Тут недалеко?

— Рядом, — ответил дед Асафыч и странно покосился на Белякова. — Метров двести будет.

Наркому вырезали персональный стаканчик и выжидающе посмотрели.

— Наливайте, выпьем за Родину, за Сталина.

Под такой тост пошло хорошо. Каменев закусил, и удивлённо спросил:

— Так у вас и дыни успевают поспеть?

— У нас всё успевает, — Беляков тайком пихнул соседа локтем, не давая ответить. — Только это сорт огурцов такой особый. Видите, полная лодка?

— Надо же, — покачал головой нарком, — а по вкусу и не скажешь. И много у вас таких?

— Да Вы что, овощ редкий, особого ухода требует. На колхозных огородах расти не хочет. Только вот мы двое и владеем секретом.

— Продайте.

— Чего, секрет?

— Огурцы дынные продайте. Они до Москвы сохранятся?

Александр Фёдорович в задумчивости поскрёб щетину на подбородке.

— Если только все вместе везти. Поодиночке сразу вкус теряют и портятся.

— Куда мне столько?

— Разве много? Двадцати пудов не будет. Так что, по рукам?

— Ладно, — махнул рукой Каменев. — Угощу потом Ворошилова с Будённым. Вот удивятся.

— Это точно, удивятся, — согласился Беляков. — За тыщу рублей всё отдам.

— Сколько? Дорого.

— Так и продукт редкий. В Москве такого не найдёте. Только у нас и только сегодня.

Нарком больше не стал спорить и достал из кармана толстый бумажник. Александр Фёдорович взял деньги, отделил две сотенных бумажки и протянул соседу.

— Твоя доля, Асафыч. Всё честно?

Сосед, получив за несколько минут полугодовую прибыль, довольно заулыбался.

— Обмыть бы покупочку полагается.

— Обойдётся, — окоротил деда Беляков, — тебе ещё груз караулить, пока телега не подойдёт. А я пока товарища наркома провожу до сельсовета.

— Иди-иди, — напутствовал в спину Мефодий Асафович, пряча бутылку с остатками самогонки. — Мимо нипочём не промахнёшься.

Нижегородский край Колхоз "Красный огородник"

День у председателя сельсовета не задался с утра. Что день? Можно сказать — вся жизнь не задалась. И дёрнул чёрт согласиться променять привычную должность главного комбедовца на сомнительный почёт и ежедневные хлопоты. Вернуть бы назад те весёлые времена. Работы почти нет, за отсутствием бедноты в зажиточной слободе. А всё же власть! Хорошо-то было как, хосподи. Развернёшь, бывало, кумачовый транспарант с лозунгом, растянешь потехинскую гармошку, сколько рук хватит, и айда мироедов раскулачивать. Которого на бутылку, а кого и на четверть.

Правда, самый зловредный кулак, Беляков, долго не раскулачивался. Два раза председателя комбеда с крыльца спускал, и один раз в пруд к лягушкам забросил. А сам как есть классовый враг, видит Бог, которого по приказу партии нет. Две коровы, десяток овец, лошадь с жеребёнком. В колхоз не пошёл, а на все уговоры отвечал коротко, но матерно. Но, нашлась и на него управа, когда новый дом построил. Где это видано, чтобы единоличник лучше колхозника жил?

А теперь в половине дома сельсовет. Надо бы, по уму, и вторую половину забрать, но участковый воспротивился. Пожалел, видишь ли, пятерых сынков кулацких. Ему что? Сидит себе в отделении, и горя не знает. А ему, потомственному сельскому пролетарию Петру Волкову, днями напролёт выслушивать из-за тонкой перегородки голос самого младшего Белякова, четырёхлетнего Федьки: — "Дядя Петя, отдай папу! Дядяпетяотдайпапу! Дядяпетяотдайпапу!" А голосище — хоть сейчас в церковь дьяконом отправляй, невзирая на возраст. Одно только спасение — на обеденный перерыв на часок пораньше убежать. Да с обеда вернуться на полтора попозже.

— Петька! — Окликнул председателя сосед, дымящий на своём крылечке трофейной трубкой, которую принёс с турецкого фронта вместе с деревянной ногой. Всякое уважение к чинам бывший фельдфебель утратил при штурме Эрзерума, вместе с ногой.

— Выспался, срань господня? У меня аж стёкла дрожали от твоего храпа. Ты эта..., Петюнчик, поторапливайся. Там в сельсовете сюприс большой дожидается.

— Чего дожидается, Натоллий Палыч? — Волков поправил начальственный картуз.

Зловредный инвалид заржал совсем как лошадь, и махнул рукой небрежно. Проваливай, мол, задница комбедовская.

— Ничо, ужо и на тебя управа найдётся. — Бормотал Волков, подходя к большому деревянному дому, на крыше которого развевался красный флаг.

Но попасть внутрь, привычно пихнув грязным сапогом тесовую дверь, не получилось. На перильцах сидел военный в шинели с опасными петлицами, который и загородил дорогу, ткнув в живот неизвестно откуда появившимся пистолетом. Представитель местной власти от неожиданности икнул и поднял руки вверх.

— Сдаёшься? Это хорошо, — одобрил ОГПУшник, сноровисто ощупывая председателя. — Ну и кто ты таков будешь, мил человек? Куда прешь? Тебе назначено?

— Так я..., это..., работаю тут.

— Да? — Охранник с сомнением оглядел посетителя с головы до ног. — Ну, проходи, работник.

Волков шагнул из сеней в тесную прихожую, где нос к носу столкнулся с малолетним террористом Федькой, который высунулся с печки. Из большой комнаты доносились громкие голоса.

— Дядя Петя, — гаркнул над ухом Беляков-младший, — а папа сказал, что надерёт

тебе задницу крапивой. А дядя Серёжа обещал мне большой пряник, а тебя урыть. Это очень больно будет? А дядя Андрей говорит, что тебя сгноит. Ты, правда, теперь тухлый будешь? К нам теперь не приходи такой вонючий.

Чтобы избавиться от дальнейших вопросов, председатель открыл дверь и вошёл в переднюю половину. Сразу за порогом ноги приросли к полу, никак не желая двигаться дальше. За столом, заставленным тарелками и многочисленными бутылками, изъятymi из вскрытого сейфа, сидел сам Беляков со стаканом в руке, и трое неизвестных начальственного вида. На скрип двери один из них, с бритой налысо головой, обернулся.

— О, Александр Фёдорович, к тебе уже гости.

— Это не гость, товарищ Конев. Это Советская власть пришла.

— Не понял, — командир Нижегородской дивизии задумчиво почесал гладкий затылок, — а товарищ Жданов тогда у нас кто?

— А я, Иван Степанович, не власть. Я — партийное руководство. — Ответил секретарь крайкома. — Может Сергей Сергеевич Советской властью будет?

— Да я как-то больше по военной линии, — наконец обернулся и последний из сидящих за столом начальников.

Боже ты мой, которого нет по приказу партии, да это же Каменев. Волкову где-то внутри стало очень неудобно и нехорошо.

— Так вот ты какой, северный олень, — нарком прищурил глаз и выставил указательный палец на манер пистолетика. — Тебя сразу к стенке поставить, или предоставить последнее слово?

— Виноват....

— Знаю. Давай, рассказывай, ты из старых троцкистов будешь, или из новых ягодиц?

— Да я вообще...

— И это знаю, — кивнул Сергей Сергеевич. — Слушай приказ — через три часа явиться к оперуполномоченному, с вещами, и самоарестоваться до утра. Выполнять.

Едва за бывшим председателем сельсовета захлопнулась дверь, как Конев проворчал:

— А я бы шлёпнул.

— Если каждого дурака расстреливать, Иван Степанович, то наше население больше чем втрое уменьшится, — пояснил Каменев. — Нельзя быть таким кровожадным.

— Разве кто говорил про расстрел? — Комдив постучал вилкой по краю стакана. — Я хотел выпить за нового председателя сельсовета.

— И председателя колхоза по совместительству, — уточнил Жданов. — Не спорь, Александр Фёдорыч, разве у тебя есть возможность отказаться?

Беляков пожал плечами и выпил. Потом оглядел стол в поисках подходящей закуски.

— Еленка! — Позвал он жену.

С кухни донёсся звон упавшей тарелки и недовольный женский голос:

— Опять, Саня, под руку говоришь.

— А ты опять спорить начинаешь? У нас огурцы солёные остались?

— Как же не остаться? Вот они, на полу лежат. Вам собрать, или так съедите?

— Суровая у тебя супруга, Фёдорыч, — посочувствовал Конев.

— Не-е-е, — усмехнулся Беляков. — Это она беспокоится, чтобы никто из вас ночевать не остался. Поймите правильно — три года мужа не видела.

— Да с чего ночевать-то? Выпили чуток всего.

— Так это пока. В гостях, да по служебной надобности, да трезвым остаться? Обижаете, начальники. Может, покурите пока, а я в погреб сбегаю? Тут рядом.

Хлебосольный хозяин убежал, взяв с вешалки первую попавшуюся шинель с ромбами на петлицах, а гости задымили наркомовскими сигарами.

— Ты извини, Сергей Сергеевич, — произнёс Жданов после некоторого раздумья, — я, конечно, поддержал твою идею с председательством, но всё равно не понимаю, для чего это нужно. Типичный же кулак. Ну, пусть не мироед, но психология землевладельца осталась. Есть в нём что-то буржуйское.

— В корень зришь, Андрей Александрович, — согласился Каменев. — Вот и будет крупным землевладельцем. Или ты думаешь, что город будет питаться рекордами орденоносца Григория Тризалупова, который к 17 съезду партии взял обязательство проводить вспашку на глубину не менее 80 сантиметров? Кстати, не забудьте посадить придурка за вредительство, за лето восемь тракторов загубил.

— Так, значит, политика партии в отношении колхозов меняется? — Уточнил секретарь крайкома.

— Опять? — Удивился Конев. Но быстро опомнился и сделал каменное лицо.

— Да, меняется, — подтвердил нарком, — но не сразу. Сначала проведём эксперимент здесь. Предполагается отменить план сдачи продукции государству, с заменой его арендной платой за землю и подоходным налогом. Посмотрим, посчитаем, прикинем. Вдруг и правда выгодно?

— Как, отходим от планового хозяйства?

— Я же сказал — эксперимент. Если будет приносить хорошую прибыль, то постепенно и планоно будем внедрять новые методы коммунистического хозяйствования и в других колхозах.

— Воровать же будут.

— Ну, не без этого. На Руси всегда воровали. Причём, зачастую заработать проще было. Так мы не немцы, чтобы во всём корысть искать. Должна же и маленькая отдушина быть. У меня вон Клим постоянно карандаши со стола таскает. И что теперь?

— Так почему именно здесь? В этом колхозе?

— А тут проще всего. Это же не зерновое или животноводческое производство. Огороды сложной техники не требуют. И громадный город под боком. Опять же, мост начнём строить. Рабочих будешь снабжать. Да ты не переживай, я ему всё сам объясню. И политику партии в том числе. Только проследи — чтоб никакая сволочь с указаниями не совалась, понял?

— А справится?

— Фёдорыч? Обижаешь. Потомственный огуречник в двенадцатом поколении. Его предки капусту стали выращивать раньше императора Диоклетиана.

— Так он что, монархист? — Удивился Жданов.

— Нет, сталинист. Ты бы видел, как он мне целую лодку семенных огурцов продал. Честное слово, даже денег не жалко было.

— А что хоть за огурцы? — Поинтересовался Конев.

— Обычные. Завтра пришлешь кого-нибудь, пусть на дивизионную конюшню заберут. Только мне пару штук оставьте. Ворошилову с Будённым подарю.

Глава 17

*Что терять нам, окромя пота да соли?
Русь, вставай! Мы выходим из мрака.
Страшный суд нам милей нищеты и неволи.
Выводи нас на драку, собака.
Юрий Шевчук*

"Для служебного пользования.

... п.3 В связи с открывшимися недавно обстоятельствами, рекомендую — как можно быстрее провести расформирование ИноОтдела ОГПУ и передачу дел в созданную Службу Внешней Разведки.

И.Сталин"

"Срочно Секретно.

В результате секретных переговоров между Эстонией и Финляндией, достигнуто соглашение о совместном строительстве береговых артиллерийских батарей на острове Макилуото (о. Мак Элиот), находящимся близ полуострова Порккала, напротив береговых укреплений Таллина. Ширина залива в этом месте составляет тридцать шесть километров, что позволяет батареям крупного калибра запереть выход для Балтийского флота.

Достигнуто соглашение по совместному управлению огнём, для чего по дну Финского залива проложен секретный бронированный кабель. (схема прослушивания и шифровальные таблицы прилагаются) В обстановке строгой секретности, корабли эстонского флота, с разрешения Генштаба Финляндии, отрабатывали в проливах и устьях между островами десантные операции и ночные торпедные атаки.

Начальник СВР полковник Л.П.Берия-младший"

"Правда. 9 октября 1933 года

Указ Президиума Верховного Совета СССР.

В связи с окончательной победой Советской власти и будущим построением бесклассового общества — переименовать вооруженные силы Советского Союза. Рабоче-крестьянскую Красную Армию в Советскую Армию. Далее — СА.

Рабоче-крестьянский Красный Флот — в Военно-Морской Флот. Далее — ВМФ.

Отменить ныне действующие группы и категории должностей военнослужащих.

Ввести в СА и ВМФ персональные воинские звания.

Возродить в СА и ВМФ офицерские звания.

Ввести в армии и на флоте генеральские и адмиральские звания соответственно....

.....

Народному комиссариату обороны в недельный срок предоставить образцы знаков различия, в соответствии с историческими традициями.

Разрешить ношение боевых наград, полученных до октября 1917 года, за исключением иностранных. Размещение орденов и медалей производить согласно статуту, соблюдая старшинство советских наград.

Председатель ВС СССР, Главнокомандующий К.Е.Ворошилов"

"Срочно. Секретно.

Запретить в войсках использование самодельных погон. За исключением Туркестанского Военного Округа, где появление офицера на улице помогает выявлению затаившихся басмачей.

Нарком обороны генерал-лейтенант С.С.Каменев"

"Срочно. Особой важности.

В соответствии с распоряжением ЦК ВКП(б) должность военного комиссара упраздняется. Рекомендовано — согласно новому штатному расписанию, заместитель командира по политической части имеет звание на одну ступень ниже.

Секретарь ЦК М.И.Калинин"

"Заявление ТАСС. Вчера эстонский посол в СССР М.Мяги вручил Советскому правительству ноту протеста, в связи с совершённой три недели назад бомбардировкой Таллина неизвестным самолётом."

"Срочно. Секретно.

Представить списки заключённых, добровольно решивших вступить в состав ударно-штурмовых штрафных батальонов. Создать тренировочные лагеря в районе Карельского перешейка и озера Имандра. Обеспечить вооружение согласно штатного расписания.

Командующий войсками ОГПУ генерал-лейтенант В.К.Блюхер"

"...Заместителю генерального прокурора СССР тов. Лещенко поставить на вид и заявить о недопустимости содержания подследственных в зоопарке, ссылаясь на нехватку мест в следственных изоляторах.

В.М.Молотов"

"Внимание, розыск.

За совершение тяжких преступлений, шпионаж и измену Родине разыскивается Бокий Глеб Иванович, 1878 года рождения. Особые приметы: — телосложение тонкое, личо худощавое, грудь впалая. Общее впечатление — сволочь-сволочью..."

Советско-эстонская граница. Гдовский погранотряд.

— Товарищ майор, капитан...э-э-эм...лейтенант Максимушкин представляется по поводу назначения на должность!

Начальник погранотряда встал, пожал руку новому подчинённому и повернулся к своему столу, за которым остался сидеть прежний собеседник.

— Знакомьтесь, товарищ Сагалевиц, именно на этой заставе и планируется наше мероприятие.

Человек в гражданской форме с любопытством посмотрел на Максимушкина.

— Вы, таки, моряк?

— Никак нет, лётчик-бомбардировщик.

— С морским званием?

— Извините, это я по привычке. Разжалован.

— Да? — Стало интересно Сагалевицу. — И за что, позвольте полюбопытствовать?

Бывший лётчик покраснел, а потом, смущённо теребя ремень портупеи, признался:

— Заблудился в тумане на учениях. Отбомбился над морем. Вернее — это я думал, что над морем.... Но потерь среди экипажа не допустил.

— Похвально, — оценил майор Кузьмин. — Надеюсь, что и на вверенной заставе Вы будете так же заботиться о личном составе.

— Так точно! — Козырнул лейтенант. — Только я не знаю с чего начинать.

— А давайте я сам покажу заставу? — Предложил майор. — Мы всё равно собирались туда поехать. Почему бы не сегодня?

Сержант привычно расправил складки гимнастёрки и постучал в дверь кабинета. Ничего хорошего от визита к командиру он не ожидал. А тут ещё московский гость, с которым все носятся как с оригиналом Калевалы с автографами главных героев на полях. Наверное, опять потребуют сурово осудить генерала Маннергейма, и будут пытаться, не собирается ли сержант сбежать за границу и сдать эстонским властям. Красные финны не сдаются!

— Товарищ майор, сержант Бухтибархтинен по Вашему приказанию прибыл!

— Ой, не нужно тянуться, юноша. — Вместо командира ответил невзрачный дед, с откровенно семитской наружностью, с розеткой иностранного ордена в петлице старомодного сюртука. — Да Вы присаживайтесь, молодой человек. И ружьё своё на

вешалку повесьте.

Сержант опустил на лавку, но винтовку из рук не выпустил. Так, на всякий случай. Мало ли что московский гость? А вдруг не спроста приграничный посёлок за несколько последних дней наводнился подозрительными личностями?

— Вы верите в судьбу, юноша? — Семитский тип деловито выкладывал из пухлого портфеля засургученные пакеты.

— Это, в каком смысле? — Удивился сержант.

— Да в самом прямом. — Конверты с печатями всё прибывали на столе. — Судьба, рок, фатум, восточный кismet.... Не стесняйтесь выглядеть профаном в этом вопросе. Признаться честно, я и сам не ожидал от жизни такого крутого поворота. Подумайте, что нужно было старому Соломону ещё три месяца назад? Золото и бриллианты? Вздор! Только лишь стакан кефира на ночь и наличие тёплого ватерклозета. Зря смеётесь, молодой человек. Когда-нибудь Вы поймёте и оцените это величайшее достижение технической мысли человечества. Только будет поздно.

Но вот пакеты в портфеле кончились, и старый сторонник технического прогресса поднял голову.

— Вы, таки, не смеётесь? Правильно. При случае я расскажу историю своей жизни. И Вы зарыдаете. От того, что жалко станет Соломона Боруховича. Да я и сам уже каждую ночь просыпаюсь в слезах.

Начальник погранотряда переглянулся с лейтенантом Максимушкиным, присутствовавшим на правах хозяина кабинета, и деликатно кашлянул, пытаясь направить словесный поток в нужную сторону.

— Вот видите, сержант, и товарищ майор меня поддерживает. И не надо со мной спорить. Вот посудите.... Кто был такой Соломон Сагалеви́ч ещё три месяца назад? Нет, конечно, в определённых кругах я был очень известен. Но вот тут и вмешалась судьба. Каким образом, спросите? Элементарно, если Вам известно значение этого слова. Мой родственник, Эдик Ротшильд, не захотел видеть меня главным раввином Советского Союза. "Дядя Соломон, — сказал он, — ты возьми все мои деньги. Их не так жалко, как твою мудрую голову." И я, таки, взял. Но этот жлоб отдал мне только треть! Хотел дать меньше, но я пригрозил наградить его орденом трудового Красного Знамени.

— Товарищ посол, — майор Кузьмин вновь напомнил о своём присутствии.

— Что? Куда Вы меня послали? Да, я же забыл представиться молодому человеку. Прошу любить и жаловать — барон Соломон Борухови́ч Сагалеви́ч фон Ротшильд. Кавалер ордена Почётного Легиона. Кстати, могу и Вас наградить недорого. Чрезвычайный и полномочный посол Французской республики в Балтийской конфедерации. Что Вы смотрите на меня как на идиота? Не верьте глазам своим. Внутри я гораздо умнее, чем выгляжу снаружи.

— Простите, какой конфедерации? — Сержант Бухтибарактинен покрутил головой в поисках шкафа, из которого сейчас полезут санитары.

Сагалеви́ч в ответ рассмеялся, и сломал печати на одном из конвертов.

— Посмотрите сюда. Не стесняйтесь, теперь уже поздно. Да, Вы когда застываете в наряд?

— В восемнадцать ровно.

— Прекрасно. Замечательно. Мы прекрасно всё успеваем. В восемнадцать тридцать по московскому времени на территории сопредельного, пока, государства, начнётся стихийный митинг русских крестьян, проживающих в приграничной полосе. В девятнадцать часов они выработают резолюцию с просьбой к советскому правительству. О признании населённых пунктов Сыренец, Кондуши, Радовель, Омут, Скорятина гора — независимым государством. Всё понятно?

— Ничего не понятно.

— Это хорошо. Приказы Родины нужно выполнять не задумываясь. Вы где родились?

— В Гельсингфорсе.

— Тыфу, на Вас.... Тогда лучше выполняйте приказы партии. И вообще, не забивайте мне голову всякой ерундой, юноша! Лучше почитайте декларацию. Как? Не зря у меня в гимназии были пятерки по литературе.

Сагалевиц вытянул руку с листком, прищурился и продекламировал:

— Резолюция.... Так, это пропустим. Буржуазные пи.... Не будем об этом. Мы их всех вы.... Может мне не стоило об этом? А, вот, главное.... Земля наша мала и скудна. Порядок в ней есть, а жрать нечего. Приходите к нам и владейте ими.

— А зачем мне всё это рассказываете, Соломон Борухович?

— Я разве не сказал? — Почти искренне изумился Сагалевиц. — Вот приказ о Вашем назначении послом в Балтийскую конфедерацию.

— За что?

— За деньги, сержант. Советские полпреды так неплохо зарабатывают. Но, если так хотите, можете всё отдать бедному еврею и работать за идею.

— Почему именно я? — Продолжал упорствовать Бухтибарактинен. — Неужели нельзя было поставить более опытного товарища?

— А вот и нельзя, — кивнул Сагалевиц. — Где мне ещё найти такого дурака, простите, знатока эстонского языка? Да что Вы все возражаете? Не работа — откровенная синекюра. Всего только и нужно, что принять на границе резолюцию, вручить верительные грамоты, и проследить за размещением на территории дружественного к СССР государства Шестьдесят пятого особого стрелкового корпуса. Видите, какая малость? Это в течении сегодняшней ночи. А вот завтра народное правительство страны должно выступить с просьбой ввести: девяностую стрелковую дивизию, тринадцатую танковую бригаду, тридцать восьмой корпусной зенитный артдивизион, семьдесят седьмой отдельный механизированный отряд, одиннадцатый дальнебомбардировочный, десятый среднебомбардировочный и седьмой истребительный авиаполк. Ну, ещё если пара тройка, каких батальонов подойдёт.

— И это всё в пяти деревеньках?

— Кто же станет возражать, если Таллинн станет пригородом одного из этих сёл. Да не беспокойтесь, я буду всегда рядом.

Сержант обречённо сжимал ремень винтовки. Сейчас застрелиться, или подождать до войны, которая начнётся через пять часов? Но трудолюбивая северная натура брала верх. Работу, какой бы глупой она не казалось, надо делать хорошо.

— А может предупредить эстонскую армию? — Предложил он.

— Предательство! — Майор Кузьмин схватился за кобуру.

— Нет, я хочу избежать ненужных жертв. А то эстонцы в плен не сдаются.

— Это почему?

— Не успевают поднять руки, — пояснил красный финн. — Но на листовках на должно быть слишком много слов, иначе не дочитают до конца. Обязательно оставят на следующий день. Кута тарапитца?

— Логично, — Сагалевиц почесал переносицу. — В этом что-то есть. Товарищи, уж не будущего ли президента Финляндии мы видим перед собой?

— А что скажет Лига Наций? — Скромно поинтересовался майор Кузьмин.

— Ничего. Пусть только попробуют что-то возразить. Даже вспомнить страшно — какие деньги я на них потратил.

— Большие?

— Причём тут количество? Это были деньги Жаботинского.

Москва. Кремль. Кабинет Сталина.

Поздним вечером прославленные и не очень советские военачальники собрались в Кремле. Поднимаясь по лестнице, Каменев шёпотом спросил у идущего рядом Ворошилова.

— Климент Ефремович, он Вам так и не позвонил?

— Нет, Сергей Сергеевич. Что и беспокоит. Прилетел ещё утром, телеграммой запретил встречать его на аэродроме. Только Молотов с Калининным смогли с ним встретиться.

Представляешь, что могли наговорить на нас эти штафирки?

Шапошников услышал разговор и догнал товарищей.

— Мне приглашение Поскрёбышев по телефону передал.

— И мне, — подал голос Будённый. — Да ладно, чего уж теперь-то бояться?

— По башке даст, — предположил Ворошилов. — И разжалует.

— Это мы ещё посмотрим, — проворчал Семён Михайлович, скосив глаз на золотые генеральские погоны.

Уже в приёмной их ожидало неожиданное зрелище. В дверях своего кабинета стоял Сталин и гостеприимным жестом приглашал пройти внутрь.

— Вы проходите, товарищи. Что, Поскрёбышева ищите? Я его отпустил домой. Устаёт товарищ. Нельзя же так издеваться над собой. День и ночь на работе.

Генералы сделали вид что не удивились и прошли. Только генерал-лейтенант Блюхер едва не свернул себе шею, пытаясь разглядеть стройные ножки легкомысленного вида кучерявой девицы, занимающей место сталинского секретаря.

— Вы присаживайтесь. — Иосиф Виссарионович кивнул на мягкие стулья. — Или стесняетесь? Странно, никогда бы о вас такого не подумал.

— А чего мы такого сделали? — С виноватым видом школьника, застуканного за курением отцовской папиросы, спросил Будённый.

Остальные предпочли отмолчаться, ожидая реакции Сталина. Хотя ещё ни одного верного признака приближающейся грозы не наблюдалось. Но только теоретически. Так как спрогнозировать это точно не взялся бы никто.

— Он ещё спрашивает, — покачал головой Иосиф Виссарионович. — А кто мне ответит, куда это у нас Коминтерн случайно запропастился? Товарищ Молотов его искал — не нашёл. Товарищ Калинин искал — не нашёл. Каганович — и тот не знает. Странно, да? До моего отъезда был, а сейчас нет его.

— Ах, вот ты про что, Коба, — усы легендарного командарма победно встопорщились. — Не знаю, куда те двое заглядывали, а Кагановичу я собирался лично показать, где этот Коминтерн сейчас располагается. Мне Блюхер обещал. А ещё мы предателя Ягоду разоблачили. Слышал? Это он, зараза, на тебя покушался. Сам признался.

— Значит, это Ягода треть Верховного совета и половину Политбюро к стенке поставил? — Уже в открытую усмехнулся вождь.

— Так точно, товарищ Сталин. — Подтвердил Каменев. — Виноваты. Вовремя не разглядели затаившегося врага.

Иосиф Виссарионович долго ничего не отвечал, неторопливо набивая трубку. Потом, так и не раскурив, положил её на стол и улыбнулся, чем очень всех удивил.

— Хорошо, товарищи. Пусть всё останется как есть. Дадим вам ещё завтрашний день на утрясание оставшихся мелочей. Вы поняли меня правильно, товарищ Блюхер?

— Понял, товарищ Сталин. — Ответил командующий войсками ОГПУ, в уме лихорадочно пополняя проскрипционные списки.

— Это хорошо. Но хотел бы попросить впредь советоваться со мной по таким важным вопросам, как назначение козлов отпущения. А то товарищ Сталин старается, много лет собирает их в одном месте, а потом приходите вы, на всё готовенькое, и забираете себе лавры победителей и спасителей отечества.

— Да, немного неловко получилось, — согласился Шапошников, — работали все вместе, не покладая наручников, а вся слава Климент Ефремовичу досталась. Про него уже народные песни поют.

— Как это так? — Иосиф Виссарионович перевёл взгляд на Ворошилова.

— Глупости болтают. Не слушайте их, товарищ Сталин.

— Почему же? — Возразил Борис Михайлович. — Это народное творчество, а оно не может быть глупым по определению. Грубовато немного, согласен. Зато точно определяет отношение народа к происходящему. Я тут даже записал одну частушку для памяти. Хотите, прочитаю?

Хотели все. Мнение самого Климента Ефремовича было решено временно проигнорировать.

В Кремль пролез подлец Ягода

Там сидел четыре года.

А товарищ Ворошилов

Поимел его без мыла.

— Действительно глупость, согласился Сталин, с трудом сдерживая смех.

— У меня вот ещё записано...

— Достаточно, Борис Михайлович. Лучше напомните, как продвигаются наши дела в Эстонии?

Шапошников засмутился и показал пальцем на Каменева:

— У нас нарком обороны имеется.

— Значит — хреново, если друг на друга киваете, — сделал выводы Иосиф Виссарионович. — Рассказывайте, Сергей Сергеевич.

— Всё не так уж плохо, товарищ Сталин. Особенно с политической точки зрения. Эстонии, как таковой, больше не существует. На ближайшее воскресенье назначены выборы президента Балтийской конфедерации. Пока с большим отрывом лидирует Сагалевич, депутат от русской партии. Вот только под странными лозунгами он выступает.

— Под антисоветскими?

— Нет, антирусскими. Он требует обуздать безудержную экспансию России в Сибирь и на Дальний восток, игнорирующую жизненно важные интересы эстонского народа в этом регионе. Предлагает самим, методом стремительной колонизации, освоить районы крайнего севера. Также призывает эстонцев, как самую гордую и независимую нацию, принять меры по растворению и эстонизации русского народа. Для этого требуется переселяться в Сибирь мелкими группами, человек по пять в каждый населённый пункт, и замаскироваться под местные коренные народности. Для переселенцев рекомендованы смешанные браки, для разбавления русской крови. Планируется полный контроль над Таймыром, низовьями Лены, Оби, Енисея, районов Дудинки, Оймякона, Билибина. Агрессор, мать его за ногу.

Сталин вспомнил, наконец, про свою трубку, и по кабинету поплыл тонкий запах хорошего табака. Каменев, известный ценитель прекрасного, с завистью принялся. Определённо, северный вояж подействовал на вождя положительно.

— А кто, говорите, у Сагалевича соперник?

— Какой-то французский барон, товарищ Сталин. Из Ротшильдов, кажется. Только у него нет никаких шансов.

— Это хорошо, товарищ Каменев. Так давайте поможем президенту новой республике в его агрессивных замыслах. Сразу после выборов организуйте подачу вагонов, пусть поскорее приступают к своим вредительским замыслам.

Нарком обороны деликатно потупил глаза.

— Нет вагонов, товарищ Сталин.

— Как это нет?

— Все вагоны заняты для переброски войск в Эстонию, виноват, в Балтийскую Конфедерацию.

— Разве они не там? Месяц прошёл.

— Проблемы.... Паровозов не хватает, а те, что есть эшелон с танками с места сдвинуть не могут. Приходится цеплять по три штуки.

— А разве сами танки ездить не умеют?

— Наши? — Уточнил Семён Михайлович Будённый. — Наши — не умеют. Может их на "Максима Горьком" по воздуху перевозить?

Лучше бы промолчал. Сталин скривился, как от зубной боли, и что-то громко сказал по-грузински, явно матерное, так как переводить это на русский не стал.

— Ладно, товарищи, давайте над этим завтра подумаем. На сегодня рабочий день закончен. Давайте дадим товарищу Сталину, спокойно поспать. Может быть попробуем

обойтись без трудовых подвигов?

Уже сидя в автомобиле, Каменев вспоминал изящную кобру, выглядывавшую из-под коротенькой юбки секретарши. И вдруг поймал себя на мысли, что неплохо было бы съездить завтра к Чкалову и уговорить того, сделать ещё один рейс к "Челюскину". Но уже с новым пассажиром. А что? Уже возраст даёт о себе знать, а севера-то, вон они как благотворно на людей влияют.

Житие от Гавриила

Только что ко мне заявился архангел Израил, и задал сакраментальный вопрос:

— Гиви, скажи, ты знаешь, что такое задница?

— Теоретически или....

— Без разницы. Именно в ней мы сейчас и находимся.

— Поясни.

— Это не наш мир. И не параллельный. Просто другой. Карту видел?

— Какую ещё карту?

— Ну не игральную же! — Возмутился напарник, и развернул на столе огромный рулон. — Смотри, куда Австралия подевалась?

Действительно, вместо всем известного континента красовалась большая россыпь мелких островов, общими очертаниями напоминающая что-то весьма неприличное, но очень мужественное.

— Это ты виноват, — упрекнул меня Изя.

— С какой стати?

— А кто перед отъездом в командировку анекдоты в службе технической поддержки рассказывал? "Товарищ генерал, а может хрен с ней, с Австралией?"

Глава 18

А пред ним, максимально приближенно.

Так сказать, возле самых зрачков.

Колыхались груди бесстыжие

С механизмом взведенных сосков.

Сергей Трофимов

Житие от Израила

Вот что-то привязалась ко мне песенка, которую вчера Гиви пел в кают-компании. Нет, не про сиськи. Из Юрия Визбора. Помните? Там где про судно "Кострома", по которому плещет волна. Про три минуты тишины, которые мы должны слушать. Хорошая песенка, жизненная. Почти про нас. Только курум мы уже не три минуты, а четыре месяца. Я вот от скуки научился сигареты из воздуха доставать. "Честерфилд". Пробовал "Мальборо" сотворить — моршанская махорка россыпью получается.

Да откуда мне знать, каким образом они оттуда извлекаются? Достают, и всё тут. В книжке одной читал. Там, правда, главный герой ещё и от пальца прикуривает. Заявляю со всей ответственностью — ерунда! Не может быть в пальце огня, хоть тресни. Да и с практической точки зрения.... Вот, допустим, захотелось вам в носу поковырять в своё удовольствие. Что, разве не случается такое? Не надо мне ля-ля.... А оно раз, и включится в самый неподходящий момент. С зажигалкой гораздо безопаснее.

Что я вам всё о мелочах рассказываю? О чём же ещё? Нету у нас крупных событий. Распитие больших доз не считается. Скукота. В гости вот ходим. Из одной каюты в другую. По праздникам вместе собираемся. Гаврилу так замучили просьбами спеть, что он тайком пытался утопить злополучную гитару. Я отговорил. Инструмент наверняка казённый, на

балансе состоит. И, если мы пароход героически топить передумали, то и всё остальное нужно в целости вернуть.

Что ещё? На охоту пару раз ходили. Но холодно очень, и ничего не видно в полярную ночь. Нет уж, подожду до весны, когда белые медведи с юга прилетят. Что вы мне говорите? Ай не надо! Куда же они, по-вашему, сейчас подевались?

Одно только скрашивает моё унылое существование — радиорубка. Запасливый Кренкель, готовясь к экспедиции с немецкой основательностью и русским куркулизмом, забил всё запчастями и радиодетальями в количествах невероятных. Есть где развернуться понимающему радиолюбителю. А для таких профессионалов, как мы....

Но это так, мелкие радости. А Большая жизнь проходит без нас на Большой Земле. Да, сколько интересного пропустили.

Соломон Борухович стал президентом почти независимой почти страны. Предлагал в названии столицы спереди букву С добавить, но товарищ Сталин пресёк попытку орфографического произвола. Сагалевиц утешился планомерной оккупацией труднодоступных районов Сибири. Уже тысяч семьсот послал. Вот так послал.... Звери натуральные. Белокурые бестии. Блюхеру даже пришлось выделять войска для защиты дикой тайги и милых зверюшек от эстонских захватчиков. Не слишком помогло. Пришлось изолировать дикую природу от европейски цивилизованного народа колючей проволокой. Иностранные защитники животных очень умилялись и мерзко хихикали, видя, какие экономические какашки устроили истинные демократы проклятым большевикам.

Недавно Верховный Совет СССР отклонил просьбу Балтийской конфедерации о вступлении в состав Советского Союза, мотивируя это нерешёнными территориальными проблемами претендента. Решение вызвало панику в Латвии, Литве, Польше, и очередную, восьмую отставку британского кабинета министров.

От Франции отделилось Корсиканское королевство во главе с Наполеоном Пятым, ранее, на Привозе, известным как Бенья Портянкин. Вялотекущая гражданская война регулярно прерывалась на обед и послеобеденный отдых, по причине жаркого климата. В западной прессе неоднократно отмечались случаи перемирия, заключаемые воюющими сторонами из-за временного отсутствия в войсках оранжада, пипифакса и презервативов.

Германия пока молчит, с удовольствием занимаясь внутрипартийной резнёй. Правда, у меня на немцев свои планы. Но о них молчок. Не дай Бог Гиви услышит. Голову снимет сразу. А я хоть и бессмертный, теоретически.... Знаете, на практике проверять не хочется.

А в Советском Союзе проходит массовая паспортизация населения. Руководит ей сам Владимир Владимирович. Нет, не тот самый. Тот самый ещё не родился. Я про Маяковского говорю. Пусть бюрократизм волком выгрызает, а то привык языком молотить про краснокожую паспортину. И что удивляет — справляется. По выходным товарищ председатель паспортной комиссии приезжает в дурдом. Опять вы неправы. Там он посещает семейство Бриков. Приносит им свежие газеты, малосольную соловецкую селёдку и корсиканские мандарины, которые берёт в коммерческом отделе Елисеевского по три рубля за кило. И знаете, ожил человек. Даже стихи начал приличные писать. Строчками, а не теми лесенками, что раньше. Интересно, гонорар он построчно получал?

По стране прокатилась волна дуэлей. Рогоносцы стрелялись с рогообразователями, двоечники с учителями, писатели с издателями. Зятья с тещами, а торговки семечками с участковыми милиционерами. Проигравших похоронили, а победители пополнили штрафные ударные батальоны на финской границе. Поединки по прежнему были разрешены только в армию.

Святейший патриарх с головой ушёл в работу по восстановлению церкви и меценатство. Кто сказал — дармоедов кормить? Я сказал? Враки, это Хрущёв художников педерастами обзывал, а у нас они пользу приносят. Кто с кайлом и лопатой, а кто до сих пор с кистью. Как-то совсем неожиданно, на гниющем западе возник интерес к картинам русских футуристов начала двадцатого века. Тьфу, чуть было не сказал — художников. Вот так же монахи в мастерских плюются, отрабатывая с палитрой в руках строгую епитимью.

И что вы думаете? Холсты, вывозимые контрабандой через Таллиннский порт, считаются неплохим вложением капитала во время экономической депрессии. Особенно если намекнуть, что художник умер от голода и холода в страшной нищете, замученный злобными большевиками. А картины расстрелянных — вдвое дороже. Но таких мало, отец Алексей репутацию страны блюдет.

На часть вырученных денег строит истребительную авиадивизию "Красный Архангел". Понимаю, что название придумано по политическим соображениям, но одобрить не могу. Я что, Чингачгук?

Вот чем меня поразил Алексей Львович, так это одобрением колхозов. Пусть со многими оговорками и замечаниями, но я же помню, как он Сталина чуть не за грудки хватал при обсуждении вопроса. Спелись, деятели опиумодлянародные. Даже на Семнадцатом съезде рядом в президиуме сидели. Это мне Каменев по большому секрету телеграфировал. Как там у Ильфа с Петровым? "Может Вы, батюшка, теперь партийный?"

О самом главном чуть не забыл. В Москве благополучно прошёл и успешно завершился громкий процесс над группой изменников, врагов и предателей, который продажная буржуазная пресса, слабо знакомая с русским языком, окрестила "делом о заговоре ягодиц".

Глас народа, сурово требовавший расстрелять банду фашистско-троцкистских зверей, во внимание принят не был. Приговор прозвучал неожиданно мягко. Все дожившие подсудимые благополучно признали свою вину, чистосердечно покаяться в содеянном, и отправились на двадцать лет помогать эстонским захватчикам. Символичная дата. На свободу им выходить как раз в пятьдесят третьем. Кто кого переживёт на этот раз?

— Разрешите войти, товарищ генерал? — Стук в дверь и голос Заморского заставили меня оторваться от воспоминаний и размышлений.

— Конечно, Сан Саныч, располагайтесь, — улыбнулся я гостю. Умеет же человек настроение поднимать. Кажется, мелочь, одно слово в звании пропустил, а на душе приятность необыкновенная.

— Я чего зашёл-то, Изяслав Родионович, — пояснил боцман. — Тут давеча Кренкель опять про иконы спрашивал. Так у меня есть ещё Мария Магдалина.

— Кающаяся? — Уточнил я. — Тогда не пойдёт.

— Нет, ещё до того.... Мне её супруга всегда с собой в рейс даёт. Ну, чтоб не шибко хулиганил в заграничных портах.

— А в наших, значит, можно? И как, помогает?

Заморский сдвинул шапку, смущённо почесал затылок и признался:

— Если не заходить никуда, то очень помогает. А так — нет. Ну что, приносить?

— Обязательно. Только постарайтесь не показывать её генералу Архангельскому.

— Не одобряет?

— Стесняюсь своей религиозности, — пояснил я свою необычную просьбу.

Боцман ушёл за самым важным элементом нашей с Эрнстом Теодоровичем конструкции, но прилечь мне не удалось. Дверь каюты грозно скрипнула, и на пороге возник грозный начальник. Мало ли, что мы в одном звании. Всё равно боюсь и уважаю.

— Признавайся, какую на этот раз каверзу готовите?

— Побойся Бога, Гиви. Что я могу сделать, находясь в нескольких тысячах километрах от ближайшего населённого пункта?

— Сам бойся. Зачем послали в британский парламент телеграмму неприличного содержания?

— Это не я. Это, наверное, немцы послали. Постой, а ты откуда знаешь? Я же зашифровывал секретным кодом Адмиралтейства.

— Который знают в каждом приличном Генштабе, — закончил за меня Гавриил Родионович. — И теперь в королевском флоте скандалы и отставки. Ищут предателя, передавшего эти коды русским.

— Вот русофобы. Чего они всё время на нас сваливают? Охамели? — Моё справедливое негодование не знало границ.

— Изя, не валяй дурака. Хоть бы по-французски написал. Или за сто двадцать лет язык забыл?

— Скучно же, — пожаловался я напарнику. — А давай, на самом деле, вселимся в кого? Ты, например, в Рузвельта. Мне — Черчилль. Ну как? Сначала соберёмся вдвоём, и Гитлеру напинаем. Потом итальянцам и японцам. А напоследок переругаемся и передерёмся между собой. Чего сразу дурак? Не брал я твоё пиво! Флоты перетопим, армии распустим, оружие пропьём. Э-э-э... В смысле, Сталину подарим. За то, что он нас помирит.

— А потом? — Гиви вроде бы начал проявлять интерес к моему предложению.

— А потом пусть товарищ Сталин думает. Как хочет, так и управляет миром. Вдруг удастся сверхгалактическую русскую империю построить? А мы помогать будем и советовать. Потом получу звание трижды генералиссимуса, Крым, в пожизненное пользование, и буду купаться в тёплом море и кушать виноград. Себе можешь Константинополь взять. Нравится? Забирай, мне не жалко. С Виссарионом я договорюсь.

Генерал-майор Архангельский отчего-то закатил глаза и начал биться головой о дверь. Радуетесь? Скорее всего. Ну, ещё бы! Я предложил ему вековую мечту русского народа вообще, и каждого попаданца в частности — Черноморские проливы. Кто оценит степень моего патриотизма?

Гиви не оценил. Он молча поднялся с пола, куда до этого он медленно сполз по дверному косяку, и ухватил меня за горло. И это вместо благодарности? Пришлось осторожно освободить мой нежный организм от цепких пальцев непосредственного начальника, отгибая их по очереди в течении получаса. Ещё бы сутки, и мог бы задохнуться. Потом предложил воды из графина. Гаврила отказался, безмолвно, одними глазами потребовав коньяка. Опасная бледность, наконец, покинула щёки заслуженного архангела, и он смог произнести нормальным голосом:

— Изя, забудь. Никаких солитёров.

— Ты про что?

— Нет, это ты про что? — Переспросил Гиви. — Как называют тех, кто внутри человека живёт?

— Попаданцы? — Предположил я с робкой надеждой.

— Гельминты! — Гаврила грубо наступил на горло моей песне, чуть было не ставшей лебединой.

Зачем так переживать? Нет, так нет. Есть немало других способов развлечься.

— Включать, Изяслав Родионович? — Вопросительно посмотрел на меня Кренкель.

— С Богом, Эрнст Теодорович. — Я отступил от заработавшего агрегата и, на всякий случай, перекрестился. Знаете, как оно бывает с опытными образцами?

Аппарат выглядел...мощно. Точное его название наукой было не установлено, но впечатление он производил соответствующее, скажу я вам. Кое-где таинственно гудел, в нужных местах искрился или шипел. Изредка доносились мерные постукивания. Всё, как и положено для гениального озарения мысли, было собрано на скорую руку. Поясню. Это значит, что везде свисали пучки проводов, железные штыри непонятого назначения, верёвочки, которыми были привязаны некоторые детали. Лепота! Творчество — оно же не ремесло, и внешними формами не замораживается.

Вот, сравните скифскую бабу, которая памятник, с любой скульптурой античного мастера. Подойдёт неграмотный кочевник, посмотрит на первую, скажет: — "Вах! Какой жэнщина! Красыва!" И ускачет себе дальше, Древний Рим разрушать и грабить. А там попадётся под его боевой топор Венера Милосская или Дездемона Шекспирийская, и не ворохнётся ничего в мохнатой душе, не дрогнет рука в молодецком размахе. Потому, как натура истинного творца и ценителя прекрасного не терпит холодного совершенства линий.

Ах, волшебные линии... Бывало, положишь так руку нежно, проведёшь... Помнится, в

четырнадцатом году, в Париже.... Нет, в прошлом четырнадцатом. И вот, значит, мы с генералом Милорадовичем откушали шампанского изрядно в ресторации, и занесла нас судьба к графине.... К чему фамилии? В них ли дело? Не будем компрометировать практически порядочную женщину. Вот там были линии, я вам скажу! Берёт она меня за руку, улыбается, и нежно так говорит:

— Товарищ генерал-майор, мощность на второй уровень выводить? Или ещё подождём?

— Что? А где графиня? — Спрашиваю у Кренкеля.

— На столе, — не моргнув глазом отвечает старший радист.

— Зачем?

— Не зачем, а с чем, — поправляет меня Эрнст Теодорович. — С ним. Что, пора?

— Можно, а то уже мерещится всякое.

— Это от усталости. Не бережёте Вы себя, Изяслав Родионович.

— Отдохнуть после войны будем, товарищ Кренкель.

— Разве сейчас война?

— Настоящий коммунист всегда найдёт себе битву.

— Я же не коммунист.

— Ну и что? Работать всё равно надо. Наливайте.

Мы выпили, и я прислушался к внутренним ощущениям. Нет, кажется сейчас отпустило. А то совсем, было, собрался лететь в ближайший населённый пункт, воспользовавшись покровом долгой полярной ночи. А что? Часа за три до Аляски долечу, нам для полёта крыльями махать не нужно. У нас даже мышц махательных нет. Врождённая антигравитация, помноженная на силу мысли. А так как я очень умный, скажу без ложной скромности, то и скорость держу приличную. Не ракета, конечно, но реактивному истребителю не догнать. Испытано на личном опыте.

Или не рисковать? Зачем Гавриила Родионовича расстраивать? Ему же завидно будет. К тому же и холодно очень. Так во время полёта согреюсь. Тогда какой смысл лететь, если и так тепло будет?

Это Гитлер во всём виноват. Он, собака! Больше некому. Сейчас я ему устрою.

— Эрнст Теодорович, время. Даём сразу полную мощность.

— А не взорвётся? — Кренкель с сомнением оглядел агрегат.

— Не должен..., кажется....

Южная Бавария. Городок Кёнигфридсбург.

Городок будто вымер. Городок выжидал, насторожённо выглядывая из-за оконных занавесок.

Сверкающие чёрным лаком лимузины стремительной хищной стаей пролетели Кирхенштрассе, вырвались на простор Кирхенплатц, и, окружив древнюю местную церквушку, застыли, похожие на банду волков, поджидающих вкусного барашка.

Из нескольких автомобилей выбрались солдаты в чёрной форме, и редкой цепочкой опоясали кирху ещё одним кольцом, отгоняя редких в утренние часы зевак. Последним на площадь вступил мелкий человек с прилизанной чёлкой, дрожащей челюстью и трясущимися руками. Прячась за спинами охраны, он почти бегом проследовал внутрь и остановился перед исповедальными кабинами.

— Герман, мне что, нужно будет туда залезать? — Спросил он у отставшего, было, толстяка в лётной форме. — Я туда не помещусь, там очень мало места.

— Не знаю, — пожал плечами лётчик, — Я никогда раньше не был на исповеди.

— Может я смогу чем-то помочь, дети мои? — Раздался сзади профессионально вкрадчивый голос.

Посетители обернулись. Военному, лицо священника напомнило кайзеровский шлем, положенный на бок. Такое же вытянутое вперёд и острое. Его спутнику оно ничего не напомнило, так как на фронте он ходил без шлема, отобранного и пропитого фельдфебелем

Ватманом.

— Шланг, пастор Шланг. Чем могу служить, дети мои?

— Прекратите называть нас детьми! — Возмутился человек с чёлкой. — Я фюрер великого германского народа немецкой нации Адольф Гитлер. А это мой соратник по борьбе генерал Герман Геринг. Или наоборот?

— Что наоборот, мой фюрер?

— Может я фюрер великого немецкого народа германской нации? Ты не помнишь моё точное звание, Герман?

— Никак нет, мой фюрер, — вытянулся Геринг, — я простой солдат, исполняю приказы, а терминологию у нас Иохим разрабатывал.

— Жалко, — огорчился Гитлер, — нужно было записать. Тогда, пастор, называйте меня просто фюрером. И, кстати, Вы что-то спрашивали про службу? Да, Вы обязательно должны взять в руки оружие, и умереть, защищая тысячелетний Рейх от жадных варваров, угрожающих ему с юга, севера, востока и запада.

— Простите, — пастор Шланг испуганно скрестил руки на груди, — но на севере у нас море.

— Вздор! Для сумрачного германского гения море не является преградой. Герман, я не забыл никого из врагов?

— Не знаю, мой фюрер, — опять вытянулся Геринг, — но кажется есть ещё кто-то на северо-востоке.

— Да, как я мог забыть про большевиков? Немедленно отдайте пастору свой пистолет, мы идём защищать Рейх от Сталина.

— Простите, мой фюрер, но Вы приехали сюда на исповедь.

Загоревшиеся, было, глаза Гитлера опять потухли и руки затряслись. Он затравленно посмотрел на кабинки.

— Я туда не полезу.

— Оставьте нас вдвоём, генерал, — пастор настойчиво подталкивал толстяка к выходу.

В дверях тот остановился.

— Надеюсь Вам не нужно объяснять, святой отец, что разглашение тайны именно этой исповеди приведёт по крайней мере в Моабит?

— Не нужно напоминать мне о долге перед Господом, — ответил пастор Шланг, захлопывая створки перед носом у Геринга.

Подойдя к Гитлеру, священник взял его за запястье, достал часы и посчитал пульс.

— Давайте поговори без всяких кабинок, мой фюрер. Высуньте язык. Так, замечательно. На что жалуетесь?

— Я вижу сны, доктор. Простите, пастор.

— Все видят сны, — святой отец покрутил в руках блестящий молоточек. — И я вижу сны. Говорят, даже самого Папу Римского они иногда посещают. Не вижу в этом ничего плохого.

— Только мне снятся святые!

— Это же замечательно, мой фюрер. Как я Вам завидую. А мне вот последнее время только непотребные дев... Я хотел сказать — проблемы прихода снятся.

Гитлер в ответ горько заплакал и пожаловался, давясь рыданиями:

— Но я уже месяц не могу нормально спать. Сначала появился ангел с огненным мечом, сияющих латах, и просто ругал меня последними словами. А две недели назад он начал меня бить.

Пастор почесал тонзуру и уточнил:

— Рогов у него не было?

— О чём Вы говорите? Я же художник, и такую деталь бы заметил. А на моих боках по утрам появлялись следы от сапог, а не копыт. Не забивайте мне голову религиозными предрассудками, святой отец.

— А потом? — Пастор Шланг делал быстрые карандашные пометки в блокноте.

— Потом стало хуже. Неделю назад появилась женщина.
— С плёткой? И тоже была?
— Нет, она превратила меня в женщину. И тут вошли несколько здоровенных.... Нет, я этого не перенесу. Дайте мне пистолет. А лучше пристрелите меня сами. И вот так каждую ночь. И по много раз. Только этих, здоровенных, становится всё больше.... Дайте мне пистолет.

Через полчаса, когда эсесовцы утащили бьющегося в истерике фюрера, Геринг подошёл к пастору Шлангу.

— Что Вы мне можете сказать, святой отец?

— Я помню о Вашем предостережении, господин генерал.

Толстяк недовольно поморщился.

— А как гражданин Рейха, что?

Священник задумался на несколько секунд, наконец, решился и наклонился к уху Геринга:

— Я даже могу сказать как психиатр, имевший когда-то степень. Этого человека необходимо срочно поместить в клинику. Шизофрения, паранойя, склонность к суициду и.... Ладно, об этом не стоит. И не поворачивайтесь к нему спиной. Нет, что Вы.... Просто он сейчас способен в любой момент выстрелить Вам в затылок. Мой совет — срочно в клинику.

Земля Иосифа Виссарионовича. Борт "Челюскина"

Старший радист, устало протирая глаза после очередной бессонной вахты, спросил у генерал-майора Раевского:

— Извините, Изяслав Родионович, а что это за коробочка? Вроде в моих деталях такой не было?

— Эта? — Улыбнулся Изя, убирая в карман бериевскую флэшку. — Лёгкая немецкая порнушка. Надеюсь, что нашему общему другу очень понравилось.

Глава 19

*Запылился на полке парадный мундир.
Точит моль золотые погоны.
Нам досталось с тобой защищать этот мир
Вне закона.... Вне закона....
Сергей Трофимов.*

"Правда. 14 февраля 1934 г.

Вчера состоялся митинг комсомольцев у здания посольства Франции. Митингующие гневно осудили политику французского правительства в отношении независимого Корсиканского королевства и потребовали освобождения из плена выдающегося борца с иностранной интервенцией Антона Ивановича Деникина, содержащегося в Париже."

Горьковский край. Колхоз "им. товарища Столыпина, погибшего от рук врагов трудового крестьянства"

— Саня, может, всё же не поедешь? А может без тебя обойдутся?

Александр Фёдорович строго посмотрел на отображение жены в зеркале, перед которым подравнивал чеховскую бородку.

— Еленка, не говори глупостей, партия просит.

— Ну, так и что? — Всхлипнула в передник Елена Михайловна Белякова. — Ты же не партийный. Ну и что, что на съезд приглашали. Ты же только смотрел.

— Есть такое слово — надо! — Скрип ножниц по жёсткой бороде служил аккомпанементом негромкому спору.

— Да ты и дома-то, почитай, не бываешь, Саня. То на германскую, то в тюрьму, то, как сейчас вот. Может, передумаешь? Староват ты уже, Фёдорыч.

Председатель колхоза самодовольно оглядел себя в зеркале, покосился на округлившийся живот супруги и возразил:

— Некогда нам стареть, Еленка. Родина зовёт.

Старший сын Николай поднял голову от учебников и поддержал отца.

— А кому ещё ехать, мам? Я бы сам поехал, но не берут. Правда, Василий Петрович обещал посодействовать. Мы всей группой рванём.

— Я тебе рвану. Малы ещё. — Александр Фёдорович погрозил пальцем. — Узнаю, уши оборву. И Василию Петровичу оборву. Это кто такой?

— Ты чего, пап? Я же говорил. Это Сыромятников, директор нашего техникума.

— Сегодня же поговорю со Ждановым. Куда это годится — молодёжь неизвестно на что подбивать?

— Да мы что.... Мы не очень-то и собирались, — оправдывался сын, — так, поговорили только. А давай я помогу тебе галстук завязать?

Беляков улыбнулся, понимая желание Николая увести разговор подальше от скользкой темы.

— Еленка, ты костюм мой погладила? Тот, что я со съезда привёз?

— Хосподи! — Всплеснула руками жена. — И ты в этом поедешь? Срамota! Людей хоть не диви, Саня.

— Ты про фрак? Ну, насмешила. Чай его только на приёмы надевают. Мне его сам товарищ Каменев подарил, когда в американское посольство ходили.

— Ой, а ты не рассказывал. — Сын отложил учебник в сторону. — И какие они, настоящие буржуи? Небось толстые и с сигарами в зубах? А Чемберлена видел?

— Откуда он в американском посольстве возьмётся? Не английское же. А насчёт сигар, — Александр Фёдорович оглянулся на лежащую на подоконнике коробочку, — так их, кроме нас, и не курил никто. Денег они на сигары жалеют. Жадные очень — эти буржую. Представляешь, угощали самогонкой неочищенной, а на закуску маленькие такие бутербродики. И ещё кактели были. Вино слабенькое, кислятина, хуже нашего из сельпо, а в нём слива неспелая плавает. Отощали они на своих-то харчах.

— Страсти какие рассказываешь, Саня. — Елена Михайловна включила утюг в розетку, от которой по бревенчатой стене вились новенькие провода, и распахнула шкаф. — Так который тебе погладить?

Беляков подошёл, и, шурясь от непривычно яркого электричества, ткнул пальцем.

— Вот, его. Какой же я буду образцово-показательный председатель, если не в смокинге?

Жена только вздохнула. Эх, не доведут Саню до добра его причуды. А ведь только жить по-человечески начали. Зимой свет провели. Патефон купили и гитару. Старшего сына в техникум определили на радиста учиться. Младшие опять в школу стали ходить. А что сейчас?

Самый младший, Фёдор Лександрыч, целыми днями у телефона сидит, ждёт, когда из Москвы позвонит дядя Серёжа с большими усами и пригласит на всамделишном танке кататься. А дядя Ваня, тот, что с голой головой, на Рождество приезжал к папке водку пить. И пистолет свой в кобуре привозил. Вон они, дырки в потолке и стенах. И до сиз пор мамка вздрагивает от громких звуков.

Федя высунулся с печки:

— Папа, а правда, что там все с саблями ходят? Мне Мишка говорил. А ему учительница в школе рассказывала. А тебе саблю дадут?

— Зачем мне она, сынок?

— Как зачем? Всем дают, значит и у тебя должна быть.

— Сам бы вернулся, — Елена Михайловна тайком перекрестила мужа, натягивающего штаны, — какие тут уж сабли.

— Еленка, ты прекрати причитать, — Беляков справился с тугими пуговицами, — накаркаешь ещё.

На улице, прервав пререкания, брякнул колокольчик, и послышалось конское ржание. Федька прилип к окошку, пытаясь хоть что-то разглядеть в вечерних сумерках.

— Папка, за тобой такса приехала!

— Молодец. Беги, скажи, что сейчас выйду. Да прекрати ты слёзы лить, Еленка. Чай вернусь ещё. Лучше детям ужин разогрей, сейчас ещё двое из школы вернутся.

Маленькая женщина ещё долго стояла на крылечке, сначала вглядываясь в тающий силуэт, а потом вслушиваясь в мерное звяканье. Но скоро затихло и оно. Сыновья молча стояли рядом.

— Мам, ты не переживай, — Николай обнял мать за плечи, помогая подняться на ступеньки, — вернётся же.

— В прошлый раз чуть живого привезли, — вздохнула мать, — и дался ему этот белогвардеец.

— Ты что, мам? Нельзя было не поехать. Не каждый же день на премьеру в театр приглашают. А тут сам товарищ Жданов позвонил. А как же им там не выпить? Работа такая. И потом, опера-то не про белогвардейцев.

— Сам же говорил — "Князь Игорь" называется. Про кого же ещё?

— Это историческая. Хочешь, из учебника истории тебе прочитаю? Новый, только вчера получил.

— А я знаю, — радостно встрял Фёдор, — а я смотрел. Там ещё настоящий генерал на обложке. И с крестами. А знамён, как у дяди Вани Конева, нет.

Николай дотянулся и отвесил братишке подзатыльник.

— Кто просил мои книжки трогать?

— Это не я, это Серёга, — заверещал младший брат, прячась от справедливого возмездия на печке. — А ещё он твоему генералу усы подрисовал.

— Что вы наделали, придурки, — старший схватился за голову. — Это же Колчак!

— Перестаньте страмиться, — утихомиривала их мать. — Коля, а это который Колчак, тот, что адмиралом был?

— Конечно, тот самый. Ты разве не читала речь товарища Сталина на семнадцатом съезде? Товарища адмирала сам Владимир Ильич Ленин послал тайно в Сибирь, для защиты молодой Советской республики от белочехов, японцев, французов и англичан.

— Коленька, а зачем же он тогда чуть ли не до Нижнего дошёл?

— За подкреплением, — уверенно ответил сын, заглядывая в учебник. — На соединение с Красной Армией прорывался. Но не успел. Японские интервенты высадились во Владивостоке, захватили Приморье, и ему пришлось срочно поворачивать назад. Вот только коварные чехи подло ударили в спину, заманили адмирала в ловушку, схватили, и расстреляли в Иркутске с помощью троцкистов-предателей.

— Страсти-то, какие рассказываешь, — перекрестилась мать. — А с кем же тогда Красная Армия воевала?

На печке завопил и подал голос Беляков-младший:

— Ну, чего ты как маленькая? Говорят же тебе — со странными стервентами воевали. Так дяденька Сталин говорит.

— А белые были? С кем же Будённый дрался?

— Да сама посмотри. Вот, на двадцатой странице написано, что Первая Конная армия принимала участие в боях против махновцев, троцкистов и польских авантюристов-наёмников, захвативших Крым по прямому приказу мирового капитала. Ты читай, читай. В советских книгах врать не будут. Это нас много лет обманывали затаившиеся ядовитцы, искажившие героическую борьбу нашего народа против интервенции четырнадцати держав.

— А как же гражданская война? — Засомневалась Елена Михайловна. — Нешто и её не

было?

Николай аккуратно закрыл учебник, грустно поглядел на усатого адмирала на обложке, и положил книгу на полку.

— Мы до этого места ещё не дошли. Про гражданскую войну во второй части, а нам её только после каникул выдать обещали. Но я тебе обязательно расскажу, как оно на самом деле было.

Париж. Набережная Сан-Круассан.
В доме звучала музыка. Негромко и красиво.
...На Ривали в бутиках мода на льняное.
И в Опера Стравинского дают.
А ветерок в изгибах улиц узких,
Как первый вздох проснувшейся любви,
Летит к садам, где так совсем по-русски
Всю ночь поют шальные соловьи...

Песня закончилась, но исполнитель ещё долго перебирал струны, задумчиво глядя в бьющийся в тесноте камина огонь. Который ответно рассматривал человека, отражаясь в стёклах старомодного пенсне. Но вот всё стихло, остался только треск смолистых поленьев и стук дождя по оконному стеклу.

— У Вас талант, господин полковник.

— Ну что Вы, господин генерал. Ничего, что без высокопревосходительства? Отвык, знаете ли.

Сабля, висевшая на ковре, сердито шевельнула георгиевскими ленточками, жалуясь своей соседке на беспардонность и амикошонство нынешнего поколения. Та сверкнула наградными бриллиантами и высокомерно изволила согласиться.

Но, кажется, хозяин дома придерживался другого мнения.

— Да полно Вам, господин полковник, какие мелочи. Или предпочтёте именоваться "товарищ"?

— Злой Вы, Антон Иванович, тонко улыбнулся гость. — Что термины? Пыль. В них ли дело?

Деникин не ответил. Он откинулся в кресле, краем глаза наблюдая за собеседником, так и не выпустившим из рук гитару. Спереть хочет? Вздор. А гость странный. И, вроде бы, чёрный пудель за ним не бежит. Ходит уже неделю, песни поёт. Зачем? Хорошие песни, честно признаться. Вчера книгу подарил. Господи, забыл имя Великий крестьянский поэт, по утверждению автора предисловия убитый троцкистами в одной из петроградских гостиниц. Нет, не вспомнить. Возраст, господа. Но стихи неплохие. Одно, про чёрного человека, чертовски напоминает сегодняшнюю ситуацию с большевистским полковником. Похож. Есть что-то в нём коварно-демоническое, и, в то же время, притягательное. Загадка природы человеческой?

— А что, Лаврентий Павлович, неужели в России сейчас можно такие песни петь?

— Помилуйте, Антон Иванович, совсем уж нас за зверей считаете? Искусство — это святое. Как и литература. Не верите? Зря. Конечно, в чём-то Вы и правы. Может быть, даже, очень правы. Вот, представьте себе такую картину — колхозник, читающий стихи Велимира Хлебникова. Улыбаетесь? А мне горько и обидно за крестьянина, потратившего свой трудовой рубль на редкостный бред спятившего в своих красавостях поэта. Якобы поэта. Бог с ним, на Соловках разберутся. А что же наш пейзажник? А он в культурном шоке. Народ привык, знаете ли, верить печатному слову. И вот этот труженик села, назовём его для простоты Иваном Васькиным, начнёт искать тайный смысл в прочитанном. И не найдёт. Но ведь он должен быть, по его представлениям. И что имеем результатом? Спивающийся от осознания своей умственной ущербности и невозможности приобщиться к блестящей городской культуре русский мужик. Зарастающие бурьяном поля.... Зброшенные деревни

со скелетами коров в развалившихся хлевах....

— Вы преувеличиваете, Лаврентий Павлович.

— Напротив, господин генерал, это Вы преуменьшаете разрушительную силу искусства. Я привёл один пример, честно говоря, первый попавшийся. А если этих, извините, литераторов будет много? Сотни.... Тысячи.... И все будут твердить: — "Ты, Ваня, дурак. Ты, Васькин, жить не умеешь. Тебя всю жизнь обманывали. Ты по гроб жизни должен нам, совести нации, задницу целовать. И помрёшь ты, Ваня, дураком." Вот Вы про песню спросили. А что в ней не так? Почему Советская власть должна её запретить? По мне, так наоборот, всячески одобрять и поддерживать.

— Даже такую, с позволения сказать, белогвардейскую?

— Разве? — Удивился Лаврентий Павлович. — Что же в ней такого крамольного? По моему скромному мнению, там весьма патриотическая грусть о мужественных людях, любивших Россию. Печаль об их судьбе, не позволившей даже быть похороненными на Родине.

Антон Иванович опять не торопился с ответом, разглядывая каминный огонь сквозь хрусталь полупустого бокала. Его собеседник взял свой, стоявший нетронутым почти с начала беседы, и сделал маленький глоток.

— Неплохое вино, господин генерал. Но Вы не замечаете горьковатый привкус французских вин?

— Может дело в пробке? — Предположил Деникин, про себя выругавшись с витиеватостью старослужащего фельдфебеля.

А что ещё оставалось? С появлением этого господина, в безупречном костюме и лаковых штиблетах, горечь ощущалась буквально повсюду. Нет, не в еде или питье. Она просто пропитывала воздух, отравляя его. За последние две недели из Парижа исчезли более пятисот офицеров, включая почти всё руководство Российского Общевоинского Союза. И если пропажу генерала Миллера можно было понять и объяснить, то чем могли заинтересовать всесильное и ужасное ОГПУ простые поручики и капитаны?

И ведь нельзя взять этого гостя за крахмальный воротничок, довести до лестницы, и показать обратную дорогу мощным пинком. Французский генерал из министерства, как его там...? Ну, эта гнида в красных панталонах и носом, напоминающим холерный вибрион, недвусмысленно дал понять, что вопрос о выдаче самого Антона Ивановича по требованию советских властей уже практически решён, и не произошёл лишь по причине странного и улыбчивого молчания полковника Берия. А может, стоит попытаться треснуть большевика табуретом по голове и срочно выехать в Корсиканское королевство? Говорят, что при дворе новоиспечённого монарха изъясняются исключительно на русском языке. Только ведь наверняка дом под наблюдением. И на своих уже надежды нет. Даже адъютант, уж на что проверенный человек, и то был замечен в отпадании чести "товарищу".

Лаврентий Павлович поставил недопитый бокал обратно на столик.

— Пробка? — С сомнением в голосе переспросил он. — Вряд ли. А вот привкус ностальгии чувствуется. Представляете, как только уеду из России хотя бы на один день, так обязательно смертельно скучаю. И что это такое со мной происходит, не подскажете? И тонкие вина не в радость. Привык, знаете ли, к грузинскому. Но, что интересно, в Москве могу месяцами без него обходиться, водкой да коньяками перебиваясь. Или это воздух там такой, что пьянит не хуже? Не замечали, господин генерал?

Чуть слышно скрипнули зубы генерал-лейтенанта Генерального штаба.

— Вы мне будете говорить про Россию, господин полковник? После того, как её у нас отобрали?

— Мы? Помилуй Боже, Антон Иванович, что такое говорите? Мы отобрали.... Обидно даже, право слово. Уж простите за грубость, не вы ли сами её просрали? Я не имею ввиду Вас лично, а всё Белое движение вообще.

— Извольте объясниться! — Деникин побагровел от гнева на откровенное хамство гостя, хоть и прозвучавшее с оговоркою.

— Извините, если моя правда Вас обидела, — Лаврентий Павлович склонил голову в вежливом поклоне. — Только позвольте уточнить, кто именно из нынешнего руководства Советского Союза отбирал страну? Ворошилов? Каменев? Будённый? Или сам Иосиф Виссарионович? Заметьте, никто из них не приходил лично к Вам и не говорил: — "Отдавай нам, Антон Иванович, Россию, теперь мы её рулить будем"

Берия-младший замолчал на минутку, отпил вина, того самого, с ностальгией, и продолжил:

— Наоборот, они честно с Вами воевали. Или я не прав?

— Прав, — нехотя согласился Деникин.

— О чём и говорю. Они победили. А теперь строят новую стану. Разве Вы бы не строили?

— Но не большевистскую же?

— Это опять термины, господин генерал.

— Уж не хотите ли Вы сказать, Лаврентий Павлович...?

— Уж не хотите ли Вы догадаться, Антон Иванович...?

Сабли на ковре насторожённо молчали, пытаясь понять смысл разговора. Да что они поймут? Железяки. Путь и остро заточенные, а всё равно тупые. Пусть слушают, лишь бы не нарушали повисшую в кабинете тишину.

— И почему тогда Сталин добился моей высылки в Совдепию? Расстрелять? Зачем? По Вашему утверждению мы были честными врагами.

— В Россию, — поправил Берия. — Именно в Россию. Но у Вас создалось превратное мнение. Какие враги? Противники, да и то под сомнением. А если принимать во внимание официальную версию.... Кому же придёт в голову расстреливать национального героя?

— Как-как?

— Вы, Антон Иванович, что, советских газет не читаете?

— Представьте себе — нет. Следую рекомендациям господина Булгакова.

— Товарища....

— Что, простите?

— Товарища Булгакова. Народного комиссара по делам культуры и печати. Напрасно удивляетесь. Культура в России есть, так почему не должно быть соответствующего наркомата?

— Однако.... А что там в газетах?

— Разное. Новости пятилетки не интересуют? Жаль.

— Хотите похвастаться новыми рекордами?

Лаврентий Павлович рассмеялся:

— Рекорды запрещены распоряжением Совнаркома, как преднамеренное вредительство, ведущее к преждевременному износу оборудования. Но мы отвлеклись, Антон Иванович.

— Я весь внимание.

— А знаете, что бы не быть голословным, я совершенно случайно захватил из посольства один из свежих номеров "Правды". Не желаете взглянуть? — Полковник Берия достал её из кармана.

Деникин изволил. Но газету развернул на столе осторожно, кончиками пальцев. Будто опасаясь, что из листов выскочит ядовитая змея или выкатится бомба с догорающим фитилём. Всё также неторопливо достал очки и взгляделся в передовицу, где на фотографии Сталин со свечой в руке слушал Рождественское богослужение в Донском монастыре.

Потом глаза перескочили на другую статью, третью, и Антон Иванович взял газету в руки. Лаврентий Павлович спокойно сидел, закинув ногу на ногу, и внимательно слушал удивлённые, а иногда и возмущённые замечания хозяина кабинета.

— Бред сивой кобылы! — После этого категоричного заявления скомканные страницы полетели в камин. — И эта газета до сих пор называется "Правдой"?

— А что такого? Не нравится эта правда, возьмите другую. Их у нас несколько. Есть

ещё "Комсомольская", "Пионерская". Да что говорить, в каждом городе собственная правда имеется. Будем выбирать?

— И в них то же самое?

— Как же иначе, товарищ..., простите, господин генерал.

— Вам никто не поверит.

— Сейчас? Может быть. Но мы же не последний день живём?

— Чья это идея вообще? Сталина?

— Это мой старший брат разрабатывал, — с гордостью за родственника признался Берия-младший. — Он сейчас на "Челюскине" зимует. А Иосиф Виссарионович одобрил и поддержал. Это Вы, Антон Иванович, в политику играете и старые обиды лелеете, а мы просто для страны работаем.

— И потому решено объявить, что гражданской войны не было? Совершенно и категорически?

Лаврентий Павлович в задумчивости почесал переносицу, видимо подбирая в уме нужные слова.

— Извините, но я сам не вполне понимаю, для чего это нужно. — Кристально честные глаза полковника просто убеждали поверить ему. — Думаю, что в Москве Вы получите исчерпывающие объяснения. Хотя, в моём представлении, всё выглядит достаточно логично и просто. Но могу и ошибаться.

— Поделитесь мыслями? — Заинтересовался Деникин.

— Скорее всего, России сейчас просто необходимо создать образ врага. Сильного, коварного. Знаете, Антон Иванович, таковы уж традиции нашего народа. Без врага — никуда, хоть караул кричи. А при существовании внешней угрозы, наш любимый народ готов потерпеть некоторые лишения и трудности, не жаловаться на суровость законов, и прочий, заметьте, исключительно временный произвол со стороны верховной власти. А Белое движение, тем более в его нынешнем виде, уж извините, на титул реального врага претендовать не может.

— Будто не понимаю, — сердито буркнул Деникин. — А какая роль отводится мне в этом спектакле?

— Замечательная роль, лучшая. Хотите стать новым Моисеем? Да лет через пятьдесят-семьдесят художники в масле увековечат этот Исход. Выведете людей из иноземного плена! Они рыдают, стенают, и зывают!

— Будет Вам говорить лозунгами, господин полковник. Тем более роль мою можно рассматривать и под другим углом. Слышали про козлов-provокаторов на бойне?

— Побойтесь Бога, господин генерал. Или слово Патриарха уже ничего не стоит?

Антон Иванович вспомнил фотографию в газете, внушительную фигуру с панагией поверх боевых орденов, и перекрестился.

— Быть по сему. Только учтите, выступать на митингах и клеймить проклятый царизм я не намерен.

— И не нужно, поверьте. Тем более так-то вот. Другое дело — осудить кровавую клику Николая Романова, опорочившую светлый и благой образ императорской власти.

— Даже так?:

— А что, можно иначе?

Вечер того же дня. Посольство СССР во Франции.

Берия заперся в одном из кабинетов, тщательно задёрнул шторы, и достал из сейфа портативную радиостанцию. Чудо сие свободно поднималось одной рукой, не слишком её утруждая восьмикилограммовым весом.

Дождавшись нужного времени, он коротко бросил в микрофон:

— Операция "Фридлиг" началась.

Глава 20

*А помнится, была держава.
Шугались ляхи и тевтоны.
И всякая пся крив дрожала
Завидя наши эскадроны.
Тимур Шаов.*

"Правда 2 марта 1934 года

Новые провокации литовской военщины.

На границу с СССР в районе с. Нявас-Свенцянас прибыл 1-й пехотный полк литовской армии (1600 человек, 10 орудий), кавалерийский полк (600 сабель), 15 танкеток, 6 противотанковых орудий. В р-не д. Пляушки (6 км восточнее) литовцами установлено 16 зенитных пулемётов. К провокационно-демонстративной охране литовско-советской границы привлечены члены военизированной организации "Жаулис".

Новая встреча наркома иностранных дел СССР А.А.Логинова с премьер-министром Литвы А.Муркисом.

Нарком в категоричной форме потребовал принять меры по разрешению территориальных претензий со стороны Балтийской Конфедерации. Возражения, что оба государства не имеют общих границ, отвергнуты как абсурдные.

Тов. Логинов также потребовал уволить министра внутренних дел К.Скучаса и начальника департамента политической полиции А.Вилкаса"

Житие от Гавриила

Запасами настоящего кофе на "Челюскине" мы обязаны Отто Юльевичу Шмидту. Сам большой любитель и ценитель, он настоял на своём, за что теперь и благодарны начальнику экспедиции. Это пусть пролетарии кофе не пьют, а академику положено. Алгебраист, понимаете ли. А потому имел всех ввиду. Я то к академии отношение имею косвенное, только через графиню Дашкову.... Что? Нет, это не я был. Это она сама. Проснётся, бывало, утром, и не поднимая голову с подушки, совета моего спрашивает: — "Скажи мне, друг сердешный Гавриил Родионович, как мне науку российскую вперёд продвинуть?" Так и двигали, по мере сил.

Сейчас вот с Лаврентием Палычем пожинаем плоды просвещения, неторопливо приканчивая по третьей чашке.

— Ты родословную Деникина составил?

— Обижаешь, товарищ Архангельский, — ухмыльнулся Берия, — вчера ещё готова была.

— Ну и как?

— Замечательно, почти ничего не пришлось дополнять. По материнской линии чётко прослеживается кровь Миндвога. Подправил чуть-чуть, пару германских императоров приплюсовал, одного Папу Римского и всё. Идеальный претендент на литовский престол.

— Родственник, значит.

— Это как? — Не понял Лаврентий.

— Мишка тогда в Литве работал. Вот и наплодил наследников.

— Архангел Михаил?

— Ну не херувим же.... Ты, Палыч, не только историю спецслужб изучай. Оно полезно.

— Понятно..., - протянул Берия. — А зачем это нам надо, Гавриил Родионыч? Вроде бы ты был противником вмешательства в дела этого мира.

— Мы и сейчас не вмешиваемся, — удивился я непонятливости Лаврентия, — они всё сами делают. Так, пара небольших советов, необязательных к исполнению. Или тебя смущает наш маленький такой, практически незаметный, подлог? Так и нет его вовсе, а чуть-

чуть не считается.

— Да что я, не понимаю. Если на благо государства.... Почему бы и нет?

— Вот, о чём и говорю. А Гиви всё уговаривает на непосредственные действия. Зачем? Будто без меня некому с винтовкой по долинам и по взгорьям дивизии вперёд водить.

— А не замечаешь, товарищ Архангельский, какой довольный в последнее время ходит наш генерал Раевский?

Да, действительно, давно я не видел у Изи такой сияющей физиономии. Наверное, лет пятьсот тому назад, когда он в очередной раз разорил владения Сапеги, повесил на осине пана Радзивилла, продал османам виленского епископа Войтеха, и пожёг в придачу половину Литвы. И другую бы ободрал как липку, но уступил эту честь нашему родственнику Михаилу, в те незапамятные времена более известному как крымский хан Менгли-Гирей.

Эх, славно мы повеселились в той командировке. Она, правда, слегка затянулась, но что значат жалкие сорок три с половиной года для истории.... Зато какой след в ней оставили, пусть и не под собственными именами.

Славно.... Но и тогда обошлись без пошлого совмещения разумов и прочего обмена телами. Принцип, господа. Нет, напротив, мы честь по чести родились и с младенчества присматривали за собой, оберегая, обучая и воспитывая.

Как это так, спросите? А что такого? По должности положено. Папа у нас триединый, так мы в него удались. А вот как положенный срок подошёл, так сразу за работу принялись. Не раньше. За пачканье пелёнок, пусть и шёлковых, командировочные не идут.

А вот потом.... Одно плохо было. Чуть упустил себя из виду в отрочестве, так моментально оженili. Сволочи. Это в двенадцать то лет. Говорят, заветы деда выполняли. Ага, как же. Когда ему те заветы давать? Занят был дедушка очень. То Мама в чистом поле к стенке ставил, то от Тохтамыша по оврагам прятался. Занятой человек был, царство ему небесное.

Ну, это дело прошлое, справился и с этой проблемой. И попутно взвалил на себя кучу других. А какие они всегда на Руси существовали? Вот и не угадали! То, что первое пришло Вам в голову — не проблема, а две национальные достопримечательности. Лишимся хоть одной, и жизнь станет скучна и пресна. Вымрем с тоски.

Меня Литва в те времена беспокоила. Пришлось почесать. Хорошими, такими, граблями. Изя, по молодости лет поставленный всего лишь главным воеводой, действовал с востока и севера. Мишка с юга пошёл. Замечательный союзник был, верный и надёжный. Только очень жадный до подарков. Это он, скорее всего, от местных заразился. То кречетов охотничьих попросит, то соболей клянит. А сам фигу, цветными камнями отдаривается.

Наверное, от воздержания характер испортился. Что? Нет, я в хорошем смысле этого слова. От вина ему приходилось воздерживаться. Единственная отдушина — мои послы, с которыми меды откушивал до полного изумления.

Дружба, понимаешь. Это потом внучок мой, Ванька, не токмо прозвище почётное присвоил, но и умудрился с ханами расплеваться, гадёныш малолетний. И почто его ещё в люльке не удавили? А при мне лепота была. Русский с крымским татаринoм — братья навек. А что нам делить было? Дикое поле? У обоих до него руки не доходили. Договорились владеть сообща. Нормально получалось. Делить.... Разве что добычу. Изя с Мишкой, пардон, князь Изяслав Щеня с ханом Менгли-Гиреем постоянно пополняли казну удачными набегами. То с Золотой Орды позолоту обдерут, то с Киева сливки снимут. Всё лишняя копеечка.

Да, многое потом изменилось. А жаль. И, скажите, какого хрена мои потомки расплевались с Оттоманскою Портой? На-фи-га? Так замечательно всё у нас начиналось. Воевать и в мыслях не было. Из-за проливов? Султан Баязет сам их предлагал. В обмен на Швецию. Зачем она ему понадобилась? Мне же нужнее.... Но не успел, срoчны вызывал шеф, и пришлось скоропостижно почить в Бозе, сдав дела наследнику.

Лаврентий Павлович звякнул тонким фарфором, наливая новую чашку, чем отвлёк

меня от благочестивых воспоминаний.

— Кто с документами отправится, Гавриил Родионович?

— А что, есть варианты?

— Ну, Изяслав Родионович мог бы.

Я фыркнул в чашку, и вылетевшие горячие капли разбудили сладко дремавшего такса.

— Не смейся, Палыч. Как ты это себе представляешь — два эшелона с боевыми офицерами, несколько вагонов автоматического оружия и генерал Раевский в придачу. И всё это великолепие мирно проезжает по территории Германии? Ты бы удержался?

— Вполне, — кивнул Лаврентий. — На кой мне она сдалась, с их бардаком и балаганом?

— Это ты понимаешь, а у Изи просто рефлексы сработают. Привык он, понимаешь, Берлин на шпагу брать.

— Так в прошлый раз, это он был? То-то портрет знакомым показался.

— Вот именно. Там нужно будет тихо и спокойно проехать, не привлекая излишнего внимания.

— Как Ленин? — Предположил Берия облизываясь.

— Обойдутся и без икры в вагонах. Там делов-то, передать Деникину пакет и инструкции тебе-младшему. Кстати, а как ты воспринимаешь себя самого в роли младшего брата? Да и старшего тоже?

— А неплохо воспринимаю. Можно сказать — положительно. Хотя сначала была мысль себя в Сибирь сослать, или, вообще, к стенке поставить. Я же помню, какой сволочью порой был.

— Ты что, Палыч, разве можно самого себя расстреливать?

— И я про то. Замечательный же человек, необычайно государственного склада ума.

— Тогда скажи мне, как гений гению, товарищ Берия. Какие у нас прогнозы по Германии?

— Пожалуй, что и никаких, Гавриил Родионович, — огорчил меня Лаврентий.

На его, обычно невозмутимом и непроницаемом лице, мимолётно отразилась сложная гамма чувств. Польщённое самолюбие от прямого обвинения в гениальности соседствовала с некоторым смущением. Как это — сам Лаврентий Павлович, а не может ответить на поставленный вопрос.

— Но хоть что-то можно сказать? — Я решил помочь выбраться из неловкой ситуации.

Ленивый такс открыл один глаз и тоже требовательно посмотрел. Знает, собака, что со мной отправляться придётся. Вот и готовится, собирает информацию.

— Трудно сказать, товарищ Архангельский, — начал Берия, — последнее время там чёрт те что творится. Ну кто мог подумать, что Адольф Гитлер полностью свихнётся в своих оккультных науках, объявит их страшной ересью, покается во всех грехах, и решит стать Христовой невестой?

— Разве он сейчас в монастыре?

— Зачем? В дурдоме, как и положено.

— И в Рейхе сейчас...?

— Бардак полный в Рейхе. После ухода Гитлера власть было перехватил Герман Геринг, но почти сразу же был убит на партийном митинге в Нюрнберге. Теперь оставшиеся партайгеноссе с упоением режут друг друга в битве за рейхстаг. Гинденбург в тюрьме. Тельман на Колыме. Поговаривают об отделении от Германии Баварского королевства.

— На этом направлении кто из наших работает?

— Наших нет. А вот с Сагалевиным стоит связаться. Наверняка кто-то из его родственников воду мутит.

— Фальц-Фейн? Дерипаска? Гогенцоллерн?

— Узнаю. — Пообещал Лаврентий.

— Что, из создавшейся обстановки, может вынести для себя полезного Советский Союз?

— О, там много чего полезного. И вынести, и вывезти. Или ты не в прямом смысле слова?

— Во всех сразу.

— Ну, скажем так, в политическом плане кое-какой гешефт поймеем. Совсем чуть-чуть. Германский посол Шуленбург, задёрганный противоречивыми распоряжениями и указаниями из Берлина, плюнул на всё и запил горькую. Обрусел, наверное. И помогает ему в змееборстве наш новый нарком иностранных дел. Развлекаются, бестии.

— Постой, Палыч, какой ещё новый нарком? Откуда взялся?

Берия заглянул в свой ноутбук:

— Не переживай, Гаврила Родионыч, это наш человек, проверенный. Бывший танкист. Родной земли ни пяди не отдаст. Представляешь, подсунил пьяному послу на подпись договор о намерениях. Так, мол, и так, Германия обязуется передать Советскому Союзу исконно русскую Восточную Пруссию, согласно присяге, принесённой местными жителями ещё Елисавете Петровне.

— Ладно врать-то.

— Не веришь? У Кренкеля в рубке радиogramмы почитай.

— Делать мне больше нечего, — отмахнулся я, забросил ноги на стол и достал сигарету из воздуха. — Тем более смысла нет в той подписи на договоре. Посол ничего не решает.

— Не скажи, — возразил Берия, извлекая из ниоткуда уже раскуренную трубку. Ого, святость Лаврентия растёт прямо на глазах. — А кто сейчас в Берлине хоть что-то решает? Так что нужно срочно брать Литву и уже из неё вводить войска. Думаю, Деникин не будет возражать.

— Попробуем, — пожал я плечами и почесал такса за ухом. — Почему бы и нет? А что ты говорил про другие планы?

— А вот тут уже интереснее, — оживился Лаврентий. — Некоторые нацистские бонзы плюнули на борьбу за власть и потихоньку перебираются на жительство в Уругвай и Аргентину. А деньки на переезд зарабатывают весьма оригинальным способом. Продадут оптом и в розницу промышленные предприятия, внезапно и очень удачно оставшиеся без хозяев. Можно даже на вывоз.

— Ага, так вот кто, оказывается, придумал приватизацию! Ваучеры ещё не выпустили?

— Вот этого нет. Но после гибели в автомобильной катастрофе господина Мессершмидта, один из его заводов был полностью демонтирован и продан некоему председателю колхоза из Советского Союза, пожелавшему остаться неизвестным.

— Здорово! — И перед моим внутренним взором предстала сюрреалистическая картинка, в которой высокоскоростные истребители с большой высоты разбрасывают навоз на поля. — Любопытно.

— А, — отмахнулся Берия, — банальнейшая спекуляция. Завод был перепродан Поликарпову по более дорогой цене. Председатель получил строгий выговор, около пяти миллионов прибыли, и орден Боевого Красного Знамени. Но это всё мелочи. Лучше скажи, как будем объяснять твоё отсутствие товарищу Шмидту? Как обычно, запоем?

Такс недобро покосился на сталинского опричника и оскалил зубы. Умница. Единственный, кто заботится о сохранении моего имиджа. Прости, Господи, за похабное слово. Какой ещё запой? Советские генералы ведут самый здоровый и самый советский образ жизни в мире. А кто сомневается — того на Соловки.

— Сдурел? На Северный полюс пойду. Пешком на лыжах. Такс, пойдёшь со мной? Куда ты меня послал, собака? Как только из вида скроемся, так сразу и улетим. Какой ещё Питер Пен? Ах, летать не умеешь? Уши на что? Куда ты меня послал, собака? Слабые? Ладно, чёрт с тобой, на себе довезу? Что, всегда кузнецу Вакуле завидовал? А я тебе настоящего белогвардейского генерала покажу. Где? На чём ты их видел? Такс, не хаами. Три часа тебе на сборы. Товарищ Берия, подари ему свои часы. Что? Нет, медведи там не водятся, вымерли. Только в зоопарке. А что есть, спрашиваешь? На лабусов пойдёшь? Кто такие? Лаврентий Павлович, расскажи товарищу про лабусов, а я пойду предупрежу Изю и

Отто Юльевича.

Независимая и демократическая Литва. Станция Радвилишкис.

Раннее утро окрасило нежным светом облупленные стены крохотного вокзала. Старый железнодорожник, шаркая ногами и поминутно зевая, вышел на платформу. Внимательно оглядел подведомственную территорию, заметил всё новые куски обвалившейся штукатурки и обматерил по-литовски проклятых русских оккупантов. Понастроили, понимаешь, злокозненно всяких тут железных дорог, вокзалов, заводов, фабрик, и бросили всё. Скорее всего специально, заставляя неокрепшую экономику молодого государства тратить сотни долларов и десятки фунтов стерлингов на содержание всего этого безобразия. Да, в ущерб обороноспособности.

Каковы негодяи, а? Не зря же премьер-министр подал жалобу в Лигу Наций, требуя от России компенсировать наглую диверсию и отдать Литве Киев, Минск, Смоленск, Брянск, Урюпинск, Одессу и Владивосток. А правильно! От можа до можа. Как в старые добрые времена, когда племена жемайтов, жмудинов и прочих аушкайтов грозно повелевали из болотистых лесов половиной Европы.

В будке у входа в вокзал беспокойно завозилась собака. Железнодорожник зевнул в последний раз и позвал:

— Шарикус! Шарикус!

— Авс! Авс! — Раздалось в ответ.

Что-то в интонациях собачьего голоса заставило насторожиться. Уж не приближающийся ли поезд предвещает? Собственно, для того и кормили бездельника, так как телеграфный аппарат на станции был диверсионно сломан отступающими русскими агрессорами ещё двадцать пять лет назад. Протяжный гудок паровоза разрешил все сомнения. Поезд. Но откуда он взялся? В этом месяце уже проходил один. Фантастика!

Житие от Гавриила

Деникина я раньше видел только на фотографии. Вживую общаться не приходилось, хотя в Первую мировую воевали неподалёку. А в натуральном виде он мне понравился сразу, едва нас представил друг другу полковник Берия-младший. Колоритный такой дядька. Это не про Лаврентия, его физиономия, только на тридцать лет постарше, ещё на "Челюскине" надоела.

Встретили меня хорошо, с русской гостеприимностью. Так что пили мы много и долго. В поезд я подсел ещё во Франции, а осознал себя в живых уже на территории Германии, которую постарались проскочить без стрельбы и геноцида. А потом Антон Иванович долго не мог понять, почему нельзя доехать до Москвы через Брест и Минск, а нужно обязательно завернуть в Богом и людьми забытое захолустье. Вот и сейчас он тактично попрекал меня, поглядывая в вагонное окно на приближающуюся станцию.

— Право слово, Гавриил Родионович, куда Вы меня завезли? И ладно бы меня одного. Пожалейте других пассажиров. Они то в чём виноваты?

Я посмотрел на полковника. Тот, за спиной Деникина, подавал знаки, давая понять, что остальные попутчики на глаза генералу не попадались, и о содержимом нескольких вагонов он просто не знает. Вот болван. Это про Лаврентия. Неужели нельзя было меня предупредить?

— Но, Антон Иванович, Вы же знаете, что наша разведка доложила о готовящемся в районе Бреста покушении. Мы не могли рисковать ни Вашей жизнью, ни своими людьми, пытаясь предотвратить теракт на территории недружественного государства. Польша, в нынешние времена — это просто колоссальный рассадник троцкизма. Вот плюньте на улице в прохожего — обязательно попадёте в бомбиста.

— Приходилось мне умирять Польшу во времена оные, — Деникин улыбнулся

собственным воспоминаниям.

— Вот видите? Они этого не забыли. Мстительные дикари. А тут ещё троцкисты. Потому и пришлось Польшу проехать ночью, кружным путём, не заезжая в крупные города.

— Но есть же график движения поездов?

— Здесь? Вы меня удивляете, Антон Иванович. Это не Германия, где даже поездные грабители покупают билет в кассе. Тут же вековые традиции шляхетской вольности. Расписание ограничивает свободу, а потому поезда ходят ориентируясь по чувству справедливости машиниста, скорректированного в традиционной потасовке с кочегаром и кондуктором. Да и забудем про них.... Сейчас остановимся ненадолго, наберём воды, и побредём далее, благословясь.

— Побредём, — устало согласился генерал, протирая глаза. — Но сначала хотелось бы выспаться. Замучили вы меня, господа-товарищи. Преферанс, конечно, дело хорошее, но не сутки напролёт.

— Замечательная мысль, — подхватил Берия-младший, — отдохните. Всё равно ничего интересного.

— Пожалуй, что так. — Генеральский окурок вылетел из окошка остановившегося поезда и упал на крышу собачьей будки. — Разбудите меня уже в России.

Я подождал, пока дверь в купе закрылась, и ухватил хитроумного полковника за рукав.

— Лаврентий, признавайся, он что, совсем ничего не знает?

— А как ему об этом рассказать? Не согласится же, товарищ генерал-майор. Рыцарь белой мечты, мать его....

— Ты выражения выбирай, полковник.

— Извините, Гавриил Родионович, это от растерянности. Только Деникин в любом случае не пойдёт на прямой захват власти. И бумаги Ваши ему показывать бесполезно. Обрадуется, конечно. Может быть, даже в рамочке на стену поверит. Но не более....

— И что делать? Ты же разрабатывал операцию? Название звучное придумывал. В переводе с немецкого — "Подкидыш"?

— Он самый, — Берия знакомым жестом поправил пенсне. — Только я надеялся на Вашу помощь. Мне брат сообщил....

— Вот тебе, а не помощь, — мой кукиш упёрся в нос Лаврентия. — Выкручивайся сам. Не знаю как, но чтоб к вечеру доложил об исполнении. Распустились, каналы.

Я вдобавок погрозил Палычу-младшему кулаком, и выпустил на платформу давно просившегося на прогулку такса.

— Не хулигань. И не охоться без меня. Собака.

И успел ещё заметить, какими умоляющими глазами проводил Берия-младший грозного охотника на полярных медведей.

Глава 21

Пахнут мусорные кучи.

Хулиган собачку мучит.

А чему нас жизнь учит?

А ничему она не учит.

Тимур Шаов.

Антон Иванович прошёл в своё купе и расстегнул тугой воротник. Душит, зараза. Но перед красным генералом не гоже ходить расхристанным. Пусть видит перед собой образец настоящего военного человека. А то сам.... Кстати, что же у Архангельского не так? Что-то на ум ничего не приходит. Ширинка? Нет, всегда застёгнута. И сам он всегда в отутюженной форме из тонкого сукна, выбритый до синева. Даже сапоги сияют. И перегаром от него не пахнет, будто и не в Красной Армии служит. И каким чёртом тогда занесло в Рабоче-крестьянскую? Ну, да Бог ему судья.

Помянув Всевышнего Деникин перекрестился на висевший на стене походный киот, с

которым не расставался уже много лет, и растерянно охнул. Никола-чудотворец на иконе вежливо поклонился, виновато развёл руками и показывал пальцем на соседний образ.

— Чудо Господне! — Прошептал генерал.

В ответ что-то захрипело, свистнуло, и после недолгого шипения послышался голос:

— Извините, товарищ Деникин, но Вашими делами занимается военное ведомство. Со всеми вопросами и предложениями к архистратигу Михаилу. Переключить?

— Д-д-д-давайте.

Предводитель небесного воинства козырнул Антону Ивановичу, а потом, подняв голову, прокричал куда-то навверх.

— Изя, слышишь? Добавь мощности, а то я тут в серебряном окладе — экранирует. Да, вот так нормально. Что? Да как я Гавриле привет передам? Так он опять генерал? Что? И ему не надоело за столько лет?

Архангел, наконец, настроил связь и обернулся:

— Извините, работа.... А я к Вам по делу.

— Ко мне?

— Разве тут ещё кто-то есть? Разве что Никола, но он штатский — не считается. Понимаете, тут такое дело нарисовалось. Как сказать-то попроще? Ага, вот.... Почему бы Вам не принять на себя тяжёлую ношу Божьего испытания? В тот смысле, что там, наверху, принято решение назначить Вас Великим Князем Литовским. Нет-нет, не торопитесь возражать. Представляете, на каком уровне обсуждалось? И в конце то концов — Родина-мать зовёт!

— Извините, — поражённо выговорил Деникин, — а что Господь?

— А он чего? Господь не против. Даже, скажу по секрету, это была его идея. Или, думаете, у него есть другая Родина?

— Значит на небесах...?

— Что? А.... Ну конечно же благословляем. Как же без этого? А может, заодно и тамошних язычников окрестите? К вящей славе, так сказать.

— Но они уже христиане.

Михаил заглянул куда-то себе за спину, посмотрел, и пренебрежительно отмахнулся рукой:

— Ерунда. Римско-католическое не считается. Так что ещё раз благословляю. Дерзай, родственник.

— Цок! Цок! Цок!

Ранним утром на пустынной платформе не так уж много звуков, разве что чуть пыхтит от усталости чумазый паровоз. Но и он не смог заглушить приятный уху и волнующий сердце стук точёных каблучков.

Да что уху, такую божественную музыку старый железнодорожник слышал спинным мозгом. Погодите, господа, что значит старый? Немного пузо подтянуть, забыть ненадолго про проклятый радикулит, подкрутить аккуратные стрелочки набриолиненных усов — и хоть сейчас в костёл. На отпевание. Тьфу, чёртас, под венец. Он специально не торопился поворачиваться, пусть поближе подойдёт прекрасная незнакомка. А в том, что она прекрасна, можно было не сомневаться. Слышите?

— Цок! Цок! Цок!

Только стройные изящные ножки могут издавать такой чарующий перестук, тревожа и заставляя вскипать волной и без того горячую литовскую кровь. Наверняка пассажирка с этого поезда. Французенка, не иначе. Толстопятые немки, словно тюлень лапами шлёпают, а не копытцем бьют, несмотря на всю свою схожесть с лошадьми. Особенно с лица. А эта.... Какая она? И ведь точно идёт к нему. Больше на перроне и нет никого. Только беспокойный Шарикус в будке, но он не в счёт.

— Цок! Цок! Цок!

Вот сейчас приблизится, окликнет на своём языке ангельским голоском, спросит что-

нибудь. Езус Мария, как же с ней разговаривать? Как объяснить таинственной незнакомке, что зовут его Казимирас Ионаускас. Как сказать что холост, что сердце его не занято? А все разговоры про соседку, соседкину свекровь и соседскую бабушку — не более чем гнусные наветы русских агентов ОГПУ.

Стоп! Русские.... А вдруг это большевистская комиссарша возвращается с выполнения задания с окровавленными по локоть руками? На поезде написано "Париж — Москва". Нет, вздор. В этом случае за спиной раздавался бы скрип кожаной тужурки и шлёпанье мокрых валенок. А тут....

— Цок! Цок! Цок!

Казимирас медленно повернулся, смакуя томительный момент перед встречей с прекрасным. Что...? А где...? Куда...? Сзади, как и прежде, не было ни души. Наваждение? Вот до чего коммунисты довели! Железнодорожник снял фуражку, вытер выступивший, несмотря на мартовский холодок, пот, и прислонился к столбику. Нужно срочно обратиться к врачу! Или в политическую полицию. Русский поезд привёз в Литву заразные галлюцинации. Да, это точно они. Слышите..., слышите хрустальный перезвон ручейка? Словно по весне вошёл в сосновый лес, что насквозь просвечивается солнцем, и забрёл по колено в прозрачайшую воду. Проклятые галлюцинации. Всё как наяву, только ногам тепло. Но это от горячего бреда.

Внизу, у самой земли, что-то фыркнуло, и Ионаускас опустил голову. Длинная собака на кривых ногах, с лисьей мордой и болтающимися ушами опустила ногу и побежала дальше по своим делам.

А длинные когти по растрескавшемуся асфальту:

— Цок! Цок! Цок!

Такс спешил. Чувствительный нос бывалого охотника чуял запах костра. А что он обозначает? Правильно — шашлык. Нужно только тихо-тихо подойти к пирующим, чинно усестся на виду, и провожать каждый кусок жалобными глазами голодного дистрофика. Кто откажет? Главное, чтобы под рукой ни у кого не оказалось палки или обломка кирпича.

Он остановился и ещё раз вдумчиво принюхался. Вот оно! Нет, что-то не так. Чихнул и недоумевающее покрутил головой. Какие странные люди тут живут. Наверное очень бедные. Иначе зачем, вместо дров или древесного угля, собираются жарить мясо на горячей собачьей будке? Так не делается.

Нехорошие предчувствия заставили такса распластаться на грязном асфальте, благо короткие ноги позволили сделать это мгновенно. Сверху просвистел брошенный мстительным железнодорожником фонарь. Промаях. Нет, попал. Только в будку, тлеющую от удачно приземлившегося окурка деникинской сигареты. Вспыхнувший керосин широким веером плеснул на стену вокзала, где из-под штукатурки проглядывали чуть подгнившие брёвна.

— Вот я тебе! — Казимирас погрозил кулаком охотнику и бегом скрылся в одной из дверей выходящих на платформу.

"За специями пошёл", — решил такс, мысленно прикидывая, где же может быть спрятано мясо. Не считать же таковым безродную дворнягу, что, выпучив в ужасе глаза, безуспешно рвётся со своей цепи?

Кажется, Ионаускас не смог отыскать перец и лаврушку, и потому через пару минут выскочил с двустволкой в руках.

В это же самое время в одном из вагонов мирно продолжалась затянувшаяся с вечера пирушка. Господа офицеры изволили устроить небольшой проворот. Всё в рамках приличий. Никаких баб-с, по причине полного отсутствия оных в поезде.

Полковник Дёмин поставил пустой стакан на столик, погладил объёмистый живот, и тяжело вздохнул:

— Эх, господа, научишься в скитаниях по заграницам употреблять всякую гадость.

Разве это коньяк? Вы помните, какой он должен быть настоящий?

— Шустовский?

— Ну, вспомнили. Хотя бы армянский, каким нас Юденич в Эривани на Рождество угощал. Запомню, в каком это году?

— Это когда Вы, Николай Константинович, козла шашкой рубили?

— Перерубил же? А не Вы ли, Дмитрий Иванович, изволили на него турецкую феску одеть?

Скуластый казачий офицер-забайкалец улыбнулся, вспоминая весёлые фронтовые времена.

— Вы же сами, господин полковник, убеждали меня, что Энвер-паша — рогатое животное с неприятным запахом. Сиречь — козёл.

— Я же не совсем это имел ввиду, — Дёмин взглядом измерил остаток коньяка в бутылке. — Впрочем, ежели мы бы тогда пили Шустовский....

— Поверите, в жизни его не пробовал. Только издали видел, — смущённо признался есаул Хванской.

— Думаете я его вёдрами хлестал? Единый раз только, обмывая первые офицерские погоны. Да и то зря. Разве можно запомнить и прочувствовать вкус, если перед тем пили шампанское, водку, и ярославскую мадеру?

— Сочувствую. А не знаете, что сейчас в Литве пьют? Грех ведь большой — проехать всю страну, и не приобщиться к местной культуре.

— За чем же дело стало, Дмитрий Иванович? Давеча мимо окошка абориген промелькнул. Если желаете, окликните его и пошлите в буфет.

Хванской надел выгоревшую фуражку с жёлтым околышем и достал из кармана бумажник.

— Только у меня местной валюты нет.

— И не нужно. Это же Европа. За франк Вас обцелуют с ног до головы, а за два франка на руках до нужного места донесут.

— Да Вы националист, Николай Константинович.

— Я? Ну уж нет, увольте, — не согласился Дёмин. — Просто не люблю инородцев.

— А как же...? — Есаул покосился на уснувшего уже князя Башарова.

— Алишер? Помилуй Бог, Дмитрий Иванович, причём тут татары? Я же Вам про нерусских говорю.

Полковник замолчал, привлечённый движением на платформе.

— Что же он делает, сука? Ложись!

Оба упали на пол одновременно. Заряд дробы кучно влетел сквозь оконное стекло и попал в зеркало на купейной двери. Есаул поёрзал, пытаясь сбросить со спины острые осколки, и сделал попытку подняться.

— Куда? У него двустволка!

Бабах! Второй выстрел не заставил себя долго ждать.

— Кто это?

— Какая разница, Дмитрий Иванович? Лучше помогите достать с полки чемодан с автоматами, пока эта сволочь перезаряжает. Вы что предпочитаете, "Томми" или "Штайр"? Уж извините, мосинки нет.

— Благодарю, Николай Константинович, предпочитаю свои. Привык, знаете, под рукой держать.

— Похвально. О, и гранаты есть? — Дёмин выбил прикладом останки стекла вместе с рамой и попросил. — И разбудите, пожалуйста, князя. Он же артиллерист, даже рядом со стреляющей гаубицей спать может.

— Так ведь он пьян, — засомневался Хванской.

— Удивляюсь я Вам, есаул. Разве это когда-нибудь может помешать русскому офицеру воевать? Вот помню своего первого командира, полковника Раевского, царствие ему небесное. Так он однажды....

Бабах!

Житие от Гавриила

Какая сволочь стреляла? Только голову на подушку положил, и на тебе. Неужели у Лаврентия получилось уговорить Деникина на решительные действия? Не может быть. За те десять минут, что мы расстались, этого сделать невозможно. Тогда что?

Вот заработали автоматы. Наши или не наши? Хрен знает, я только "Калашников" могу по звуку выстрела отличить. Ну, ещё ППШ, если его ничего не заглушает. А эти допотопные фузеи.... Резко сдвинулась дверь, и в проёме появилась расстроенная физиономия Берии-младшего. Да, забыл сказать — остальное тело тоже присутствовало.

— Товарищ генерал-майор, нападение на поезд! — Скороговоркой выпалил он.

— Кто?

— Пока неизвестно. Судя по всему — засада. Местный железнодорожник поджёг здание вокзала, видимо подавая знак, выстрелил по вагонам и скрылся на привокзальном рынке.

— Плохо, прокомментировал я неясность обстановки. — Рельсы впереди не разобраны?

— Ещё не смотрел, Гавриил Родионович.

— И не нужно самому. Пошлите четырёх офицеров с двумя пулемётами, пусть разведают. И ещё, Лаврентий Павлович, у нас в поезде нет бабы со снайперской винтовкой?

— Нет. Откуда она возьмётся? А Вам зачем?

— Читал я как-то одну инструкцию. Автора только не помню. Рекомендует как первейшее средство при обороне железнодорожных составов.

— Да? — Берия с сомнением почесал затылок. — Размер груди имеет значение? Ладно, поищу.

Палыч-младший скрылся из виду. Я вслед за ним выскочил в коридор и нос к носу столкнулся с Деникиным. Он появился из своего купе, на ходу застёгивая португую. Это не помешало генералу сразу ухватить меня за рукав.

— Гавриил Родионович, мне было видение.

— Чёртики? Если зелёные, то к дождю. Если голубые — к встрече с американским посланцем.

— Как Вы можете шутить в такой ответственный момент? Мне явился.... Да какая разница? Безбожным большевикам этого не понять.

— Антон Иванович, на улице стрельба, а мы тут будем религиозные диспуты устраивать? Тем более я не коммунист. Так что же случилось?

— Не знаю, поверите или нет, но приказом свыше на меня возложена ответственная задача. Извините, но передайте Сталину, что я не смогу приехать в Москву. Мой долг — освободить эту землю от захватчиков и возродить Великое Княжество Литовское.

Громкий топот ног и лязгнувшие в тамбуре двери были ему ответом. Звенящий крестами полковник ввалился в вагон и насторожённо повел по сторонам автоматным стволом. Посторонних не обнаружено. Он подошёл к нам поближе, щёлкнул каблуками и вытянулся, втянув изрядный живот.

— Ваше Высокопревосходительство, первый и второй батальоны сводного офицерского полка подняты по тревоге и занимают оборону. Третий и четвёртый начинают захват банка, почты, телеграфа и спиртзавода. Прикажете выкатывать артиллерию?

— Какой ещё полк? Какая артиллерия? Николай Константинович, голубчик, Вы здесь откуда? — Разволновался Деникин.

— Из Парижа, Антон Иванович. Это ежели в глобальном масштабе брать, а так — из соседнего вагона.

— Каким образом Вы там оказались? Мне ещё месяц назад доложили об исчезновении большой группы офицеров. Я уже думал....

— Извините, дело было срочное. Просто не успели известить. А сейчас мы назначены в Вашу охрану приказом генерал-лейтенанта Каменева.

— Не понял? С каких это пор офицерами РОВСа командует большевистский министр? Кажется, настала пора моего вмешательства.

— Это я Сергея Сергеевича попросил. В наших же общих интересах. А вы, господин полковник, идите, командуйте. Не отвлекайте Антона Ивановича такими мелочами от действительно важных проблем.

— Значит пушки...? — Уточнил Дёмин.

— Да по мне хоть бомбардировщики.

— А есть?

— Вы меня спрашиваете? Ближайший военный аэродром — в Паневежисе. Нужны самолёты? Сходите и возьмите!

— Слушаюсь, товарищ генерал-майор! Антон Иванович, разрешите идти?

Командир сводного полка опять стукнул каблуками и убежал, растоптав по дороге проводника, несущего чай на подносе. Деникин проводил полковника взглядом и перекрестился.

— Вот он — знак! А Вы, Гавриил Родионович, какую должность в Советском Союзе занимаете? По какому ведомству? Простите уж старика за любопытство.

— Должность? — Переспросил я, затягивая время. И чего заранее не озаботился, не придумал, что буду врать? Сказать ту же правду что и Сталину? Или просто правду? Нет, рано ещё. Да ладно, выкручусь как-то по ходу разговора. Первый раз что ли? — Я как-то без должностей обхожусь, Антон Иванович.

— Но чин генерал-майора предполагает....

— Определённое место в военной или государственной иерархии? А вот у меня его нет, представьте себе.

— И, тем не менее, нарком обороны исполняет Ваши просьбы?

— Полно Вам, это же он не по своей инициативе. Я Иосифу Виссарионовичу в телеграмме намекнул....

— Вот оно как, — покачал головой Деникин, — даже так. Пойдите, а генерал Архангельский, что сейчас на "Челюскине" в Ледовитом океане — это не родственник?

— Зачем родственник? Это я сам и есть. А что? Наглядный пример превосходства советской техники. Сегодня на Северном полюсе, а завтра в любой точке земного шара. Слышали про Чкалова? Лётчик от Бога. Вот и доставил на сверхбыстром самолёте. В Советской России прогресс не стоит на месте. Скажу по секрету — к нашей авиации сам Капица руку приложил. Точнее — голову.

— Верю-верю. Вполне такое может быть. — Но с генеральского лица не уходило сомнение. — Гавриил Родионович, Вы за что "Андрея Первозванного" получили?

— За взятие Хотина. — Гордо похвалился я и тут же прикусил язык.

Поздно. Ох, и дурак! Проболтался как...как..., да как последний debil и проболтался. Забыл, с кем разговариваю. Это товарищу Сталину, замученному самообразованием, можно было лапшу на уши вешать. И довольно удачно. Здесь такое не пройдёт. Среди выпускников Академии Генерального Штаба встречалось много придурков, но дураков не было ни одного.

Лицо Деникина озарилось широкой улыбкой.

— Всё сходится! Конечно же! Он — это Вы!

Не понял, меня тут за кого принимают? Неужели...? Как бы за самозванство, по возвращении домой, неприятностей не отхватить.

— Он — это кто? — Нужно уточнить. Но на всякий случай отодвинемся подальше. Мало ли что, вдруг опять видение?

Антон Иванович вслушался в удаляющуюся в сторону города стрельбу и пояснил:

— Разве Вы не слышали..., ох, извините. Возможно, Вы сторонитесь мирской славы. Но тем не менее. Ещё в бытность мою совсем зелёным юнцом, только-только надевшим юнкерский мундир, пришлось мне услышать легенду, до сей поры имеющую место быть

среди офицеров старого производства.

Ага, становится интересно. Мало того, что сделали из меня один из объектов религиозного культа, так ещё и в местную мифологию стараются определить. Категорически не согласен. Ладно, послушаем дальше.

— Я говорю о Вечном Генерале, Гавриил Родионович.

Ну что тут сказать? Знать ничего не знаю. Ведать не ведаю.

— Да что Вы говорите?

— Дело Ваше, господин генерал..., фельдмаршал? Можете не признаваться. Но я всё равно останусь при своём мнении.

— А что уж сразу меня в генералиссимусы не произвели, Антон Иванович?

— Помилуй Боже, — ещё раз перекрестился Деникин. Что за привычка? Как вентилятор, право слово. — По преданию, Вечный Генерал покинет наш мир, как только получит это звание. А пока появляется в трудные для России времена. Ну когда они были у нас лёгкими? Вот так и воюет сотни лет.

Всё перепутали. Я же больше по географическим открытиям специализируюсь. А войны — это так, между делом. Когда уже действительно деваться некуда. Правда, чаще всего и некуда. Да, воюю потихоньку. Но давайте обойдёмся без такой вот экзальтации. А то дедушка явно начитался фантастики. Или это из нашего ведомства утечка информации произошла? Конечно, все эти легенды льстят моему самолюбию, но как потом работать? Может ещё и автограф попросит?

— Вы, Гавриил Родионович, не переживайте. Тайна будет сохранена, и этот разговор останется между нами. Понимаю, что не ради славы или наград стараетесь. Всё на благо Отечества.

Понимает он. А уж как я себя понимаю.

— Так что Вы предполагаете предпринять для решения литовской проблемы, Антон Иванович?

— Я думаю, что это скоро перестанет быть проблемой. Может быть, у Вас есть какие пожелания?

— Белоруссию не отдам, не рассчитывайте.

— Но как же исторические границы? Ладно, Бог с ними. А с Вильно что делать?

— Забирайте, а что с ним не так?

— Там же поляки.

— Да? Какие негодяи, однако. Впрочем, меня этот вопрос не касается.

— А меня?

— А Вам до них какое дело? Назначьте министра, вот он пусть и решает вопросы национальных меньшинств. Но это всё мелочи. Меня сейчас другой вопрос интересует. Не видели, куда пропала моя собачка?

Глава 22

*В городе оттепель,
Чавкает в лужах
Серый мартовский снег
Город весной ранней контужен....
Сергей Трофимов.*

Бежать! Только бежать. Собственная шкура, она дорогого стоит. И чего этот придурок прицепился, свинья злопамятная? Его хоть лапой кто тронул? Сколько раз твердили миру — никогда не вставайте между столбиком и собакой. Что непонятного? Ой, снова прицеливается. Отстань, противный.

Такс стремительно бежал по привокзальной площади, стараниями местных жителей превращённую в рынок. Мимо мелькали прилавки, горшки, кадушки, опять горшки, козы. Ещё козлы всякие товар выкладывают и вяло переругиваются с ранними покупателями на

нерусском языке. И под ногами мешаются. А чего они орут-то? Ну, подумаешь, укусил. И что? До крови? Эка беда, не надо было свои ходули расставлять где ни попадя. А вот носки менять стоит почаще. Тьфу, противные.

Бабах! Что это? Сильный дождь неожиданно пошёл или это кровища растерзанных врагов? Рано ещё, пока никого не разорвал. Но вынудят, гады. Очередной выстрел вдребезги разнёс выставленные аккуратными рядами жбаны с пивом, окатив беглеца с головы до ног. Домашнее. Гадость негазированная, пора бы и научиться. И как его теперь пить? Разве что чуточку, для утоления внезапно проснувшейся жажды? Вот тут один кувшинчик при падении почти не пострадал, только горлышко немного откололось. Ну и что, что запах останется, всё равно от шкуры за версту кислятиной этой прёт. Хозяин будет недоволен? Не его же пиво, чего жадничать?

Это кто ещё лезет? Ага, не нравится? Острые зубы с лязгом медвежьего капкана сомкнулись на толстой ляжке, и незадачливый защитник разбитой посуды повалился на гору клеток, из которых доносилось недовольное кудяхтанье. Правильно вот достойное место! Падение спасло пивовару жизнь. Видимо у Ионаускаса кончились патроны с дробью, и он перешел на волчью картечь, которая только сбила шляпу с торговца и проредила куриные ряды.

Пух и перья, разлетающиеся в разные стороны, у некоторых посетителей рынка вызвали весьма нездоровые ассоциации и настроения. Кто-то уже стал примеривать мысленно ермолки на прохожих. Распахнулось окошко ближайшего дома, и внушительных габаритов красавица, с усиками на верхней губе и бородавкой на носу, заверещала на всю площадь:

— Лейба, ты где? Немедленно иди домой! Ты разве не видишь, что мы таки имеем начинающийся погром?

Услышав заветное, манящее своей внутренней силой слово, толпа внизу заметно разволновалась. А в ответ донеслось:

— Но Бетя, солнышко моё, это гораздо безопаснее, чем кушать завтрак, приготовленный твоей мамой.

— Не трогай мою маму!

— Золотце, какие гнусности у тебя на уме! Ой, смотри, собачка! Она наверняка из наших. Нос, так вообще точь-в-точь как у дяди Рувима. О, да это же кобель. Бетюнчик, глянь, он больший мужчина чем наш сосед Хаим. Точно тебе говорю.

— Глупости ты говоришь, у Хаима раза в два больше будет.... Ой, Лейба, зачем ты отнимаешь у Казимираса его ружьё? Немедленно верни эту гадость. Я же имела ввиду именно нос!

Начавшаяся потасовка за обладание оружием позволила таксу немного перевести дыхание. Действительно, почему бы господину Ионаускасу не пристрелить ветреную Бетю? По ней и промахнуться сложнее. Не можешь сам, предпочитая издеваться над беззащитной собакой, отдай двустволку ревнующему мужу. Что говорите? У взбесившегося железнодорожника нет мужа? Странно, а на вид — сука ещё та.

Скрипнула дверь полицейского участка, расположенного, как и все государственные учреждения городка, поближе к единственному центру цивилизации — вокзалу. Охотник, замаскировавшийся в корзине с яйцами, увидел, как на каменную ступеньку опустился сапог громадного размера. Потом второй. Их владелец прокричал, перекрывая шум рынка и вопли кое-где вспыхнувших драк:

— Что здесь происходит?

Тут же нашлось много желающих прояснить ситуацию представителю власти.

— Господин Арлаускас, это погром. — Начала рассказывать молодящаяся молочница в старомодном чепце.

— Вздорные вещи говорите, пани Кшиштина, — перебил её худощавый старик, — это нападение марсиан, подстроенное большевиками. Не читали в газетах про зенитные пулемёты? Вот как раз против них и защита. И откровения русского графа Толстого про

полёты на Марс не читали? Впрочем, что взять с неграмотной дуры?

— Это я то неграмотная? Да я с самым директором гимназии сплю. Лучше скажите, зачем марсианам устраивать погромы в нашем городе?

— Да ты польская шпионка! Отдавая назад Вильнюс, курва!

— Не слушайте их, господин полицейский, — вмешался в перепалку ещё один доброхот. Только я могу сказать правду. У меня родственник в политической полиции служит.

— Дворником, — ехидно уточнил сторонник инопланетного вторжения.

— А Ваше какое дело, господин аптекарь? Я тоже дворник, но это не мешает начистить рожу паршивой клистирной трубке.

— Как ты меня назвал, козёл?

Смачная плюха пришлась точно в ухо служителю метлы и лопаты. Он в долгу не остался, разбив нос многоуважаемому собеседнику. К противоборствующим сторонам с удовольствием присоединилась добрая половина присутствующих. Вторая половина деловито грабила оставшийся без присмотра товар. Начальник полиции долго наблюдал за народным весельем, но когда чей-то выбитый зуб ударил прямо в глаз, а на недавно пошитой шинели повисли кровавые сопли, не выдержал и он.

— Отставить! Прекратить! Остановиться! Я приказываю!

Бесполезно. Тогда пришлось пойти на крайние меры — вытащить из кобуры вытертый почти добела револьвер и выстрелить в воздух.

Толпа отхлынула. Но в ответ со стороны вокзала застучал ручной пулемёт, и зазвенели жалобно осыпающиеся окна домов. Вслед за пулями на площади вдруг появились люди в узнаваемой старшим поколением форме.

— Русские идут!

Люди в панике бросились в обратную сторону и сшибли с ног господина Арлаускаса. Он покачнулся, безуспешно взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, и грузно уселся в стоящую неподалёку корзину. Громко хрустнули яйца. "Ладно ещё куриные." — грустно подумалось таксу. Обманутый кажущейся безопасностью своего убежища, он возмущенно рывкнул и вцепился в ближайшую к нему часть тела полицейского.

— А-а-а-а! — Яростный вопль заставил наступающих бойцов остановиться и залечь на грязный мартовский снег.

— Подождите, господа, командовавший ротой капитан Трошин предупреждающе поднял руку. — Кажется, литовцы выпустили против нас стаю голодных львов.

— Похоже, — согласился немолодой уже поручик. — Приходилось в Тунисе встречаться. Эх, сейчас бы родную трёхлинеечку.

— Нужно вызывать подмогу, — решил командир. — Дмитрий Данилович, будьте так добры, дайте красную сигнал.

Ракета с шипением улетела, а к Трошину подбежал один из взводных.

— Господин капитан, по цепи передали — на крышах снайперы.

— Где?

— Вон там, левее костела. Видите, оптика бликует?

— Сволочи, заранее приготовились.

— Может, попробовать дворами с тыла зайти, Виктор Владимирович?

— Попробуйте. Постарайтесь хоть одного живым взять.

Седой поручик хлопнул взводного по плечу:

— Сиди, я сам схожу. Тряхну стариной. А ты ещё навоюешься.

Молодой офицер расстроено посмотрел на командира. Но ротный подумал и кивнул:

— Хорошо, Данилыч. Только возьмите с собой ещё двух человек, мало ли что.

— Да ладно, что со мной случится. Ты лучше за молодёжью присмотри. Видишь, развалились, задницы отклячили? Двадцать лет в юнкерах, мать их....

Трошин сплюнул в снежную кашу под ногами и отдал приказ окапываться. Но

разглядел в редких проталинах брусчатку и поправился:

— Или пусть стоят баррикаду.

Уже целых пять минут майор Джордан Эшли Бадминтон пребывал в прекрасном расположении духа. В скучную и монотонную жизнь вольного корреспондента, а по совместительству и резидента одной из многочисленных британских разведок, вошло некоторое разнообразие. Он с раннего утра поднялся на крышу местной ратуши с фотоаппаратом, чтобы запечатлеть на память панораму маленького городка на границе цивилизованного мира с Советами. Городка, будь он проклят, в котором имел несчастье прожить долгую неделю, дожидаясь поезда на Каунас. Была, знаете ли, у майора такая привычка — запечатлеть.

Да и к жалованью неплохая прибавка получается. Вот этот кадр с удовольствием опубликует "Дейли Телеграф" — "Блошинный рынок на месте разрушенного большевиками театра МХАТ". Или удачно сфотографированная драка рыночных торговцев пойдёт под названием "Еврейские погромы в Ленинграде и Крыжопле". Но самый настоящий шедевр получился только что, когда по улице пробежал местный начальник полиции с висящей на причинном месте собакой. Немного подретушировать, и готово — "Советские войска вторглись на территорию независимого государства и затравили до смерти литовского пограничника". Не длинновато получилось? Тогда это в "Таймс", там подписи оплачиваются дополнительно. Вот только полицейского придётся застрелить. Сказано до смерти — джентльмены врать не могут.

Кстати, господа, а что это за стрельба была? Неужели в кои то веки угадал, и на самом деле погром? Сэр Бадминтон вытянул шею, стараясь разглядеть источник шума. Что это? Неужели? Да это же сама удача улыбнулась майору во все свои сорок четыре зуба. Нет, не ошибка. Только у владычицы морей есть такое зубастое счастье. Боже, храни короля!

Англичанин, чертыхаясь не хуже лондонского докера, хлопал себя по карманам, отыскивая новую кассету с фотоплёнкой. Забыл поменять. И надо же было потратить последние пять кадров на полисмена с собакой. Где же она? Так ведь можно всё пропустить и не успеть заснять начало русской агрессии. Конечно же, наглой, вероломной, и ничем не спровоцированной. А что ещё ждать от азиатских орд?

Ага, нашлась пропажа. Вот она, завалилась за подкладку плаща, где разошёлся небрежный шов, скрывающий тайное письмо премьер-министра.

Бадминтон лихорадочно крутил в руках камеру, в страшной спешке позабыв, где находится рычажок перемотки. Быстрее! Ещё быстрее! Ну еще... Всё, успел. Щёлкнула крышка, и аппарат готов к работе. А русские остановились. Они хорошо были видны, лежащие на снегу с автоматами в руках. Замечательный снимок, сотни на три фунтов вытянет. Или запросить гонорар в гинеях? И ещё можно рассчитывать на премию министерства.

Пожалуй, с таких денег стоит купить, наконец, и подарить жене шубу из русских мехов. А то бедняжка Лизи так жалуется на лондонские холода. Вот скажите, джентльмены, почему на белом свете существует такая несправедливость — в центре цивилизации, Англии, мех так дорог? А вот в России даже не могут оценить его по достоинству. Дикари, точно дикари. Мало того — пушных зверей используют в военных действиях, нимало не заботясь о сохранности их шкурок. Так нерационально использовать ресурсы.... Определённо, Карл Маркс был прав в главном — у русских нужно всё отнять и поделить.

Майор ещё раз внимательно посмотрел вниз. Нет, пока ещё не видно. Наверное, вторым эшелонам пускают. Но он обязательно будет — полный, большой, толстый, откормленный песец, что всегда приходит в Европу вместе с русской армией.

— Стоять, сука! Руки вверх! — Послышалась за спиной громкая команда.

Сэр Джордан Эшли Бадминтон от неожиданности вздрогнул, и фотоаппарат, кувыряясь, полетел вниз с пятнадцатиметровой высоты.

— Я вас всех буду бить через бокс! — Возмущённо закричал он и обернулся.

Громадный кулак приближался стремительно и неумолимо, закрыв собой всё небо. Поручик усмехнулся, полюбовавшись на свою работу, и коротко отдал приказ:

— Этого боксера вниз, к командиру.

Житие от Израила

— Жлоб ты, Миша, — бросаю я в микрофон, совершенно отчаявшись хоть что-то добиться от собеседника.

— Да ты сам..., - треск атмосферных разрядов заглушил возмущённый крик в наушниках.

Скажите, товарищи, ну как с ним ещё говорить? Жалко, что изображения пока нет, не хватило подручных средств у Кренкеля. А то бы заглянул в ясные глазки бесстыжего вымогателя, по ошибке называющегося родственником. Ещё бы лучше ухватить за пейсы, да мордой об стол. Хм..., может и эти технологии обдумать?

О чём это я? Ах, пейсы. Не подумайте чего, они были отпущены Михаилом ещё в бытность его хазарским каганом. Так и привык, копчёный. Это сейчас изгаляется, а тогда в вечной дружбе клялся, предатель. Правда, у меня за спиной сорокатысячное войско стояло. Думаете, мало? Ещё столько же лежало в лёжку, упившись, пардон, уставши при разграблении Саркела. Забыть своего позора не может, вот и куражится.

— Миша, добром прошу, помоги! Может быть в этот самый момент там Гиви героически погибает, от вражеской пули кровью истекая? А ты....

— Чай он не первый раз. Ты сам вот сколько коньки отбрасывал? — Поинтересовался Михаил-архангел.

— Это к делу не относится, — гордо вскинул я подбородок. — И потом, что за хамские выражения? Мы же завсегда в бою, красиво. И грудь в крестах, и дятел в ж... ой!

— Вот именно, — согласился голос в рации, — и сами вы дятлы. Надо же до такого додуматься — загрузить в поезд четыре батальона, в форме, при орденах, с пушками. Да там только личного оружия на стрелковую дивизию хватит. Вы чем думали, как обычно? Ещё упрекаешь, что не помогал? А кто всё это через три границы перетаскивал? Пушкин?

Я решил немного сбавить градус разговора и более спокойным тоном попросил:

— Ну, может, ещё чуть-чуть? Немного осталось-то. Как вы вчера с шефом здорово подыграли! Вот видишь, даже он поддержал.

Мой собеседник рассмеялся хриплым голосом, похожим на похмельное карканье тауэрских воронов:

— Чего он там поддерживает? Квасит, почитай, с самого Рождества. Ещё с католического.

— Он то, каким боком туда? Или...?

— Да нет, просто подрабатывал. Очень неосторожно подрабатывал.

— Понятно. А кто же тогда вместо него был?

— Не узнал? Это же Иннокентий Смоктуновский в гриме.

— Привет ему передавай. Погоди, а разве артистам к нам можно?

— Совсем Изя от загробной жизни отстал, — упрекнул Михаил. — Последний приказ по райским кушам, параграф восьмой. Советских актёров пускать беспрепятственно.

— Разве что так, — не стал я спорить. — Ну что, поможешь?

— Извини, но лимит чудес исчерпан. Ну что я тебе как маленькому объясняю?

Угу, будто не понимаю политику нашего руководства. Один мир — одно чудо. Рекламно-благотворительная акция. Ещё повезло, что перехватить успел. Вот только легче от этого понимания не становится.

А ещё нутром чую, темнит Миша. Явно на лапу хочет. Только дать нечего. Деньги? Не смешите. Может, тюленями расплатиться? Не возьмет, паразит. Знаю, конечно, от чего бы не отказался — от именной церкви. Прихожан вот не будет, кроме вышеупомянутых тюленей. А чего, пусть им проповедует. Привык, понимаешь, на всё готовенькое. Это мы сами

набаловали. В прошлый раз одну уже подарили. Будете в Нижнем Новгороде, зайдите в Кремль, посмотрите. Сам, лично проектировал. И с тех самых пор ни одна сволочь город не захватывала.

Сейчас что делать?

— Лаврентий Павлович, а ты чего всё молчишь?

Берия отвлёкся от своего ноутбука:

— Чего говорить? Спроси лучше, какая погода нынче на Земле Санникова.

— Я тебе дело.... А ты сказками....

— Ты спроси, Изяслав Родионович.

Мне осталось только пожать плечами и повторить вопрос. Лаврентий подошёл, протянул руку, и щёлкнул тумблером встроенного в приёмник динамика. Молчание, лишь изредка прерываемое судорожным иканием, было нам ответом.

— Ну, так что, Миша?

Сквозь шипение и свист донёсся ответ.

— Вы ничего не докажете.

Я удивлённо посмотрел на Берию.

— Это он про что?

Будущий святой с учёной степенью придвинулся ближе к микрофону, и, подавая мне руками непонятные знаки, принялся объяснять:

— Да не будем мы ничего доказывать, Изяслав Родионович. На самом деле — оно нам надо? Была Земля Санникова или не была, хрен бы с ней. Островом больше, островом меньше. А барон Толль все врёт.

— Чего врёт? — Голос Михаила сразу оживился.

— А про всё врёт. И про то, как ты туда атомную бомбу бросил....

— Какая ещё атомная? — Динамик задрезбезжал от возмущения. — Он и слова-то такого не знает. Обычные плановые испытания. Божий гнев, три тысячи сорок восьмая модификация, усовершенствованная.

— Вот видишь? А под удар совершенно невинные люди попали.

— Я их эвакуировал, — буркнул в ответ архистратиг.

— Живьём на небо? — Уточнил Лаврентий Павлович. — Можешь не отвечать, я лично снимал показания со всех участников экспедиции.

— Как ты их нашёл?

— Работа у меня такая. Так мне что с твоим досье делать? Могу поменять на небольшую услугу.

В эфире слышалось недовольное сопение главного архангела. И чего думает? Я бы согласился. Тут не только превышением полномочий пахнет, а как бы и не служебным несоответствием. Додумался — простых людей, как заслуженных праведников.... Да и за срыв экспедиции перья выдергают, и на крыльях тоже.

То, что предлагаем мы — так мелкое хулиганство. Михаил, видно, понял это, и с тяжёлым вздохом произнёс:

— Ладно, сделаю. Диктуйте текст.

Минут через пятнадцать, передав инструкции, я отключил радиостанцию, закурил устало, и спросил у Лаврентия:

— Как ты думаешь, не сорвётся с крючка?

— С моего? — Палыч соизволил тонко улыбнуться. — Это вряд ли. Госбезопасность дело знает. А у нас, как ни крути, Царство Божие, — государство, значит. Вот только я не понимаю, Изяслав Родионович, зачем мы Михаила к операции подключили? Неужели сами не справимся?

— Почему не справимся? Да без проблем. Можно даже сказать — вполне. Просто, знаешь, сидим мы тут во льдах, как челюскинцы...

— Так мы и есть — они, — невежливо перебил меня Берия.

— Что? А, ну да, конечно. Как-то из головы вылетело. Ну так вот... Сидим мы, и вдруг появляется начальственная рожа. Вся из себя такая сытая и довольная, что даже хочется в пятак въехать. Помнишь, как он с нами разговаривал до твоего шантажа?

— Какой же это шантаж, товарищ Раевский? Так, мелочь. Вот если бы тебя или Гаврилу Родионыча....

— Лаврентий испуганно замолчал, потому что я ухватил его за портупею и притянул к себе.

— Значит, у тебя и на нас есть досье? — от моего злого взгляда линзы в пенсне пошли мелкой сеточкой трещин. — Смотри, опричник, в царстве Божием демократия не в чести. Судиться не буду. Просто удавлю, и ни один адвокат до страшного суда не отмажет.

— Я же чего..., - Берия осознал свою ошибку и поспешно пошёл на попятную. — Я же образно говорю. Теоретически.

М-да, ладно, отпускаю жалобно скрипнувшие ремни. Вот, опять мысль потерял.

— Так о чём мы говорили?

— Про сытую рожу, — напомнил Лаврентий, копаясь в карманах в поисках нового пенсне, — только её по радио не видно было.

— Это ничего, воображение у нас богатое и нездоровое. Ну так вот.... Появился он тут со своим мелким чудом...

Берия захихикал и отвернулся. Гад, я же совсем другое подразумевал. Невозможно разговаривать.

— Что ты ржёшь?

— Все-всё, уже не смеюсь. Только я опять не пойму — чудо, конечно, дело хорошее, но как Михаил в Вильно попадёт, если в наш мир извне проникнуть невозможно?

— И не нужно самому. Зачем? Поставит литровину в техническом отделе, там за десять минут состряпают ему астрального двойника. А потом подселит его к какой-нибудь статуе. Лишь бы не напугал чего, как в прошлый раз с големом.

— Так это Миша был? То-то мне портрет того раввина показался странно знакомым. А почему за границей работал? Утечка мозгов?

— Ну, не в Москве же ему опасные эксперименты проводить? А Прагу не жалко.

— Прямо фентези какое-то, — недоверчиво хмыкнул Лаврентий.

— Выражения выбирай, — я погрозил строго пальцем. — Фентези — это когда гномы любят магов эльфийской любовью в позе дракона, а гоблины с орками им свечку держат. У нас — наука. Не путай.

Глава 23

*Так и гнали мы злодеев до соседнего села,
Перелесками, полями, погостами
И бежали супостаты, в чём маманя родила.
Испугались, значит, силу-то крёстную.
Сергей Трофимов*

Польша Вильно

Старый служитель, обметавший паутину в запущенной часовне Михаила-архангела, что пристроена к Виленскому кафедральному собору Святого Станислава, подслеповато прищурился, вглядываясь в тёмный угол, в котором почудилось подозрительное шевеление. Деревянная статуя, мирно стоящая в своей нише больше ста лет, вдруг сделала шаг вперёд.

Служка перекрестился, а скульптура, тем временем, превратилась в рослого воина в старинных доспехах и сверкающем шлеме, из-под которых кокетливо выбивались русые пейсы. Архангел повёл плечами, прислушиваясь к ощущениям от нового тела. Дубовата в суставах, конечно, но что ещё ожидать от старой древесины?

— Помяни, Боже, царя Давида и всю кротость его! — Громкий вопль заставил Михаила

недовольно поморщится.

— Чего орёшь, придурок?

— Не губи, владыка Иудейский, я обязательно отдам долг Ицхаку! Чем хочешь поклянусь.

— Почему крестишься неправильно? Католик? Лях непотребный?

— Из литвинов буду...еси, — служитель постарался придать своему ответу старомодность и бухнулся на колени, — Ремигиус Дирвялис зовут. По прозвищу Шимтас Бибис.

— Клички не интересуют, — архистратиг уже отвернулся, прощупывая оштукатуренную стену. В некоторых местах он простукивал кладку рукоятью неизвестно откуда взявшегося меча. И тихо бормотал себе под нос. — Здесь должно быть. И шестисот лет не прошло. Где этот кирпич? Ты, старый, когда часовню в последний раз перестраивали?

— Это пан меня спрашивает? — Дирвялис не спешил подниматься с колен. Кто их знает, этих древних иудеев, вдруг рассердится, и голову с плеч долой.

Михаил в досаде плюнул через плечо. И попал.

— Кому же ещё? Ну что за народ — название страны стащили, название национальности стащили, столицу ляхам отдали. Заначку в стене на чёрный день оставил — и ту попёрли. И вообще, вы что с собором сотворили? Почему он стал похож на театр оперы и балета?

Ремигиус в страхе поклонился как можно ниже, ударившись лбом в пол. Одновременно с этим он вспоминал, написано ли где о нелюбви царя Давида к классическому искусству.

— Это не я, Ваше Величество. Может быть Ицхак?

— И колокольную непотребного вида тоже он поставил?

— Нет, это итальянец был. Архитектор Аннус.

— Да? Интересная фамилия. Тогда понятно, почему она на член похожа — комплексы, всё по Фрейду. — Михаил бросил свои попытки отыскать спрятанный клад. — А с тобой то, что делать будем? Мне же режим секретности соблюдать нужно.

— Так я пойду? — литовец резво вскочил на ноги.

— погоди, — остановил его архистратиг, — чем-то ты мне понравился. Может быть, у тебя лицо такое располагающее? Или родной перегар ностальгию навевает? Может, мы ещё подружимся?

— Я... со мной... согласен! — служка сделал попытку поцеловать архангелу руку.

Михаил её резко выдернул и возмутился:

— Ах, ты кусаться?

— Простите, Ваше Величество, я только облобызать. Умилённо приложиться к высочайшей длани...

— А вот этого не надо, не люблю. И чего, кстати, ты меня всё Величеством называешь?

— Так ведь это... уважение, так сказать. Не каждый день с живым царём Давидом встречаюсь. Всё больше с чёртиками. Ну, с теми-то вообще каждый вечер. Вот как сяду ужинать, так они по столу шмыгают — туда-сюда, туда-сюда. Один третьего дня в стакане утонул. Маленький такой, зелёный, прямо как огурец.

— А ты чего?

— Ну, так..., а я к кардиналу.

— А он?

— Чего он? Отпевать утопленника отказался. И вообще, сказал, что чертей не бывает. А как же их быть не может, если они есть? Вы в них верите?

— Пожалуй, что да, — Михаил решил не противоречить, во избежание осложнений.

— Вот, сразу видно образованного человека, — обрадовался Дирвялис, — а наш кардинал — неуч. И потому к нему по вечерам обычные мыши прилетают. Но в них уже я не верю.

— Летучие мыши?

— Нет, я же говорю — обычные. Только большие очень, розовые и с крылышками. Вот как у Вас.

— Чего у меня? — архангел бросил взгляд через плечо и с чувством выругался.

Опять технический отдел брак гонит. И что толку от двух бутылок армянского коньяка столетней выдержки, распитых совместно с академиком Капицей? Пётр Леонидович клятвенно заверил, что лично проследит за работой подчинённых. И что с того? Вот они, крылья, торчат прямо сквозь доспехи. Видимо, забыли к астральному двойнику блок иллюзий присобачить, умники.

— Римигиус, ты где?

— Тут я, Ваше Величество, — скромный служитель стыдливо спрятал за спину пузатую бутылку, с которой за секунду до этого общался нежно и страстно.

— Так мы друзья, или нет?

— Всенепременнейше и прямо до гроба! — Дирвялис радостно затряс головой. Потом лицо его омрачилось, тяжёлый, жалобный вздох вырвался из груди, и он протянул Михаилу свою стеклянную подругу. — Вот, не изволите? Как говорят русские в литовских сказках — горбатый хлеб делиться только на половинки.

— Спасибо, не нужно. Оставь себе, на поминки утопшего чёрта, — отказался архангел, чем весьма порадовал страдавшего от собственной щедрости Ремигиуса.

Оно бы, конечно, не помешало... накатить на душу грамм этак семьсот-восемьсот. Чисто символически, для куражу и поднятия настроения. Но неизвестно, как повлияет местный самогон на деревянную статую. Не хотелось бы потерять над ней контроль и стоять в пыльной нише чурбан чурбаном, пока не протрезвеешь. Бывали, знаете ли, прецеденты.

— Значит, от дружбы не отказываешься?

Старый литовец даже оскорбился такой постановке вопроса. Но тихо и молча, про себя. Разве от такого отказываются? Сам Давид, царь Иудейский, в друзьях! Теперь можно будет Ицхаку долг не отдавать, перебьётся. А ещё занять у пана Радзинского и пана Гордона, и тоже не возвращать. Есть уже кому пожаловаться, если деньги назад потребуют. А что? Судя по ромам, оба они из этих самых... понятно из кого.

— Давай друг любезный, раздевайся.

Неожиданное требование отвлекло Дирвялиса от планирования коварных финансовых операций и очень озадачило. Ой, в этой ситуации лучше сказать — озаботило.

— Ваше Величество, я не такой.

— Не понял, уточни, — попросил Михаил.

Литовец сначала надолго приложился к своей бутылке, и только потом, с трудом переведя дыхание, ответил:

— Секса у нас нет! Пардон, не то.... Как же в той газете было написано? А, вот, вспомнил.... Не могу поступиться принципами.

— Они то тут, с какого перепуга?

— Как же? Я старый человек, ещё в Империи родился и вырос. Вот не поверите, по утрам просыпаюсь, и сразу "Боже царя храни" пою. Куда уж мне новомодными демократическими штучками баловаться?

— Ах ты, гнида клерикальная! — Разъярённый архистратиг потянул меч из ножен. Деревянный муляж категорически отказывался их покидать. — Решил, что я тебя... того?

— Разве нет? — с робкой надеждой во взгляде предположил литовец. — А зачем тогда раздеваться?

— Дурень старый, — Михаил оставил попытки покарать нечестивца вооружённой рукой, — мне одежда нужна. Я что, к мессе в кольчуге выйду? И крылья неплохо бы спрятать. Думаю, твоя ряса как раз подойдёт.

— Так у меня же ещё одна есть. Почти что новая. Всего два раза в стирке была — к прошлой пасхе, и к праздничному богослужению по случаю трёхсотлетия дома Романовых. Принести?

— Стой, с тобой пойду. Нужно сначала самому посмотреть на сей артефакт. Ну, веди,

Вергилий.

— Нет, я Ремигиус. А брат Вергилий в тридцатом году с колокольни упал по пьяному делу. Сам виноват, разве можно столько пить на рабочем месте?

— А ты? В лечебных целях потребляю, от ревматизма. Сам кардинал не возражает, мне же доктор прописал. Всего за триста злотых, — пояснил слугитель, открывая перед Михаилом дверь.

Архангел шёл по узким, извилистым коридорам и сдержано матерился. Ну кто так строит? Или перестраивает? Ну да, первый раз он сжёг этот храм лет шестьсот назад, увлечшись модным в те поры язычеством. А что? Сам построил — сам спалил. Только вот за это получил по ушам от начальства, и, в наказание, был послан в Крым руководить местным ханством.

До сих пор при воспоминании о варёной баранине с души воротит. И если бы не послы от Гавриила с бочками медовухи.... История могла пойти совсем по-другому. Гиви, за столько лет, так и не признался, где лучших в мире прохиндеев на службу брал. Упоят бедного хана вусмерть, в кости обжужливают.... А утром, на похмельную голову, оказывается, что играли на очередной поход против Литвы. И, вроде как, вопрос с самим походом считался уже делом решённым, а на кону при игре стояли только его сроки.

Вот тогда и был разрушен костёл во второй раз. Или в третий? Столько его ломал, что со счёта сбился. Потом, кажется, при Елизавете Петровне ещё.... В привычку уже вошло.

Но до чего же настырный здесь народец живёт. И глупый, конечно. Неужели нельзя просто отстроить заново по установленному образцу? Нет, обязательно рюшечки-финтифлюшечки добавляют. Какой половинкой мозга думают? Ну тупые-е-е-е! Лишь бы из-за них на гастроли не опоздать, на год вперёд всё расписано. И ещё эти съёмки на телевидении на завтра назначены...

— Ты можешь побыстрее шагать?

Подстёгнутый строгим окриком, Ремигиус пулей взлетел по винтовой лестнице, и прокричал сверху, почти из-под самой крыши:

— Мы уже пришли, Ваше Величество.

Михаил поднялся следом, задевая крыльями за стены, и остановился у низкой двери, предусмотрительно распахнутой гостеприимным хозяином.

— Не погнушайтесь сим скромным пристанищем, — в разговоре Дирвялиса опять прорезалась старомодная велеречивость, — паче чаяния... и челом бьём.

— Постой, — архистратиг сам остановился, так и не войдя в комнату, — только сейчас заметил, что мы с тобой на русском языке разговариваем.

— Ну да, — согласился слугитель, — а на каком же ещё? Древнееврейского я не знаю, в латыни не силён. Что остаётся? Я и подумал, что каждый образованный человек обязан говорить по-русски.

— Но тут же вроде Польша пока?

— Так это пока, верно подмечено, Ваше Величество.

— Может, на литовский перейдём?

— Извините, — Дирвялис подозрительно огляделся по сторонам и понизил голос, — понимаете... дело такое... признаюсь как на духу, как отцу родному. Я и его не знаю. Я — русский.

— Да иди ты? — не поверил Михаил.

— Ей Богу, только не выдавайте. С восемнадцатого года маскируюсь, опасаясь за свою жизнь. Разрешите представиться — отставной унтер-офицер Роман Деревянкин, Ваше Величество.

— И ты молчал? Ну дед, конспиратор хренов, я же тебя совсем было собрался ликвидировать, как ненужного свидетеля. А теперь что с тобой делать? На земляка рука не поднимается.

— Земляка? — Поразился Рома и перекрестился уже на православный манер.

— А ты как думал? Мы, древние цари Иудейские, все до единого русскими были.

— И Ирод тоже?

— Зачем сразу о плохом? Вот он то, как раз из местных был. Но Ирод к древним не относится. Это уже при римлянах было. А тебе это зачем?

— Так патриотизм, Ваше Величество.

Архангел прошёл в каморку и уселся на ветхий топчан, сразу угрожающе заскрипевший под весом деревянной статуи.

— Но как же..., - всё недоумевал Деревянкин, ведь в Библии написано...

— Ну ты и скажешь. И так на русский народ всех собак вешают, а если и про это узнают.... И потом, что нам было делать? Всё сами, своими руками. Больше и некому. Хохлов просили, тоже очень древний народ, — отказываются. У иудеев сало под запретом.

— А как они туда попали?

— Кто, иудеи?

— Нет, хохлы.

— А, — отмахнулся Михаил, — каменщики. В Египте пирамиды строили. Правда, просили-то их совсем другое.... Но по пьяной лавочке углы завалили. Потом сорок лет от заказчика по пустыне бегали. Запомни, Деревянкин, — всё боится времени, время боится пирамид. А сами пирамиды боятся хохлов.

Отставной унтер-офицер долго крепился, не решаясь задать важный вопрос. Но вот собрался с духом и выпалил:

— А Христос?

— Что ты, Рома, как маленький? — упрекнул архангел. — Неужели и правда думаешь, что такое ответственное дело можно евреям доверить?

Деревянкин, потрясённый новостью до глубины души, промолчал и потянулся за лекарством от ревматизма. Но дрожащие руки подвели, и полная бутылка целебной влаги слетела с полочки на пол и разбилась с печальным звоном. Резкий аромат плохо очищенного самогона ударил в нос не хуже нашатыря.

— Завонял всю комнату, — недовольно проворчал Михаил, стараясь дышать через раз. — Окошко открыл.

— Оно не настоящее, — виновато пояснил Рома, пытаясь ногой затолкать осколки стекла под топчан, — оно не на улицу, а в храм открывается.

— Какая разница, пусть хоть немного проветрится. Глаза уже слезятся.

Крылатый гость сам подошёл к неправильному окошку, отбросил в сторону занавески, заросшие паутиной, и заглянул вниз.

— Ого, уже служба вовсю идёт, а ты молчал. Иди сюда, посмотри, знаешь кого?

Деревянкин встал рядом, вздрагивая всякий раз, когда случайно касался плечом крыла, и посмотрел сверху на собравшихся в соборе Святого Станислава.

— Всех знаю. Вон тот, что с посохом в руках, сам пан кардинал Ястржембский. А перед ним, видите, благословение принимает — это генерал Взбзднибыховский, начальник Виленского гарнизона.

— А этот, военный с бульдожьими щеками? — Михаил не культурно показал пальцем. Древний царь, какое уж воспитание.

— Полковник Криштафович, родственник самого пана Пилсудского. Командир конно-десантного полка.

— Чего ты мне очки втираешь, Рома? Разве такие войска бывают?

— В Польше? Здесь всё бывает. Вот только никак не научат лошадей с парашютом прыгать — копытом неудобно за кольцо дёргать. Каждый день по три десятка лошадок разбивается.

— Не жалко им животных?

— Не знаю, Ваше Величество, но у пана Криштафовича зять колбасную лавку в Кракове держит....

— Понятно, — кивнул архистратиг, — а они не пробовали прямо верхом прыгать?

— Как не попробовать? Только вот ни у кого не получается коня между ног удержать. Но тренируются. Рекорд полка — уже двенадцать секунд.

— Любопытно. А ты не слишком много знаешь для простого церковного уборщика?

— Обижаете, Ваша Царская Древность, русский солдат бывшим не бывает. Собираю потихоньку разведывательную информацию о противнике. Ниши придут, а у меня уже всё готово. Может быть, даже, наградят.

— Посмертно?

— Зачем? Можно сказать — жизнь только начнётся. Не надо мне помирать, рано ещё. Вот вернусь в православие, и обязательно женюсь. А пить брошу. Самогонку пить брошу.

— Хорошо, будет тебе орден. Лично похлопочу перед Деникиным. Мы, вроде как, и знакомы уже. А теперь отойди и не мешай. Это зрелище не для слабонервных.

Рома Деревянкин подвинулся, но не ушёл, через плечо архангела заглядывая в храм. Ничего интересного и зрелищного пока не происходило. Только Михаил вдруг застыл неподвижно, уставившись прямо в макушку кардинала Ястржембского, побледнел и вытянул руги ладонями вперёд.

Престарелый прелат, в очередной раз благословляющий высокопоставленную паству, вдруг резко выпрямился, забыв про годами лелеемую сутулость, с матерным криком переломил пастырский посох через колено и с размаху ткнул острым расщепом в объёмистый генеральский живот.

— Пся крев! Смерть польским оккупантам!

Стоящий вторым полковник Криштафович тупо смотрел на высунувшийся из поясицы начальника гарнизона окровавленный обломок. Генерал Взбзднибыховский странно всхлипнул, и стал заваливаться назад. Конно-десантник отшатнулся, откинув голову, и в этот момент точно под подбородок ударила другая половинка посоха.

А кардинал, вооружённый уже двумя палками, испачканными вражеской кровью, наступал на растерявшихся офицеров.

— Поляки, гоу хоум! Руки прочь от вольного Вильно! Попишу гадов!

Среди прихожан потихоньку разгоралась лёгкая паника, пока компенсированная искренним сочувствием к выкрикиваемым лозунгам и интересным зрелищем. Особо впечатлительные дамы начали падать в обморок, стараясь не помять платья и шляпки. И не закрывали полностью глаза, дабы в беспамятстве не пропустить дальнейшее развитие событий.

Польская часть паствы торопливо потянулась к выходу, где возникла небольшая давка с дракой и мордобоем.

А им вслед неслось:

— Бегите, кровавые псы санации. От народного гнева всё равно не скроетесь. Смерть польским оккупантам!

Несколько смелых добровольцев, помянув недобрым словом холеру ясну, которая запретила приходить в костёл с оружием, попытались скрутить атакующего кардинала. Контратака потерпела полную неудачу — один человек был убит метким фехтовальным выпадом, а второй отделался выбитым глазом.

А под сводами кафедрального собора гудел неожиданно мощный для сухого и старого прелата бас:

— Пресветлому князю Антону Ивановичу Деникину, всем болярам его, всему христолюбивому воинству его — многая лета-а-а!

Воодушевлённые примером духовного отца, некоторые набожные люди стали ломать лавки и бить польскую половину, благо специально разыскивать их не приходилось. Они почти все сгрудились у дверей.

Деревянкин, не будучи по натуре человеком слабонервным и впечатлительным, наблюдал за бойней с профессиональным интересом. И кажется, даже протрезвел. Только сам он этого не понял, потому что белая горячка с белыми крыльями никуда не делась. Вот, у

окна стоит.

— Сейчас бы по ним из пулемёта, — мечтательно произнёс отставной унтер.

— Ты что? — Михаил чуть отвлёкся от действия, которое, кажется стало настолько самостоятельным, что не требовало постороннего вмешательства. — Пулемет нельзя. Скажут — рояль.

— Вы правы, Ваше Величество, хорошо бы и рояль вниз сбросить. Только я его на такую высоту не затащу. А "Максим" с четырьмя полными лентами у меня в шкафу, с германской берегу. Но для такого дела — не жалко.

Внизу раздалось несколько выстрелов, а потом женский крик:

— Поляки нашего кардинала убили!

Рома выглянул в окошко. Военный патруль у входа уже добивали прикладами отобранных винтовок. Духовный пастырь с простреленной головой лежал на поле боя в окружении поверженных врагов. А в толпе уже появились стихийные лидеры. Один из них, приняв из рук павшего героя обломки посоха, потрясал ими над головой.

— Вперёд, братья, к победе! Выполним последнюю волю святого отца — поможем пресветлому князю Антону Ивановичу!

— Рома, — окликнул архангел служителя, — неужели здесь так любят генерала Деникина?

— Что Вы, Ваше Величество. Они даже не знают кто это такой. Но бить поляков, да ещё за правое дело — никто не откажется.

Глава 24

*Когда моя душа порвётся от натуги
Истрёпана вконец об острые углы,
Дай, Господи, сложить мне голову за други,
Влетев на всём скаку в безмолвье серой мглы.
Мы были заодно. Мы жили воедино.
И в жизни как один, стояли на своём.
Деля весь мир на две неравных половины —
На тех, кто против нас, и тех, кто не причём.
Сергей Трофимов.*

Литва, берег реки Невежис

— Николай Константинович, второй батальон залёг. Голову не дают поднять.

— Давайте сигнал на отход. И сообщите артиллеристам.

Полковник Демин с досады ударил биноклем в подтаявший снег. Проклятый ДОТ сидит на высоте, и пулемётным огнём прижимает бойцов к земле. И второй там же, неподалёку, прикрывают друг друга задницу. Братья Диоскуры, мать их Пенелопа. Уже появились первые потери — одно отделение, преследуя разбегающуюся охрану аэродрома, вышло к этой чёртовой горке и попало под прицельную очередь. Четверых сразу наповал, двое раненых. Один тяжело.

Медленно тянулось время. Слишком медленно. Кажется, отползли, оставив на склоне ещё две неподвижных фигуры.

— Ракету!

Рывкнули пушки, и вершина расцвела чёрно-красными букетами взрывов. Вторая попытка. Две полевых трёхдюймовки с тремя десятками снарядов на ствол — и около полутора метров железобетона. После прошлого обстрела только поднялись — и сразу под ответный огонь.

Сзади кто-то постучал по сапогу и полковник обернулся. Есаул Хванской, белея свежей повязкой на голове, морщился и осторожно прикладывал ладонь к затылку. На руке оставались пятна проступающей сквозь бинты крови.

— Уже на самом бруствере зацепило, — пояснил он. — Ерунда.
— Пленных допросили, Дмитрий Иванович?
— Да, — казак мрачно усмехнулся. — Там только один по-русски мог разговаривать. Остальным не повезло.

— Что говорит?
— В ДОТе не литовцы, те бы давно сдались. Или убежали при первых же снарядах. Там немцы — инструкторы и охрана какого-то важного чина из Германии, прилетевшего сегодня утром.

Вот зараза, хуже не придумаешь. Эти, в отличие от местных, воевать умеют. И сидит теперь гадская высотка костью в горле — и взять не получается, и за спиной оставить нельзя. С неё простреливается взлётная полоса и цистерны с горючим. Почему только не подожгли до сих пор? Видимо оставили в качестве последнего привета.

Что делать-то? И ведь, чёрт, придётся штурмовать, потому что посыльный от Антона Ивановича сообщил — в Минске готовы к вылету самолёты с добровольцами. Ждут захвата аэродрома. Да вот он, наш уже, а толку? Гансы никому не дадут приземлиться.

— У князя был, Дмитрий Иванович?
Хванской подполз ближе и устроился рядом, вытащив из кармана папиросную коробку. Полковник, не выносивший запаха трофейного табака, недовольно покосился, но промолчал.
— Был я у него. Матерится Алишер, как революционный матрос перед расстрелом. С загибами и коленцами. И мне досталось, и Вам.

— Этот может. А что, довелось матросов послушать?
— Угу, — кивнул есаул, и папироса сломалась в нервно дрогнувших пальцах. — Только не я, а они меня к стенке ставили. В Новороссийске при эвакуации. Совсем немного я на причал не успел, на костылях шёл, а тут они...

— Не знал.
— Я и не рассказывал никому. Башаров только и знает — это его батареи выручили, когда нас штыками добивали. Меня вот успели спасти, да ещё прапора одного. Его потом в Крыму убило, — Хванской достал новую папиросу. — Так с артиллеристами до Врангеля и добрался. Сам, правда не помню, без сознания был всё время, но князь говорил, что на лодке с рыбаками.

Новая серия разрывов, и Дёмин опять поглядел в бинокль.
— Есть! Прямое попадание в амбразуру!
— Вижу, Николай Константинович. Только рано радуетесь — в прошлый раз то же самое было, чётко засветили. Может быть у них броневые заслонки? Нет, вряд ли. Скорее всего, отнорков наделали, как в лисьей норе. Отстреляются по нам, а с первым снарядом — под бетонный колпак. Сидят себе сейчас, кофей пьют. Или шнапс.

— Это они могут, — кивнул полковник. — Время как раз обеденное.
При упоминании о еде офицеры переглянулись, и дружное рычание голодных желудков ненадолго заглушило грохот близких трехдюймовок. В победном шествии по Литве как-то не озаботились приобретением полевых кухонь, хотя не раз попадались брошенные разбегающимся противником. Некоторые даже с горячей кашей и супом. Нет, от трофейных харчей брезгливо воротили нос, предпочитая пообедать в ближайшем ресторане или трактирчике. Удивительная страна — численность населения не намного превышало количество разного рода заведений. И магазинчики на каждом углу, где продавалось всё, вплоть до контрабандных кондомов, но трудно было найти самый обычный хлеб. Может быть, лавочники его прятали, опасаясь вместо денег получить расписки с отсрочкой платежа на три года? Вот и приходилось набирать сухой паёк шпротами и солёным сыром. Да, странные люди. В ресторанах такой проблемы не было. Стоило усталому офицеру сесть за столик и положить автомат на крахмальную скатерть, как тут же возникал официант. Или как тут по-местному, шестёркас? Да не обеднеют же буржуи, тут все соглашались с большевиками, с пары-тройки кружек пива? Недурственного, надо заметить. Лучше него в этих местах варят разве что в Лиде, что под Гродно.

Но там сейчас поляки. Ну, ничего, — лиха беда начало. За три неполных дня почти весь север страны был захвачен. Правда, было приказано считать что освобождён. А с южной стороны вот-вот должны были перейти через границу три отдельных роты, составившие костяк антипольского восстания литовского народа. Никто не знал, что это за роты, и многие вспоминали своих товарищей по эмиграции, незадолго до того исчезнувших из Парижа по невыясненным причинам. Некоторое склонялись к мысли о возможном участии в деле остатков Последней Эскадры из Бизерты, но их домыслы отклонялись как смехотворные.

Только полковник Дёмин не гадал и не предполагал. Он знал точно. Ещё вчера был получен приказ — по занятии аэродрома подготовить его к принятию добровольцев и выйти на соединение с заброшенными в польский Вильно советскими пограничниками, выполняющими операцию "Красный реванш". Были даны точные инструкции, приметы красного командира и его псевдоним — Макс Имешкин.

Артиллерийский обстрел закончился, видно батарея князя Башарова выпустила последние снаряды, и роты опять начали подниматься. Короткими перебежками, прячась за осевшими сугробами, порой заходя в ближайших воронках, бойцы пошли вперёд, стреляя на ходу в сторону молчавшего ДОТа.

— Пару пулемётов бы на фланги поставить, — мечтательно произнёс есаул, поднимаясь в полный рост. — Прикрыть ребят хоть немного.

Дёмин тоже поднялся с земли и зло сплюнул в сторону.

— Не травите душу, Дмитрий Иванович. Знаю что нужны, только нет их. Сука, как на прогулку собрались.

— Да кто же знал? — возразил Хванской. — Литовцы драпали не сопротивляясь, даже танки побросали. Дерьмовые, правда.

— Что мне эти танки? Где они? Я и распорядился их сжечь. Предлагал же генерал Архангельский пару "Максимов" прихватить. Из тех, что у местного ополчения отобрали. Нет, отказался. Не захотелось лишних десять пудов с собой таскать.

— Будет вам на себя наговаривать, Николай Константинович. Против таких укреплений даже пушки не всегда помогают.

Будто в подтверждение этих слов амбразуры ожили, и Хванской еле успел повалить рванувшегося к ним полковника.

— Вы что себе позволяете, есаул? — крикнул Дёмин, тяжело переворачиваясь набок.

— Не пуцу, понял? — зашипел в лицо есаул, переходя на "ты". — Не твоё это дело, на пулемёты в атаку ходить.

— Там же мои...

— И мои тоже, и сам я уже там, — Хванской подтянул за ремень валяющийся рядом автомат, встал и побежал вверх по склону к залёгшим ротам.

Минут через двадцать он вернулся, тяжело дыша и пригибаясь под свист пуль.

— Ещё шестерых... Начали окапываться.

— Жалко. А я тут прохлаждаюсь.

— Ваше место сзади, Николай Константинович. И ещё... извините, не сдержался.

— Да ладно, Дима, оставим официальность. Не первый год вместе. К чему раскланиваться?

— Не скажите, командир полка, как никак.

Полковник в ответ только хмыкнул:

— Угу, полководец. Ни штаба, ни тыла. Даже адъютанта нет. И вообще — я же военный инженер. Моё дело мосты строить. Выбрали командовать, как старшего по званию.

— Кто же знал, что всё вот так обернётся? Вроде как в Москву с Антоном Ивановичем ехали. Зачем нам штабы нужны были?

Подоспевший посыльный отвлек и не дал ответить:

— Ваше превосходительство, на батарею прибыл генерал. Вас просит подойти.

— Хорошо, идём. А генерал какой? Деникин?

— Никак нет. Тот, который большевик. И собака с ним.

— Будь он неладен, — проворчал Хванской, отряхивая грязь с мокрых колен. — Его только не хватало. Будет тут всякая сволочь краснопузая нас воевать учить.

— Не любите Вы их, Дмитрий Иванович, — заметил Дёмин.

— А за что любить, простите? Я уж не говорю про сожжённые и разграбленные имения — дело благое, и сам бы участие принял. Тем более ни у Вас ни у меня их и не было никогда. Дело в другом.... Вот скажите мне, чем это прославился генерал Архангельский? С кем воевал? Когда, на каких фронтах? Неизвестно? А сейчас надуёт щёки важно, и потребует взять ДОТ через пять минут. Пошёл он к чёртовой матери, такой главнокомандующий.

— Но Антон Иванович прислушивается к его мнению.

— Ну и что? А я Советам не подчиняюсь. Что он предложит нового? Залить амбразуры бензином и поджечь? До них ещё доползти нужно. Сколько уже народу положили?

Вспомнив о потерях, полковник потемнел лицом и стиснул зубы.

— Вы идите вперёд, Дмитрий Иванович. Я чуть позже, пока к разговору подготовлюсь. Мандражирую что-то.

Есаул понимающе улыбнулся и снял с пояса обтянутую брезентом фляжку.

— Не желаете для храбрости?

— Коньяк?

— Спирт.

— Давайте. Да идите с Богом, догоню, — Дёмин подождал пока Хванской не повернётся, и перекрестил уходящего в спину. — Извини, Дмитрий Иванович, но там лежат, в первую очередь, мои люди.

Оставшись один, он открутил пробку у фляги и собрался, было, отхлебнуть. Потом резко остановился, вспомнив что-то. Достал из нагрудного кармана плотный бумажный пакет, и, открыв его, бережно развернул платочек с кружевами по краям и едва заметными инициалами в уголке.

Резкий выдох...несколько торопливых глотков...и приложил к губам тонкий батист, вдыхая едва уловимый и почти забытый аромат.

— И ты прости...

Николай Константинович с треском разорвал памятный платок на узкие полосы, растянул полевую сумку на боку, достал две гранаты и связал их между собой. Ещё раз посмотрел вслед есаулу, вздохнул, перекрестился, и неторопливо пошёл в обратную сторону.

Ещё не доходя до артиллеристов, есаул услышал дружный хохот и голос генерала Архангельского:

— ...И говорит он Олегу: — "В Торе написано, что на ворота захваченных городов полагается прибавать свой щит" А князь ему отвечает: — "Так гвоздей нет" А Мойша: — "Так у меня купи"

Батарейцы жизнерадостно заржали, вызвав недовольство генеральского такса, который, прячась за пустыми снарядами ящиками, в этот момент пытался зубами раскусить уворованную банку со шпротами. Изрядно помятые консервы сопротивлялись, но было видно — борьба неравная, и идёт с явным перевесом в сторону мощных челюстей.

На звук шагов Архангельский обернулся:

— А, Дмитрий Иванович, здравствуйте. Полковник задерживается?

— Здравия желаю, — поздоровался Хванской и пояснил: — Николай Константинович сейчас подойдёт.

И уже отвлёкся на капитана Башарова:

— Что у нас со снарядами, Алишер?

— Хорошо с ними, Дима, — ответил артиллерист, спокойно сидевший и куривший на лафете. — Вот без них плохо, кончились.

— Совсем?

— Ага, — подтвердил князь. — Вовсе и окончательно.

— Подвезти нельзя? — есаул покрутил головой по сторонам, пытаясь обнаружить генеральское авто. Неужели не мог бросить на заднее сиденье пару ящиков? Про собаку же не забыл, собака.

Машины нигде не было. Неужели верхом?

С высоты опять бешено застучали немецкие пулемёты, и разнёсшееся было "ура" утонуло в треске очередей. Башаров подскочил с лафета и пригнулся к прицелу.

— Наши опять поднимались, — пояснил он. — Кто-то почти до самой амбразуры дошёл.

— Разрешите? — Архангельский взял у одного из офицеров бинокль. — Действительно, метров двадцать осталось. Пойдите-ка... кажется к нам посыльный бежит.

— Ваше Высокопревосходительство, товарищ генерал-майор, — издалека ещё начал кричать запыхавшийся солдат, один из немногих рядовых в офицерских ротах. — Товарищ генерал, полковник Дёмин убит?

— Когда?

— Только что. Подполз с гранатами до самого ДОТа, приподнялся для броска, тут его и срезало. Мы на выручку пошли... Но что смогли под таким огнём?

— Не вытащили? — уточнил генерал.

— Куда там? По любому шевелению лупят.

— Может живой ещё?

— Вряд ли, с двадцати-то метров.

— Всё равно нужно попытаться.

— Да мы....

— Я и не упрекаю. Вы сделали всё что могли. Теперь моя очередь.

— Но, Ваше Высокопревосходительство..., — попытался возразить Хванской.

И был остановлен начальственным окриком:

— Вы мне указывать будете, господин есаул?

Таксу, рванувшемуся за хозяином, тоже досталось. Он молча выслушал матерный приказ оставаться на месте, обиженно поджал хвост, грустно повесил уши, забился в щель между ящиками и притих. Потому никто и не заметил, как он выбрался с обратной стороны и потрусил вслед спешащему генералу, стараясь маскироваться на редких проталинах.

А Архангельский уже полз по-пластунски на высоту, пробираясь от окопчика к окопчику, которые успела вырыть живучая пехота.

Сто метров до ДОТа. Немецкие пулемётчики заметили движение вниз и начали стрелять. Две пули ударили в лужицу перед самым лицом, больно хлестнув по щекам ледяным крошевом.

Пятьдесят метров. Уже хорошо виден полковник. Кажется не жилец — шинель на спине топорщится тёмными ключьями, и вокруг головы расплылось красное пятно.

Тридцать метров. Вот этот бугорок даёт небольшую мёртвую зону, в которой Дёмин готовился к последнему рывку. Видны отпечатки его локтей и кружевные обрывки какой-то тряпки с пятнами крови. Был ранен? Скорее всего, в левую ногу. Дальше видно, что начал её волочить за собой и потянулся кровавый след.

Гавриил подобрался вплотную и тяжело вздохнул — убит. Теперь осторожно взять за воротник и тянуть. Что за шум сзади? Кажется, отвлекают внимание на себя. Хорошо, молодцы, и знают же все, что для красного генерала рискуют. Ну...ещё чуть-чуть... Что же ты такой тяжёлый, Константиныч? Помнишь, двадцать, нет, девятнадцать лет назад? Это же твой взвод успел навести переправу.... Как ту речку звали? Неважно.... Мы отступали, а ты успел.... А я не смог. Извини, Константиныч. Меня не узнал.... А подаренная тогда сумка сохранилась. Её с убитого немецкого полковника сняли. А теперь они — тебя....

Архангельский всё пытался, стараясь скорее добраться до непростреливаемого участка, и вдруг остановился. В руке Дёмина так и осталась связка из двух гранат, судорожно сжатая в последнем движении. Гавриил Родионович осторожно отпустил шинель, потянулся, пытаясь достать, и чуть привстал над пригорком.

Пули ударили в грудь и плечо, опрокинув навзничь.

— Надо же... доигрался... а от ядра больнее.

Такс вжался в снег, спрятавшись за лежащим неподвижно офицером, и стучал зубами от страха. Холодный ужас заставлял подниматься короткую шерсть на загривке и делал ноги мягкими и непослушными. Большой Серый Камень громко лаял, огрызался стаями летающих ос, свистящих над головой. И уже убил Большого, от которого всегда так вкусно пахло колбасой и коньяком. Где же хозяин? Почему так долго? Нельзя близко подходить к страшному Камню.

Куда ты пополз? Загрызут.... Не слышит.... Нужно самому ближе.

В собачьем горле собралось рычание, но наружу вышло лишь визгливым поскуливанием. Он перебрался через убитого и пополз. Вот он, хозяин. Тащит Большого. Ты что, не видишь? Осторожно! У него в руке громкая смерть!

Хозяин, ты почему упал? Ты что? Ты почему лежишь? Нужно бежать, бежать, бежать. Подальше от злого камня.

Не молчи! Почему не погладишь? Не молчи! Вот он я — самый красивый и смелый. Я же пришёл к тебе. Не будешь ругаться? Почему ты смотришь в небо? Там нет меня. Не молчи. Я залижу твои раны. Мы завтра пойдём играть? Не молчи. Кровь.... Везде кровь. Вставай, нам нужно бежать. Хозяин, не молчи. Почему так много крови? Ты не можешь умереть.... Не смотри в небо. Там нет меня. Я же пришёл к тебе. Я в чём-то виноват? Где твоя рука? Ты только погладь, а кровь я вылижу. Ты не можешь умереть. А как же я? Хозяин, не молчи. Ты устал? Хорошо, отдохни, а я посторожу. Я сам загрызу твою смерть. Смерть? Где она? Хозяин, ты только подожди, не уходи без меня.

Такс рванул из руки полковника Дёмина связку, разрывая ещё тёплые пальцы, и бросился к вершине.

Суки-суки-суки-суки! Я буду вас грызть. Что так громко стучит внутри, мешая бежать? Суки! У меня ваша смерть. Суки! Хозяин, ты не думай — я храбрый. А ты меня похвалишь? И мы пойдём гулять? Суки! Это вы виноваты, что хозяин молчит и смотрит в небо. Суки! Я принёс вам смерть. Это ты посылаешь летающих ос? Глотку порву!

Глухой взрыв выплеснулся из бойниц и выбросил наружу покорёженный пулемёт.

Есаул Хванской плохо запомнил дальнейшее. Только метнувшуюся к амбразуре тень, вспышку внутри, и собственный крик:

— Пленных не брать!

Он первым прыгнул внутрь, в упор разнёс голову оглушённому пулемётчику, и пинком открыл покорёженную дверь в следующее помещение. Вроде бы потом была стрельба, кого-то дорезали ножами.

В памяти всплывал стоящий на коленях немец в морской форме и его голос:

— Я капитан первого ранга Канарис!

Хванской ударил прикладом в лицо и бросил через плечо:

— Добейте каналью.

Кажется, подпёрли бревном двери второго укрепления и заливали в отдушины бензин. Есаул прикурил папиросу и бросил горящую спичку туда же. Крики снизу не помешали расслышать:

— Дмитрий Иванович, а генерал-то, похоже, живой. Почти живой.

— Срочно врача! И радируйте в Минск, пусть самолёты вылетают. И Деникину сообщите.

Глава 25

*А вчера у поэта в гостях, был прозаик Эжен Несознанский.
Кушал водку и горько рыдал о святой, православной Руси.*

*А потом матерился, крестясь. Стукнул тётку селёдкой
исландской.*

И под жуткий семейный скандал был отправлен домой на такси.

Сергей Трофимов

Есаул ещё не успел отойти от горячки боя, как навалились новые заботы и обязанности. Раненым нужно было срочно оказывать помощь, много тяжёлых, а на весь полк только один врач. И тот из земских, хирургию чуть ли не по журналам самостоятельно изучал ещё перед войной. И радиостанция сдохла, не перенесла грубого обращения. Найти бы ещё, какая сволочь её уронила в лужу.

— Принимай командование, Дмитрий Иванович, — капитан Башаров отбросил трофейную винтовку, которую использовал вместо костыля, и сел прямо на грязный бруствер, осторожно вытянув раненую ногу.

Хванской оглядел его — красавец! Порванный в нескольких местах китель, на белой эмали Георгиевского креста следы вражеских зубов, разрезанная штанина, из-под которой выглядывает край повязки, да ещё и фуражку где-то потерял.

— Тебя каким шайтаном сюда принесло, Алишер? Ты у нас артиллерия, или кто? Так какого чёрта пушки бросил?

— А ты не ори на меня! — огрызнулся князь. — Мне что, с неба снаряды свалятся? Или прикажешь банками с тушёной зарядать?

— Я не про снаряды говорю. Чего в атаку пошёл?

— Не твоё дело, понял? У меня с немцами свои счёты.

— Это, какие же?

— Сначала полк прими, потом и спрашивай.

— С ума сошёл? И постарше меня званием имеются.

Капитан ответил не сразу:

— Зараза, больно то как. Вроде бы только мясо продырявило.

— Зубы не заговаривай.

— Угу, стоматолога нашёл. А что до старшинства — так говорил я уже со всеми. Тебя и предлагают. Подожди отнекиваться. А кого ещё?

— А ты сам?

— У меня пушки есть.

— Полковник Величко?

— Отказался. Не знаешь разве о его увлечениях? Сходи, посмотри — если сможешь из самолёта вытащить. На старости лет решил в лётчики податься. Говорит: — " Попрошу отпустить на Дальний Восток, к Егорову. Очень уж хочется японцев побомбить." Всё Порт-Артур простить не может.

Услышав про самолёт, Хванской оживился:

— А он летать умеет?

— На этом? Пожалуй, что нет.

— Чего там уметь? Завел мотор, нажал на газ, и рули себе потихоньку до самой Первопрестольной. На других то получалось? Зря в Париже учился?

— На маленьких..., а этот, смотри какая громадина, — Башаров внезапно замолчал, покрутил головой, вслушиваясь, и потянулся за брошенной на снег винтовкой.

Есаул положил руку на кобуру и попытался разглядеть приближающуюся опасность. Недобитые немцы?

— Что случилось?

Вместо ответа капитан поднялся, опёрся об импровизированный костыль и быстро похромал прочь, только потом бросив на ходу:

— Смываюсь, Иваныч. Сюда наш лекарь идёт. Отдувайся сам, а я лучше временно дезертирую.

Подошедший спустя пару минут доктор был как две капли воды похож на Антона Павловича Чехова. Или на изобретателя радио — Попова. Хванской их часто путал,

постоянно забывая, кто из них написал "Вишнёвый сад". И ещё чем — маслом или акварелью. Просто братья-близнецы — пенсне, борода клинышком.

Полковой врач тоже не чуждался литературной деятельности, споры о которой порой приводили к бесплодным попыткам вызвать критиков на дуэль. Но кто согласится дать сатисфакцию штафирке?

Со временем желающих спорить становилось всё меньше и меньше, и Александр Дорофеевич перенёс свои творческие эксперименты на пациентов. Правда, многие предпочитали переносить лёгкие ранения в строю, чем слушать бесконечные рассказы о своих произведениях, состоящих из весьма вольных переделок Овидия и Горация. Сам Дмитрий Иванович их не читал, но вполне доверял мнению специалистов.

— Господин есаул, я к Вам по делу! — издали крикнул лекарь.

— Внимательно слушаю, господин Обердовский.

— Мне сказали, что Вы наш новый командир полка. Так?

Хванской замаялся, но отступать было некуда и пришлось принимать решение:

— Ну-у-у... в какой-то мере.

— В любой, — решительно отрезал служитель Эскулапа. — Кому-то нужно взять на себя ответственность за жизнь генерал-майора Архангельского. Ему срочно нужна операция.

— Так делайте. Я то причём?

Обердовский скромно потупил глаза, явно не желая признаваться в некомпетентности, и пояснил:

— Не могу! Знаете, это мистика какая-то — скальпель не берёт.

— Кто не берёт? — не понял есаул. — Генерал не берёт? Так, наверное, не нужен, всё равно без сознания лежит.

— Нет, скальпель кожу прорезать не может.

— Доктор, Вы сегодня лишнего... не того?

— Не учите меня хирургии, молодой человек. Вам мама в детстве не объясняла, что нужно уважать седины старших? Если говорю — не могу, значит, так оно и есть. Нужно срочно отправлять его в Москву, пусть там разбираются со своими железными генералами.

Обердовский говорил что-то ещё, не в силах остановиться, но его слова утонули в бешеном рёве спешащего по дороге мотоциклета. Перед командиром самокатчик резко затормозил, и в лихом развороте окатил стоящего рядом лекаря щедрой порцией жидкой грязи из-под заднего колеса.

— Донесение от капитана Трошина!

Дмитрий Иванович насторожился. Эта рота была оставлена для контроля за железнодорожной станцией, и новости оттуда могли быть самые печальные. Вплоть до прибытия подкрепления к противнику. Вариант, конечно, самый маловероятный, но чем чёрт не шутит.

— Что за донесение? — нетерпеливо потребовал он. — Я новый комполка, докладывайте.

— Только что подошёл бронепоезд.

— Чей?

— Вроде бы наш. Ой, ...как новый комполка? А Николай Константинович где? Там его требуют.

— Ты можешь нормально объяснить? — вскипел Хванской. — Полковник Дёмин погиб. Кто его может требовать?

— Не знаю, — пожал плечами посыльный. — Только из бронепоезда никто не выходит, держат всё под прицелом, и просят командира на переговоры.

— Мать вашу! — выругался есаул. — Поехали!

— Постойте, — закричал разволновавшийся доктор. — А что с генералом делать?

— Лечить, — посоветовал Дмитрий Иванович, залезая на заднее сиденье мотоциклета. — А если умрёт — пойдёте под трибунал, Александр Дорофеевич. И наплевать что штатский — по закону военного времени. У Вас какой размер шеи?

Зловредная машина взвыла, заглушая возражения лекаря, и выплюнула из-под заднего колеса новую порцию грязи. Обердовский жалобно посмотрел на заляпанные штаны, погрозил кулаком вслед удаляющимся мотоциклистам, и ушёл, бормоча себе под нос:

— Хорошо говорить — лечи. Чем? Мне что теперь, в ране ломом ковыряться? Понаехали, понимаешь, твердокаменные большевики. А же врач, а не каменотёс.

Бронепоезд выглядел...как обычный бронепоезд. Мало ли на них нагляделся ещё в гражданскую? Железо, пушку, пулемёты, ещё две пушки.... Вот только национальную принадлежность так сразу и не определить. Двуглавый орёл на бортах еле проглядывал из-под толстого слоя жёлто-зелёной краски. А рядом красовалась наспех замазанная, но вполне читаемая кокетливая надпись на польском языке: — "Маршалу Пилсудскому от коханок". И поверх всего этого, красными аршинными буквами — "Христолюбивый Красноармеец". На крыше среднего вагона — голубой флаг с золотыми солнечными лучами, расходящимися из центра, в котором отчётливо был виден пропеллер с белыми крылышками.

"Господи помилуй, откуда взялась советская авиация? Или большевики придумали летающий бронепоезд? С них станется. А что мы с этого можем поиметь?" — такие мысли пронеслись в голове есаула, когда он колотил рукояткой револьвера в усеянную заклёпками дверь.

— Кто там? — чуть приоткрылась смотровая щель, и оттуда вылез автоматный ствол.

— Я командир полка, — откликнулся Хванской, осторожно сдвигаясь в сторону из сектора обстрела.

Дверка беззвучно распахнулась, и выглянул красноармеец с погонами старшего сержанта на кожаной тужурке.

— Заходите, товарищ белогвардеец, командир ждёт, — и гостеприимно качнул автоматом, указывая направление.

Командирское купе располагалось совсем близко. С узкой кровати навстречу встал высокий блондин с холодными глазами последнего варяга и представился:

— Капитан Макс Имушкин. Вы полковник Дёмин?

— Я есаул Хванской, Дмитрий Иванович. А Николай Константинович убит в бою.

— Извините. Я направлен в распоряжение генерала Деникина для создания пограничной стражи Великого Княжества Литовского. У Вас когда следующий сеанс связи с Антоном Ивановичем?

— Понимаете, капитан, при штурме аэродрома наша радиостанция пострадала и восстановлению не подлежит.

— Так аэродром захвачен? Отлично. А почему не воспользовались радиоузелом в диспетчерской, или как тут она называется?

— Там тоже всё вдребезги. От всего хозяйства остались только две казармы, склад ГСМ, взлётная полоса с тремя сожженными литовскими истребителями, и один немецкий самолёт.

Советский пограничник сразу оживился:

— Какой?

Есаул развёл руками:

— Большой, с одним винтом. А в марках и модификациях я не разбираюсь.

— На нём наверняка есть передатчик. Немцы народ аккуратный.

— Вы серьёзно?

— Что, про немцев?

— Нет, про рацию. У нас же ваш красный генерал весь израненный лежит. Нужно срочно оперировать, а некому. Наш лекарь говорит — только в Москву.

Капитан задумался, закусив нижнюю губу.

— Знаете что? Наверное, придётся мне лететь. Советская власть боевыми генералами не разбрасывается. Заодно и остальных тяжёлых захвачу. Их много?

— Вместе с Архангельским — четверо..., осталось. А Вы что, лётчик?

Макс Имушкин ностальгически вздохнул:

— Бомбардировщик. По крайней мере, полгода назад был им. Ну что, едем к Вам?

— У меня тут мотоциклет...

— Ну его на хрен, — отмахнулся пограничник-бомбардировщик. — Семёнов!

— Здесь, товарищ капитан, — откликнулся давешний сержант.

— Пусть выгружают мою танкетку. И скажи капитану Филипову — остаётся за меня.

Упомянутый заместитель сам появился в дверном проёме:

— Ты куда собрался, Андрей?

Имушкин нахмурился:

— Виктор Эдуардович, сколько можно напоминать о соблюдении маскировки? Пока мы не вернулись на Родину, называйте меня Максом. Я пока в Москву сгоняю. Постараюсь вернуться завтра к вечеру. Товарищ есаул, своего врача отдадите? А то, мало ли чего в полёте случится? Пусть приглядывает.

— Конечно-конечно, — не веря своей удаче поспешил согласиться Дмитрий Иванович. Не дай Бог капитан ещё передумает, и решит лететь без сопровождающего.

Житие от Гавриила

Я открыл глаза и увидел перед собой Чехова. Он стоял вполоборота и что-то бормотал себе под нос, размешивая подозрительного вида жидкость в высоком стакане. Погодите, товарищи, меня вроде бы убили? Это что, получается, вернулся домой?

А почему тогда Антон Павлович? Он, хотя и врач по профессии, проходит у нас совсем по другому отделу. Занимается распределением душ актёров, строго следя за тем, чтобы никто из снимавшихся в мыльных операх не попал в Рай.

— Вы очнулись, товарищ генерал?

Нет, это не Чехов, голос не тот.

— Где я?

Действительно, где? Что это гудит, и почему изредка покачивает?

— Мы в самолёте, — объяснил врач.

Точно — это врач. Иначе, зачем в белом халате?

— Как я сюда попал?

— Вы были сильно ранены, пришлось эвакуировать. Попить не хотите?

Шершавый язык не дал выговорить ни слова, и пришлось кивнуть, что отдалось болью в груди. Тип в пенсне поднёс стакан к моим губам. Несмотря на странный вид, вкус оказался приятным.

— Спасибо, — я попытался улыбнуться. — Что это?

— О-о-о! — воскликнул доктор. — Это амброзия чистая со сладким нектаром. Напиток богов и поэтов. Образно говоря. А так — вода, подкрашенная красным вином. И чуть-чуть отвара индийской конопли.

— Так Вы поэт?

Собеседник польщено поклонился:

— Имею честь быть им. Позвольте представиться — Александр Дорофеевич Обердовский. Хотите послушать мои стихи?

Ох, больно то как. Ладно, пусть читает, может хоть немного отвлечёт.

— Только что сочинил. В прошлом году, — пояснил поэт, принимая позу античной статуи. — Фантастическо-патриотическая сага в восьми томах:

Мощно ударили крепкие вёсла по глупым главам
медноблещущих римлян.

Мудрый, как сто капуцинов, Великий Иосиф направил полки
к Карфагену.

— Стойте, — перебил я оратора. — Какой ещё Карфаген?

— Вы не поняли, товарищ генерал? Это же альтернативная история. Знаете где развилка? Я поменял местами римлян и карфагенян, и переместил туда товарища Сталина. Правда, здорово получилось?

На кого из нас конопля подействовала?

— Извините, Александр Дорофеевич, поэзия очень трудна в понимании для моего ослабленного ранами организма, но не могли бы пояснить — какое отношение имеют сто капуцинов к Иосифу Виссарионовичу?

— Тоже понравилось? Я, правда, не знаю, что это обозначает, но слово очень красивое. Поначалу пришло на ум — "монгольфьер", но звучанием наводит на мысль о монголах. А о победе над ними у меня следующие шесть томов. Да вы дальше послушайте:

Бьется суровый Антоний Деникин во славу железных своих
легионов.

Вместе с Великим Иосифом в прах обратив беспробудных
вандалов...

— Простите, каких? На всякий случай уточняю я.

— Беспробудных. Варвары. Обязательно должны быть пьяницами. И вот ещё:

В космосы дальние шлёт колесницы велением сердца Великий
Иосиф,

Тварей зловредных сражая бесщётно в великом порыве
трёхтомником Маркса...

Из пилотской кабины выглянул лётчик и ехидно переспросил:

— А как колесницы в космос полетят? Кони без воздуха подохнут.

Поэт сердито надулся, но промолчать не смог:

— Что Вы понимаете в авторском замысле? Я вызываю Вас на дуэль!

— Это пожалуйста. Это всегда, — согласился пилот и вышел в салон.

При виде внушительных кулаков Обердовский заметно спал с лица и испуганно воскликнул:

— Так нельзя! Зачем Вы бросили руль?

— Не бойся, пешеход, тут штурвал, а не баранка. Я автопилот включил — это же "Хейнкель-Блиц".

Мне стало интересно, и я задал вопрос:

— Разве на них ставят?

Лётчик нимало не смутился:

— Пока ещё нет. Ну, так я старые подтяжки привязал. Авось и долетим.

— Понятно, что в небе не останемся, — сварливо пробурчал доктор, чем и напомнил о себе.

— Что там насчёт дуэли? Ой, извините, товарищ генерал-майор, забыл представиться. Капитан Максимушкин.

— А по имени-отчеству?

— Андрей, — смутился пилот. — Для отчества рано ещё. Вот когда стану майором...

— Станешь, — напроорочил я. Только Эскулапа нашего не обижай. По возможности.

— Меня неправильно поняли, — возопил поэт, стараясь вжаться спиной в борт самолёта. — Подразумевалась дуэль литературная, эпиграммами.

— Вот как? — капитан посмотрел сверху вниз. — И позвольте полюбопытствовать у опытного литератора — сколько книг Вы написали?

Обердовский вызов принял, и теперь снисходительно ухмылялся, глядя на Максимушкина, как на несмышлёныша.

— Девяносто две! И ещё семьдесят одну под шестнадцатью псевдонимами.

— Эх, ни фиги! Это сколько же лесу на бумагу перевели? Все напечатаны?

Доктор не смутился:

— Я выше этих предрассудков. Любой графоман, выпустивший книгу в издательстве, гораздо ниже моей гениальности. Не надо сравнивать меня и кого-то там ещё. И запомните — никогда Александр Обердовский не будет писать на потеху толпе, потакая её низменным интересам. Это всё завистники наговаривают. Они сидят в издательствах и редакциях, не давая ходу моим творениям. Выбирают этого, что про кораблик с белым парусом писал...

— Каверина?

— Да, его! Ну и пусть. Художник обязан быть голодным!

Трагичность момента была поддержана самолётом, который взвыл двигателем, клюнул носом, и начал готовиться к встрече с землёй, стремительно набирая скорость. Капитан, матерясь, метнулся в кабину и полёт выровнялся. Машина снова набрала высоту, и Андрей опять появился в салоне.

— Подтяжки лопнули, — пояснил он, вытирая выступившую на лбу испарину. — Старые совсем, видно кто-то из немецких лётчиков выбросил за ненадобностью.

— А если опять? — побледневший поэт поглядел в иллюминатор, видимо прикидывая расстояние. — Приглядеть бы?

— Так иди, — разрешил лётчик.

Обрадованный закрытием скользкой темы, Обердовский проскользнул на пилотское кресло и прикрыл за собой дверь. Максимушкин только крикнул ему вослед:

— Только не трогай там ничего! — и, понизив голос, — Достоевский.

— Будет Вам, Андрей, гения обижать. Пусть и непризнанного. Они такие хрупкие и ранимые.

— Угу, — согласился капитан. — А мы бесчувственные болваны. Эти...как их там... — зоилы! Я представляю, товарищ генерал-майор, как он Вам надоел, если после двух минут разговора мой мозг начал протестовать и отключаться.

— Да я только что очнулся. Успел только несколько строчек послушать.

— Вот и говорю — не повезло. А может, подшутим над ним? Не всё же нас стихами терзать.

Лежать неподвижно было больно и скучно, перспектива ещё одного литературного диспута ужасала и приводила в шок и трепет, а невинная шутка вполне могла скрасить оставшееся время полёта. И я согласился. Максимушкин наклонился к моему уху и шёпотом высказал свою идею. А неплохо!

— Хорошо, Андрей, идите, подыграю.

Он ушёл к себе в кабину, и оттуда выскочил красный от возмущения Обердовский. И сразу с жалобой:

Я же не трогал... Что значит, самолёт на курсе рыскает? Сам кривых узлов навязал.

Потом успокоился и предложил:

— Может, ещё что почитать?

Видимо по моему лицу пробежала нервная судорога, потому что доктор изрёк:

— Поэзия весьма полезна для успокоения нервов.

Вот на выборы дружно идут крепкоплечие скифы колоннами
ровными по три.

Даже злые кулацкие стрелы в парфянских обрезах стыдливы
как голые нимфы....

От дикого вопля ужаса меня спас только вовремя появившийся капитан. Он держал в руке листок бумаги и замогильным голосом спросил:

— Товарищ генерал-майор, а как у вас, у чекистов, поступают с арестованными преступниками?

— Ну, это просто, Андрей, — отвечаю. — Мы их не арестовываем. Сразу же, на месте, предварительно запинываем до полусмерти, а потом пристреливаем.

— Ужас-то, какой! — всплеснул руками поэт.

— Что тут страшного? Возразил я. Обычная процедура пролетарского возмездия в действии. А Вы к чему это спрашивали, товарищ капитан?

Максимушкин как-то по-людоедски посмотрел на Обердовского и вытянул из-за спины громадный тесак. И где он его прятал?

— Извините, господин лекарь, ничего личного.

— В чём дело? Товарищ генерал, о чем это он?

— Сейчас объясню, — капитан выставил перед собой бумагу. — Вот, полюбуйте, пришёл приказ о Вашем аресте, как особо опасного преступника. За клевету на Советскую власть и оскорбление самого товарища Сталина. Видно дошли до нужных людей слухи о Ваших опусах. Короче — вышка обеспечена. Пинки пропустим, чтобы не потревожить раненых. Выстрелы отменяются по той же причине. Остаётся одно — резать будем. Желаете наркоз? Не беспокойтесь, самолёт я потом отмою. Куда деваться?

— Я не хочу! — горячо заверил нас Александр Дорофеевич.

— Есть такое слово — надо!

— А может, отпустим его, Андрей? — вступил я в игру. — Жалко же, вроде как — талант.

— Согласен! — Обердовский с надеждой посмотрел на меня.

Максимушкин задумался.

— Но приказ? Сделаем вид, что никого не было? Разве что... точно! С парашютом в Парижском ОСОАВИАХИМе приходилось прыгать? Ах, там нет такого? А с вышки? Аналогично? Тогда придётся без тренировки.

Лекарь посопротивлялся было, объясняя всё боязнью высоты, но внял голосу рассудка. Он придирчиво осмотрел сваленные прямо на полу парашюты, выбрал тот, что побольше, и шагнул к раскрытому люку.

— Первый пошёл! — скомандовал лётчик. А потом повернулся ко мне. — А приятно побыть в тишине, товарищ генерал?

— Давай уж без чинов. И называй меня Гавриилом Родионовичем. Мы когда в Москве будем?

— Где-то, через сорок минут. Уже слышно маяки Ходынского поля.

Я вспомнил испуганную физиономию нашего поэта и рассмеялся, вызвав новый приступ боли:

— А доктору пешим ходом неделю топать.

— Не переживайте, с голоду не помрёт.

— Думаешь, на работу устроишься? С французским-то паспортом?

— Нет, Гавриил Родионович, просто он вместо парашюта рюкзак с картошкой схватил.

— Не нам его судить, Андрей. У каждого из нас есть право выбора. Главное — не ошибиться в нем.

Глава 26

*А что-то ночь зловещая такая.
Мелькают на погосте огоньки.
В такую ночь, обычно, самураи,
Канают на границу у реки.
Тимур Шаов*

1 мая 1934 года. Префектура Хаконэ.

Чёрная открытая коляска, запряжённая парой вороных английской породы, неторопливо катилась по узкому шоссе, мягко покачиваясь на поворотах. Восходящее

солнце весело поблескивало на лакированных боках экипажа, сделанного из трёхсотлетнего персимона.

Генерал Ясунори Йосиока, или, по японскому обычаю, Йосиока Ясунори, сердито похлопывал бамбуковой тростью по объёмистому портфелю с секретными документами, и неодобрительно косился на обгоняющие его автомобили. Вот они — предатели, забывшие Путь Воина! И сюда докатилось увлечение смрадными самобеглыми колясками, занесённое проклятыми гайдзинами. Если это не остановить, то страшно представить, во что превратится Ниппон в будущем. Нет, конечно, как средство доставки мужественных солдат великого Тэнно — пожалуйста, тут железная мерзость может и пригодится. Но предположить, что здравомыслящий японец, чтящий традиции предков, добровольно сядет в дурно пахнущее чудовище? А те, что ездят — предатели.

Экипаж свернул на неприметную дорожку, круто поднимающуюся к вершине Кодзири-тогэ, и зашуршал шинами по мелкой щебёнке. Генерал ещё больше нахмурился, но где-то там, внутри. Внешне он оставался всё таким же неподвижным и невозмутимым. Только губы шептали фамильную молитву, обращённую к предкам — предстоящий разговор обещал быть очень сложным.

В беседе по телефону, ещё одному изобретению белых варваров, маршал был груб до неприличия, в монологе на повышенных тонах позволяя себе выражения, которые не пристало произносить старейшему члену Императорской фамилии. И только нервная и беспокойная должность начальника Генштаба японской армии, которую занимал принц Канъин, объясняла резкий тон и не позволяла делать скоропалительные выводы о потере лица.

Но вот впереди показался двухэтажный дом, окружённый живой изгородью из рододендрона, в которой изредка проглядывала колючая проволока. Йосиока, впервые увидевший загородную резиденцию маршала, был приятно удивлён удачным сочетанием старых традиций и благоразумной безопасности. Он заметил и пулемётные гнёзда, скрывающиеся за каменными столбами фонарей, и бронированные сёдзи, изящно замаскированные рисовой бумагой. Здоровая паранойя ещё никому не приносила вреда.

Сам хозяин дома сидел в большой, размером в тридцать татами, комнате, и спокойно медитировал, собрав глаза к переносице и уперев взгляд на дно чашки с подогретым сакэ. Очевидно, именно так открывался вход в самадхи, или нирвану, на худой конец. Гость присел напротив, не решаясь прервать глубокомысленное сосредоточение. Впрочем, иногда оно само нарушалось шумными глотками. А ещё принц сплёвывал попавшие на язык лепестки орхидей, по преданию употреблявшимся в качестве закуски ещё древними императорами. Маршал предков чтит, но не любит орхидеи, и потому пол вокруг был покрыт мокрыми коричневыми комочками, часть из которых обильно осела на атласной стёганой безрукавке, надетой поверх кимоно. Несколько пустых кувшинчиков, в один из которых был воткнут засохший цветок неизвестного происхождения, составляли собой прелестную и исполненную великого смысла икебану.

Наконец красные, после пребывания в абсолютном нигде, глаза поднялись, и начальник Генерального штаба увидел посетителя.

— Это Вы, Йосиока-кун?

Если гостя и обидела такая приставка к фамилии, он не подал вида. Приёмный сын императора Кокеи мог себе позволить обращаться к любому, как к младшему.

— Да, это я, Канъин-сама, — почтительно подтвердил генерал. — Прибыл засвидетельствовать свою глубочайшую преданность и готовность. Именно в час восходящего солнца, символический для истории Божественной Ниппон.... Я даже написал танку.... Прочитать?

— Не нужно поэзии, — отклонил предложение принц. — Тем более мне нравятся хокку и яой. Но Вы напомнили, Йосиока-кун, об одном вопросе.

— Готов ответить на любой.

— Так скажите, куда подевались танки, отправленные нами в Квантунскую армию на

усиление Десятой дивизии?

— Какие танки, Канъин-сама?

— Вы не знаете? Так кто же у нас является военным атташе в Маньчжу-Ди-Го?

— Видите ли, Ваше Высочество, при дворе императора Пу И...

— Нет императора, кроме божественного Тэнно, а я брат его! — торжественно поправил маршал и добавил: — Банзай!

— Банзай! — согласился генерал Йосиока, и принялся излагать свою версию событий. — Извините, но при дворе этого мелкого правителя упорно циркулируют слухи.... Но я им не верю, Канъин-сама!

— Да, Вы правы, этим пройдохам нельзя верить даже на ломаную йену. А вот о слухах поподробнее, пожалуйста.

— Но это сущий вздор, Канъин-сама.

— Позвольте мне самому решать, что вздор, а что нет, генерал, — чашка из тончайшего фарфора работы южной школы жалобно звякнула, разбившись о бронированную стену, имитирующую бамбук.

Йосиока проникся величием маршальского гнева и поклонился, громко ударившись лбом о татами.

— Ваше Высочество, — последовал новый благоговейный удар головой, — говорят, что маньчжуры обменяли наши танки на русские.

— Вот как? — удивился принц. — А зачем коммунистам это нужно?

Генерал отвесил очередной поклон, на этот раз исполненный горестного недоумения.

— Есть странное русское понятие — гешефт. Белые варвары вкладывают в него недоступный пониманию цивилизованного японца смысл.

— Ну и васаби с ними, — решил Канъин, вынимая из бесчисленных складок кимоно ещё одну чашку, работы самого Теномуры Кикабидзе. — Это хороший обмен. У большевиков неплохие танки. Вот только зачем им тогда наши железные ящики на гусеницах?

— Не говорят, Ваше Высокопревосходительство.

— Странно, — протянул принц, распечатывая ещё один кувшинчик, предусмотрительно поставленный у горячей жаровни. — А ещё какие-нибудь подробности сделки известны?

— Только слухи....

— Ну и пусть. Чтобы не умереть от жажды, будем пить из любых стаканов.

— Я согласен, Канъин-сама!

— Вы это про что? — не понял маршал. — А! Нет, на моё саке не рассчитывайте.

Йосиока шумно сглотнул слюну, свеем видом показывая, что и в мыслях не покушался на такое святотатство.

— Меня только одно условие договора беспокоит и внушает опасение, Ваше Высочество. Согласно ему советские танки должны прибыть в Чаньчунь самостоятельно, и там будут окончательно подписаны документы в присутствии свидетелей.

— Весьма разумно. В наше время никому нельзя доверять.

— Да, господин маршал, никому кроме Вас. Вот только генерал Егоров в качестве свидетелей намеревается привести двенадцать своих дивизий.

— Зачем так много? Это нехорошо. Чувствуется какой-то подвох, только не могу понять в чем. А что говорит Пу И?

— Ничего, Ваше Высочество. Мы же не разрешаем ему произносить ни одного слова.

— А нельзя ли отказаться от договора?

— Невозможно. Мы потеряем лицо.

Начальник японского Генштаба задумался, наблюдая за игрой бликов на поверхности саке. Помолчав для важности минут сорок, он продолжил свои расспросы.

— Почему же мы? Ведь сделку заключили китайцы?

— Но все знают, кто правит там на самом деле. У нашего мукденского суслика нет ни

одной капли реальной власти. Зато очень много русской водки — генерал Егоров прислал в подарок.

— Кстати, — вскинул голову принц, — а нельзя ли сделать так, чтобы сам командующий Дальневосточной Армией отказался от своей затеи? Может стоит попробовать дать взятку?

— Как же, Канъин-сама, с этого и начинали. На подкуп потрачено двести миллионов йен золотом.

— И...?

— Да пусть обрушится на его голову справедливость во имя Луны! Этот варвар взял деньги, поблагодарил нашего агента, а потом заплатил со всей суммы подоходный налог и партийные взносы.

— Так это хорошо! Теперь Сталин его расстреляет за мздоимство.

— Нет, Ваше Высочество, не расстреляет. Как сообщает наш посол в Москве — генерал уже наказан. Ему объявлен строгий выговор с занесением.

— За что?

— За недостаточно высокую самооценку, порочащую положительный образ советского командира.

— И это хорошо, — кивнул маршал, и уронил чашку. На татами расплылось тёмное пятно, повторяющее очертаниями остров Хоккайдо. — Теперь он будет вынужден сделать себе сэппуку. Если не жалко, можете послать в подарок свой любимый кусунгобу. Или выберите мой.

Принц сделал жест рукой, призывающий оценить его щедрость. У стены, рядом с токоно-ма, на лакированных подставках, располагались многочисленные катаны, вакидзаси, сациви, киндзмараули.... Отдельно от всех, гордясь своими пьедесталами из слоновой кости, помещались Большой Меч Для Поля, Средний Меч Для Гор, и совсем маленький — Для Леса.

— Боюсь, Канъин-сама, — высказал свои опасения Йосиока, — он не поймёт наших намёков. У северных варваров нет прекрасного и поэтического обычая вспарывать себе живот.

— Дикие люди, дети лесов, — покачал головой начальник Генерального штаба.

— Варвары, — согласился военный атташе.

— И всё же, господин генерал, у Вас есть сведения, компрометирующие Егорова?

Йосиока тяжело вздохнул, скупая самурайская слеза пробежала по морщинистой щеке, чуть задержалась на жёсткой щётке коротких усов и упала. Старинное татами задымилось в этом месте, но пол, сделанный из столетней криптомерии, остался равнодушен к генеральскому горю.

Досье было. Точнее — имелось в наличии. Вот только стоило ли оно разоблачения ста двенадцати разведчиков, работавших маскируясь под китайских гастарбайтеров на строительстве авиационного завода в Хабаровске? Своими расспросами и активностью они вызвали интерес со стороны ОГПУ, и при аресте покончили с собой, массово сделав сэппуку штыковыми лопатами.

— Извините, Ваше Высочество, но шантажировать генерала Егорова не получится, настолько он безупречен в службе и личной жизни.

— Так не бывает, потому что этого не может быть!

— И, тем не менее, — ещё раз поклонился Йосиока. — В быту он непритязателен, порой доходя до крайнего аскетизма. Вино пьёт старое, сыр ест с плесенью. Даже автомобиль — и тот без крыши.

Маршал Канъин опять замолчал, на этот раз на полтора часа, наблюдая, как дрожат сухие веточки икебаны, чувствуя отдалённые толчки привычного землетрясения. Но вот его лицо озарилось мыслью, и принц прервал раздумье:

— Мне докладывали, Йосиока-кун, что Егоров так и не перевёз свою семью из Москвы. Так, может быть, он расходует казённые суммы на оплату услуг дорогостоящих гейш?

— Увы, Выше Высочество, и с этой стороны не подступиться. Из строжайшей экономии генерал не посещает гейш, обходясь тремя любовницами.

— Вот незадача. Неуязвим. А, может, попробовать... — маршал не успел высказать мысль.

По коридору еле слышно протопали таби, выдавая изящную походку. Из-за сёдзи прошебетал нежный, с низкой хрипотцой, голос:

— Сенсей, настала пора полуденной трапезы.

Принц милостиво кивнул, и по шороху шёлкового шарфа на шее служанка догадалась о положительном ответе. Перегородка сдвинулась, и размалёванная, как в театре "Кабуки", девица внесла поднос и с поклоном поставила перед господином.

— И моему гостю, — повелел хозяин дома.

— Будет исполнено, Сенсей, — угощение тут же появилось перед генералом.

Он с подозрением оглядел подаваемые блюда.

— Простите, Канъин-сама, может быть, я покажусь невежливым, но разве это можно есть? Великий дух Ямато рекомендовал нам вкушать пищу растительного происхождения или дары моря, включая рыбу фугу. Я не могу пойти на грубейшее нарушение традиций и заветов предков.

— Вы про холодец, господин генерал? Да, это блюдо русской кухни, и готовится почти из мяса. Знаю, но что поделать? Видите ли, он сварен из свиных ножек, похищенных нашими разведчиками из подсобного хозяйства при штабе Дальневосточной Армии. Улавливаете мысль?

Йосиока просиял:

— Так это не будет отступлением от кодекса Буси-до? Если я правильно понял, то эту свинью кормили обедками с командирского стола? И, таким образом, мы сможем узнать замыслы и коварные планы противника, мысленный след которых перешёл с едой в грязное животное. Это великолепный приём, Ваше Высочество.

— Я и сам гениальный человек, — скромно подтвердил принц.

Гость с энтузиазмом достал кедровые палочки, завернутые в шёлковую вату, и решительно придвинул к себе поднос. Раз...! Дрожащий кусок подтвердил своё свинское происхождение, на половине пути ко рту упав вниз. Генерал с ужасом увидел, как маршал Канъин вытирает с лица брызги самого мерзкого вида. Но реакции не последовало, и Йосиока предпринял ещё одну попытку. Хитрый холодец упорно и агрессивно сопротивлялся, бегая по лаковой поверхности подноса. Вот в его жирный бок глубоко вонзилась палочка.... В ответ на предательский удар студень задрожал, позволил поднять себя повыше, потом развалился пополам и сполз на штаны по парадному мундиру, попутно обгадив Орден Восходящего Солнца. Но неудача не сломила самурайский дух. Он же не позволил отступить перед трудностями. С обречённостью и фанатизмом камикадзе, гость предпринял ещё одну атаку на непокорную еду.

— Осторожно. Он....

Предупреждение Канъина несколько запоздало. Да и договорить он не успел — пакостный холодец залепил ему рот и оба глаза. И ещё раз разделился. И если одна половина бессильно зашипела на углях жаровни, испустив смрадный дух, то вторая мстительно проскользнула в узкое горлышко кувшинчика с саке.

Принц потрясённо молчал, наливаясь дурной кровью сиятельного гнева, а генерал поспешил оправдаться.

— Ваше Высочество, это была неправильная свинья. И студень из неё неправильный. Наша разведка ошиблась.

— В чём? — маршал с превеликим трудом преодолевал искушение собственноручно отрубить повинно склонённую голову.

— Она не могла питаться обедками с командирского стола, — торопливо заговорил Йосиока, стараясь отвести от себя грозу. — Я только что вспомнил — генерал Егоров завёл себе собаку. Вот она все остатки и съедает.

— Какая ещё собака?

— Маленькая и противная. Представляете, мой принц, в Советском Союзе у всех военачальников и ответственных работников высокого ранга появилась мода на собак одной определённой породы. Говорят, сам Сталин первым подал пример. И даже лично выгуливает щенка на поводке по кремлёвским газонам.

— Вы отвлеклись, — строго напомнил Канъин.

— Прошу прощения. Так вот, теперь почти у каждого есть такая собака — мелкая, длинная, ушастая. А ещё у неё кривые ноги, большая пасть и зверский аппетит. А похожа она на уродливую лису. Что с Вами! На помощь!

Начальник японского Генерального штаба побледнел так, что стала не видна благородная желтизна лица, и упал в обморок, сломав затылком стойку с мечами. На шум прибежала всё та же актриса из "Кабуки", быстро оценила обстановку, присела враскорячку, уперев руки в колени, и сильно топнула правой ногой. Потом, пронзительным голосом закричав: — "Сумимасэн!", бросилась делать принцу искусственное дыхание.

Через несколько долгих минут лицо маршала приобрело естественный оттенок, он поднялся с татами и властно отстранил помощь.

— Спасибо, сэр Лоренс. Можете быть свободны.

— Но Ваше Высочество, мне приказано....

— Я ценю заботу лорда-адмирала о моём здоровье. Можете передать ему благодарность от лица Микадо. А пока оставьте нас.

Актриса попыталась молодежато щёлкнуть таби, но из-за отсутствия каблучков на белых тапочках этого не получилось. Чуть смутившись, она покинула комнату, чётко печатающая строевой шаг.

— Не удивляйтесь, Йосиока-кун, — ответил Канъин на вопросительный взгляд генерала. — Это представитель английского адмиралтейства. И, одновременно, правительства. Удачная маскировка, не находите?

— Не нахожу слов восхищения находчивостью.

— Да, это тоже моя идея, — маршал вытащил толстый портфель, на котором сидел всё время. — А вот тут результаты нашего сотрудничества с британской разведкой. Позвольте, я покажу некоторые фотографии. Ради них пожертвовал своим здоровьем майор Джордан Эшли Бадминтон, попавший в психиатрическую клинику, не перенеся ужасов, творимых большевиками на оккупированных территориях.

Генерал поглядел на бумаги, разложенные на полу, и радостно засмеялся:

— Ваше Высочество, так это такая же собачка как у Сталина и Егорова, только покрупнее будет.

Принц перекосялся от ужаса, окончательно потеряв лицо, и потянулся к лежащему неподалёку кусунгобу.

— Я не желаю присутствовать при бесславной гибели Божественной Ниппон! Лучше сразу уйти к Аматерасу! Йосиока-кун, будьте моим ассистентом.

Такое предложение польстило генеральскому самолюбию. Не каждому в жизни удаётся отрубить голову члену Императорской фамилии. Но перспектива иметь в начальниках Генштаба противного и спесивого Хуяоку Сугияму, давно облизывающегося на эту должность, перевесила.

— Простите, Канъин-сама, а в чём тут дело?

Истерика и слёзы были ответом. Но, наконец, маршал взял себя в руки, судя по всему временно, и ткнул пальцем в фотографию.

— Вот оно, сбывающееся пророчество Великого Сёгуна! Ибо сказано — придёт время, и Японию погубит ужасный цуккини.

— Кицунэ? — уточнил Йосиока.

— Сам ты кицунэ! — рассвирепел принц. — Сказано же нормальным японским языком — цуккини. То есть — кабачок-оборотень.

Генерал внимательно присмотрелся к фигуре собаки на снимках:

— Действительно. Напоминает одновременно и лису, и кабачок с ножками.

— Да, это он и есть. Сверхсекретное оружие русских, от которого нет спасения. Вы слышали о событиях в Литве и Польше? Именно там и прошли испытания. Всего один оборотень, вот этот самый, — кривой дрожащий палец упёрся в собачий портрет. — И где теперь два государства? А теперь они пришли к нам. Горе мне, горе! Нет, всё же я сделаю себе сэппуку.

— Простите, а кроме харакири, нет других способов избежать гибели Божественной Ниппон? Или, в крайнем случае, отсрочить?

— Отсрочить? — маршал Канъин задумался. — Точно! Мы выведем войска из Кореи и Маньчжу-Ди-Го, вернём южную половину Сахалина и Курильские острова.

— Это поможет?

— Надеюсь. Нужно лично поговорить с генералом Егоровым. Сэр Лоренс, где Вы? Срочно принесите телефонный аппарат.

Хабаровск. Штаб Особой Дальневосточной Армии.

Надоедливое дребезжание телефонного звонка разбудило маленького рыжего Таксёнка, мирно спавшего прямо на столе среди разбросанных бумаг. Он недовольно встал, потянулся, сладко зевнул с хрустом в челюстях, и пошёл к источнику шума, стараясь не вступить по обыкновению в чернильницу. Сильным ударом лапы сбил трубку, прислушался, и тявкнул в микрофон.

В ответ донеслось шипение, изредка прерываемое жалобным и испуганным поскуливанием. В это время хлопнула входная дверь, и в кабинет вошёл генерал-лейтенант Егоров.

— Что, звонят? — он сам взял трубку в руку. — Алло...у аппарата....

Удивлённо подняв брови, выслушал ответ и повернулся к собаке:

— Ты японский язык знаешь? Хреново... и я не знаю. погоди, браток, вот вроде бы на французском заговорили... Что?... Повторите.... Какая у японцев связь поганая.... Что значит — просите не мешать эвакуации?... Что?... Слышать ничего не желаю, у меня уже составлены планы летней кампании.... Так... Ну... А что я с этого буду иметь?... Что? Да пошли вы в задницу к рыбе фугу, Сахалин и Курилы и так наши.... Как ты сказал? Ладно, врать-то, мне карту ещё в гимназии показывали. Чего?... Повтори... А остров большой? погоди, к глобусу подойду. Да твой Хоккайдо на нём не виден!... Какое мне дело, сколько на нём сейчас народу живёт.... Чтобы через неделю там никого не было! Сам приеду проверять. Что?... Да, и собачку с собой возьму... Почему не надо? Алло...плохо слышно... Ещё раз сумму повтори... Сколько?... А, это в фунтах. Удваиваем, и считаем что договорились... По рукам?... Нет, никаких рассрочек... Всё, время пошло.

Генерал-лейтенант повесил трубку и недоумевающее спросил у Таксёнка:

— Ты чего-нибудь понимаешь? И я нет! Ладно, потом разберёмся, пойдём обедать. Почему-то мне кажется, что на свою котлету мы сегодня заработали.

В столовой командующий отгородился от всех свежей газетой, только что доставленной почтовым самолётом, и сделал вид, что не замечает как официантки втихаря подкармливают собаку. Пусть побалуется щенок. Для растущего организма весьма полезно.

— Разрешите, господин генерал?

Егоров оторвался от чтения "Правды". Напротив стоял полковник Величко, недавно назначенный на должность командира истребительного авиаполка. Усталые глаза лётчика опять были красными от недосыпания, видимо сказываются постоянные ночные полёты. Усиленно тренируется, навёрстывая упущенное, и искореняя порочные навыки французской школы пилотажа. Настоящий сталинский сокол! А ведь всего месяц, как поднялся в небо на настоящем самолёте.

— Присаживайтесь, Андрей Феликсович. Всё никак не привыкнете к новому для Вас

уставному обращению?

— Да, понимаете...

— Не оправдывайтесь, сам через это прошёл. А я вот, кстати, про ваши подвиги читаю.

— Мои? — удивился полковник. — Вроде бы ничего ещё не успел. Или это про инцидент с патрулём? Так они сами виноваты, зачем вмешиваться? Неужели бы сам не справился с каким-то там японцем? Всё равно этого шпиона потом расстреляли.

— Что Вы, Андрей Феликсович, не будем о таких пустяках. Тем более тот шпион уже отдал мне деньги. Вот полюбуйте лучше — "Указ Президиума Верховного Совета о награждении отличившихся при освобождении Великого Княжества Литовского от польско-литовской оккупации". Позвольте первым поздравить Вас с орденом Красного Знамени.

— Спасибо, товарищ генерал-лейтенант, — слегка смутился Величко. — Но я же там был не один.

— И остальных не обделили. Всем офицерам — Знамя. А нижним чинам — Красную Звезду.

— Александр Ильич, как бы наши не отказались от советских наград.

— Да Вы что? Они лично освящены Патриархом. Дело-то богоугодное сотворили.

— Вот как? Ну, тогда другое дело!

— Одного только не пойму.... Не знаете, кто такой капитан Филиппов?

Полковник задумался, вспоминая.

— Виктор Эдуардович? Помню такого. Это ваш, простите, наш, советский пограничник. Был назначен временным военным комендантом Кракова. А что с ним?

— Вроде бы ничего. Если не считать орден Ленина с мечами и бантом. Каково?

— Ну, господин генерал, там было за что награждать. Одно только подавление революции роз чего стоит.

— Простите, революции... чего?

— Не слышали? Зря, забавная история.

Глава 27

*Солнце медленно садилось
У собора вдалеке.
И торрида расходилась,
Забывая о быке.
Лишь турист, браток из Пскова,
Видно мастер мокрых дел.
Вдруг промолвил: — "Жизнь сурова.
Ну не быкуй, и будешь цел."
Тимур Шаов*

Великое Княжество Литовское. Краков.

По крутой лестнице затопали сапоги, и пан Парамоцкий втянул голову в плечи. Вредная привычка выработалась сравнительно быстро, всего за месяц. Казалось бы, совсем немного времени прошло с тех пор, как русские войска без боя заняли город, а вот пожалуйста. Гордый потомок самого короля Попеля засунул свою шляхетскую гордость.... Да не так уж и важно, куда засунул. Главное, что такой вот шум заставляет испуганно вздрагивать и тайком молиться Матке Бозке.

— Что-то медленно работаете, пан Владек.

Нет, это не солдаты, или, что ещё страшнее, пограничники. Хозяин мастерской пришёл лично проверить как исполняется важный государственный заказ, в жестокой борьбе с конкурентами полученный у военного коменданта.

— Пан Владек, неужели нельзя побыстрее?

— Пшепшаем....

— Что-о-о? Соболаговолите говорить на языке высочайше предписанном для употребления, сударь. — Марк Левнер выставил указательный палец и упёрся им прямо в нос бывшего графа Парамоцкого. — Вы что, не читали указ Светлейшего? Или Антон Иванович изволил написать его только для меня? Нет уж, разговаривайте по-русски. Запомните — тут Вам не Польша. Здесь, таки, другая страна.

— Простите, господин Левнер. Я хотел сказать, что к вечеру всё будет готово.

— Хорошо, — Марк удовлетворённо кивнул. — Тогда завтра с утра начнём делать гербы для пограничных столбов. У нас ещё осталась красная краска?

— Как завтра? Но ведь воскресенье, Пасха.

— А Вы не обманываете старого еврея? А то, в последнее время, я стал такой доверчивый.

— Да чтоб меня холера ясна забрала, если лгу. Да не увидеть больше Ченстохова...

— Ну, зачем такие страшные клятвы, пан Владек? Я Вам, конечно же, верю. Но..., - хозяин мастерской достал из бокового кармана лапсердака тонкую книжицу. Как говорит президент дружественной страны, Соломон Борухович Сагалевич, — доверяй, но проверяй.

— А чего проверять-то, Марк Исаевич? У любого на улице спросите.

— И как Вы это себе представляете? Я буду бегать по Кракову, и приставать к прохожим? Что подумают люди? Нет, лучше загляните сюда. Русским по белому написано — пасха в этом году поздняя, и будет через две недели.

— Не может быть!

— Ай, за кого Вы меня держите? Обратите внимание на подпись — Его Святейшество Патриарх Московский, Нижегородский и всея Руси с новых земли Алексей.

— Это же православные...

— Пан Парамоцкий, не бейте мне в голову ерундой. Я, таки, грамотный. На первой странице сказано, что государственной религией Великого Княжества Литовского является христианство. Или Вы...? Нет? Ну вот видите. И потом, разве деньги за сверхурочную работу будут лишними?

Пан Владек опустил голову. Крыть было нечем. Финансовые дела обстояли настолько плачевно, что впору было ещё и подрабатывать, разгружая по ночам вагоны на товарной станции. Он, может быть, так бы и сделал, если бы не давняя фамильная вражда с Потоцкими. А сейчас один из этого злобного семейства и командовал грузчиками. Не возьмёт на работу, пся крев.

Вот и приходится теперь делать эмалированные таблички с названиями улиц. И чего не нравятся новой власти старые названия? Разве плохо звучало — "Улица старых монахинь, которых любил король Сигизмунд на мосту через Вислу"?

А деньги..., деньги нужны очень. Больше половины того, что удаётся заработать в мастерской у пана Левнера уходит на оплату вида на жительство, с недавних пор обязательного для бывших поляков. Парамоцкий уже не раз задумывался об эмиграции, но куда податься? В Германию, где уже не первый месяц делят власть с применением танков и тяжёлой артиллерии? Опасно, затопчет поток встречных беженцев. В Чехословакию? Бесполезно. Они, на своей границе, поставили по два пулемёта на каждый метр, и расстреливают всех нарушителей. Исключение было сделано только для президента Мосцицкого, попросившего политического убежища. Его личный автомобиль подорвался на mine, а оставшихся в живых пассажиров забросали гранатами.

И куда теперь пойти? А ещё ходят слухи, что князь Деникин собирается взимать арендную плату с бывших крупных землевладельцев. Говорят, бухгалтеры уже высчитывают пеню за четыреста лет. Только не определились, принимать в расчёт период нахождения Польши в составе Российской империи или нет. Но даже если так...

Может евреем себя объявить? Нет, не получится. Они же доказательство своей национальности в любой момент предъявить могут. А если тоже...? Интересно, сколько сейчас стоит операция? Попробовать? Пан Левнер говорит, что им обещана автономия со столицей во Львове. Ещё Ровно и Луцк — приличная, по европейским меркам, территория.

Ну а не получится, всегда можно завербоваться добровольцем в армию. Нет, не в польскую, которая почти вся погибла при полуторачасовой обороне Варшавы, героически пытаясь рубить семейными саблями деникинские танки. И от четырёх дивизий остался только взвод двоюродного брата жены, Закревского. Да и то случайно — накануне они отравились плохо пережаренной, и ещё хуже очищенной бимберой.

Потом сам Томашек неоднократно утверждал, что наматывали доблестных жолнежей на гусеницы не деникинцы, а самые настоящие большевики. Люди добрые — плюйте на этого пьяницу! Как такое можно утверждать, если Владек сам слышал разговор двух танкистов. Один другого звал к телефону и кричал: — "Господин дивизионный комиссар, Вас господин нарком к аппарату просит" Разве могут коммунисты так обращаться? Понятно, что настоящие белогвардейцы. Вот бы к ним попасть. Только вряд ли удастся. А вот в Красную Армию — пожалуйста!

По всему городу расклеены листовки, приглашающие всех желающих на службу в Закавказском военном округе. И там же, мелким шрифтом, шло напоминание о неисчислимых обидах, нанесённых коварными османами Речи Посполитой. В том числе и об ответе на письмо запорожцев, которой, в результате ошибки средневековой почты, был доставлен польскому королю. И вообще — если верить тем плакатам, то шляхетские корни восходят к фараонам. И потому столица обновлённой Польши должна быть в Каире.

— Пан Владек, Вы меня слышите? — голос Марка Левнера настойчиво вмешивался в геополитические размышления.

— Что?

— Опять в мечтаниях? От можа до можа? Бросьте. Лучше скажите, я могу обещать коменданту, что завтра утром заказ можно будет забирать?

— Да, конечно.

— Хорошо. Если буду нужен — меня таки не ищите. И не забудьте про красную краску.

Хозяин мастерской сунул за пазуху пару табличек, видимо для отчётности в комендатуре, и покинул полуподвал по отчаянно скрипящей лестнице. Парамоцкий проводил его грустным взглядом, в котором читалась вековая польская печаль, и принялся копаться в углу, передвигая полупустые банки. Где же она? Матка Бозка, ведь неделю назад сам убирал, вот сюда. Пойдите, панове, а не на верхней ли ступеньке лестницы позабыл? Ну да, ещё вчера Марк Исаевич ругался, спотыкаясь об это ведро.

В подтверждение догадки сверху раздался металлический лязг, крик, богохульственное упоминание о Езус-Марии, звонкий стук головы об ступеньки, и, на финальной стадии — влажный шлепок по деревянному полу.

— Владек, что это было? — из расплывающейся красной лужи вынырнула страшная рожа предводителя команчей. — Я разбил себе голову. Это кровь? Владек, я умираю.

По знакомому голосу пан Парамоцкий определил, что перед ним не подлый гурон, вышедший на тропу войны, и не исчадие ада. Хотя, лучше бы это были они. Всяко от чертей убытков меньше, чем от двоюродного брата жены.

— Нет, Томашек, такие сволочи как ты не умирают. Их убивают, чем я сейчас и займусь, — успокоил родственника Владек и вооружился большим деревянным молотком.

— А что я такого сделал? — удивился Закревский, пытаясь вытереть лицо полкой чужого пиджака.

— Ты ещё спрашиваешь? Посмотри на эту лужу. Видишь?

— Вижу. Хорошая краска. И не оттирается, курва. А у тебя ещё есть такая?

— Мало? Может задницу нужно покрасить?

Пан Томашек оставил попытки привести себя в порядок и гордо выпрямился:

— Я по важному делу, касающемуся спасения Польши.

— Да ну? А ты не забыл, чем закончилось твоё последнее предложение?

— Владек, мы просто пали жертвой недобросовестной конкуренции. Кто мог предполагать, что Государственный банк работает по демпинговым ценам? Но согласись,

наши купюры были больше и гораздо симпатичнее.

— Ага..., а мне пришлось продать имение, чтобы оплатить закрытие уголовного преследования. Всё, Томашек, больше с тобой ни каких дел. И вообще, проваливай отсюда, нужно до вечера закончить работу. Завтра заказ сдавать.

— Ты не понимаешь, Владек. На этот раз дело абсолютно надёжное. И уже не нужно будет беспокоиться за завтрашний день. Он просто не наступит.

— Участие в Армагедоне не предлагать.

— Ну зачем же так сразу, — пан Закревский заговорщицки понизил голос. — Мы планируем революцию. Мы — это Железная Организация Польской Армии. Я прислан к тебе от её имени.

— Любите вы красивые имена, Томашек, — покачал головой пан Парамоцкий.

— А то! — просиял родственник. — А как тебе название — революция роз?

— Ты дурак? Какие розы в апреле?

— Не дурнее некоторых. Ну и что? Наделаем из бумаги и покрасим в красный цвет. Давай краску, жмот. Или пожалеешь на святое дело?

— А её нет, — развёл руками пан Владек. — Вот она, на полу. Так что проваливай, и покупай краску в магазине.

— Денег нет, — признался Томашек. — Но мы уже заручились поддержкой Лондона и Парижа. Так что с финансами проблем не будет. Может, выручишь парой сотен до победы? Не беспокойся, отдам фунтами. Э-э-э, погоди, зачем сразу за молоток? Нет, так нет. А жёлтая краска есть?

— Зачем?

— Если не получается революция роз, будем делать лимонную. Тоже ничего звучит, а?

— Не дам.

— Жадный ты, Владек. Ну хоть чем-нибудь истинным патриотам поможешь?

Пан Парамоцкий почесал в затылке и предложил:

— Могу тебе яйца в двери прищемить.

— Это же больно!

— Ну и что? Зато сразу станут красными. А к вечеру посинеют. Экономия.

Закревский задумался.

— Владек, ты гений.

— Знаю. В Петербургской Академии Художеств я был одним из первых. Так петли смазывать? Или со скрипом сойдёт?

— Не в этом дело. Завтра же Пасха! У нас будет революция яиц. Мы выйдем на улицы, выставим пикеты у бывшего Сейма, поставим палатки у дворца Пястов... А вот армии мы не боимся! И коменданта не боимся!

— Это почему же?

— А куда ему деваться под давлением народного волеизъявления? Тем более мы его отравим — коньяком.

— Насмерть?

— Конечно, у нас серьёзная организация.

Утро следующего дня.

Лёгкий завтрак в хорошем ресторане, особенно если не за свой счёт, дело хорошее, полезное и весьма приятное. А можно и не лёгкий, можно чего-нибудь поплотнее съесть, потому что неизвестно, когда придётся пообедать.

Капитан Филиппов заложил салфетку за воротник, сделал знак почтительно молчавшему официанту и принялся есть. Да, в воздухе определённо что-то витало. И запахи с кухни тут были не причастны. Пахло надвигающейся грозой и, если так можно выразиться, сгущающимися тучами. Не в атмосферном смысле, разумеется. Просто не душе было как-то погано и беспокойно.

Но кто бы осудил Виктора Эдуардовича за некоторую нервозность? Покажите мне эту сволочь? А поводы нервничать были. Мало того, что забрали из города два последних танка, так и почти всех бойцов пришлось отправить в Брест, на совместный парад Красной Армии и Войска Великолитовского. Хотя и почти месяц до него, но намечался приезд товарища Сталина.... Так что о тренировках позаботились заранее.

А отдуваться и нести службу пришлось одному единственному взводу с капитаном во главе. И всё бы хорошо, но патронов в гарнизоне осталось всего семьдесят две штуки. Считая те, что в командирском нагане. Даже бандитов, расплодившихся было в бесхозной на некоторое время стране, приходилось приговаривать к повешению. Те, правда, возмущались очень, ссылаясь на обычаи и традиции военного положения, и требовали расстрела. Но комендант отсылал всех к Уставу РККА, где чётко записано, что приказ сначала должен быть выполнен, а потом разрешается его обжаловать у вышестоящего командира. Жалоб на имя Антона Ивановича пока не поступало.

Филиппов молча наблюдал, как на столе появляются многочисленные тарелки с закусками, и затосковал по сибирским пельменям и солёным грибочкам, желательно из окрестностей Красноярска. Ну что здесь за глухомань, если рыжиков не найти днём с огнём?

— Это что? — показал он взглядом на салатник с подозрительной массой.

— Трюфели, пан главнокомандующий! — торжественно объявил официант, не забыв про лесть. — И вот ещё....

Ловким жестом фокусника на свет Божий был извлечён пузатый графинчик примерно литровой вместимости.

— Коньяк?

— Он самый. "Рояль". Польского, правда, разлива. Но нам сказали, что это Ваш любимый....

— Но не с утра же? Стой, куда потащил? Поставь на место.

— Как изволите, пан капитан. Когда подавать горячее?

— Я позову. А сейчас иди, полупочтеннейший, не отвлекай.

Недрогнувшей рукой Виктор Эдуардович наполнил рюмку, поднял, и только поднёс к губам, как вспомнил напутствие родного дяди перед отправлением в командировку.

Борис Михайлович Шапошников, изрядно вкусив тридцатилетнего KB2/2, назидательно грозил пальцем и поучал: — "Запомни, Витёк, в твоей поездке нужно бояться не вражеских пуль и снарядов. Они могут только ранить или убить. А вот страшнее всего — польская бодяга, которую они выдают за коньяк и водку. Вот это и есть настоящая опасность. Сейчас ты молод и полон сил.... Кстати, зачем в моей Академии сломал гриф у единственной штанги? Ну так вот.... Остерегайся. А не то, Бог даст, доживёшь до моих лет, а пить-то уже и нельзя. И какой ты будешь офицер после этого? Как собираешься до генеральских погон дослужить?"

Воспоминания о дядиных наставлениях стремительно испортили аппетит. Рюмка, после некоторой борьбы с самим собой и тяжёлого вздоха была поставлена на стол.

— Господин комендант передумал? — раздался голос от соседнего столика.

Капитан повернул голову. Неподалёку сидел очень толстый субъект, весьма неприятного вида, со следами демократических пороков на лице.

— Вам до этого, какое дело? — буркнул неприязненно Филиппов.

— Простите, не хочу показаться навязчивым, но не угостите ли этим коньяком меня? И сигарету, если можно.

Чем-то знакомым повеяло. И ситуация.... Точно, совсем недавно, в Вильно, в кабаке.... И там подошла потрепанная мадемуазеля и попросила закурить.

— Ты что, здешний шлюх? — Виктор Эдуардович демонстративно положил руку на кобуру. — Не по адресу обратился. Порешу же падлу!

— Ой, великодушно извините, господин комендант. Видимо, Вы меня с кем-то спутали. Это досадное недоразумение. Дело в том, что я Артур Вилкас.

— Бывший начальник политической полиции Литвы?

— Так точно. И я пришёл сдаваться в плен. Можно выпить?

— Пей. Но только объясни — на кой чёрт ты мне сдался?

Толстяк поступил с точностью до наоборот. Сначала опрокинул в рот рюмку, закусив ломтиком острого сыра, и только потом ответил на вопрос:

— Но как же...я храню в себе многочисленные тайны. И вашему ОГПУ они будут очень интересны. Вот, например, знаете, где скрывается Сметона?

Капитан как раз занимался дегустацией трюфелей. И как такую гадость люди едят?

— Сметона? Понятно где — в море. Покончил с жизнью самоубийством, выстрелив себе в сниму из трёх крупнокалиберных пулемётов. То что осталось, сгребли в пакетик для опознания.

Вилкас огорчился, но не унывал:

— Есть много других секретов. Разрешите ещё рюмочку? Лучше сразу две.

— Хоть весь графин, — отмахнулся Филиппов. — Я только одного не могу понять — зачем тебе сдаваться?

Залихватское бульканье поглощаемого из горла напитка временно прекратилось, и бывший начальник политической полиции удивлённо поднял брови.

— Как это зачем? Я же не могу скрываться всю жизнь. И кушать когда-то надо. Знаете, одной недели на голодном пайке вполне хватило. А теперь заботы о моём пропитании ложатся на плечи Советского Союза. Неужели не прокормите одного бедного литовца? — Ещё несколько бульков, и опустевший графин занял место под столом. — А трюфели тоже не по вкусу?

Поощрённый гримасой отвращения, появившейся на лице капитана, Вилкас придвинул к себе тарелку и энергично заработал челюстями. А рядом бесшумно возник официант.

— Тысяча извинений, панове. Разрешите забрать пустую посуду. А, может быть, желаете ещё графинчик коньяку?

Толстяк оторвался от трапезы и радостно заорал набитым ртом:

— Неси скорей, любезнейший! Хоть у поганое у тебя пойло, но всё равно тащи. Вы чего, в него крысиный яд добавляете? Чего побледнел? Шутка!

Официант исчез, а Вилкас внезапно отложил вилку.

— Кажется, Вы правы, господин комендант, не доверяя местной кухне. Я скоро вернусь, — и стремительно побежал по залу, опрокидывая по пути стулья.

Филиппов проводил его взглядом до туалета и мысленно напутствовал пожеланием утонуть в унитазе. Весь завтрак испортил, свинья политическая. А в следующее мгновение уже забыл о нём, услышав крик посыльного из комендатуры:

— Товарищ капитан, там, на улицах такое творится!

— Что случилось, сержант? — Филиппов резко встал из-за стола, опрокинув стул.

— Беда, товарищ капитан, поляки взбунтовались.

— И всего-то? И из-за этого разорался? Подумаешь, восстание. Поорут и перестанут. Местные обычаи у них такие. Сейчас как раз весеннее обострение. Так что отставить панику.

— Есть отставить панику! Только старшина просил передать, что комендатуру уже штурмуют. Толпа не меньше тысячи человек.

— Вооружены? Чем? — голос Виктора Эдуардовича сразу стал строже.

— Никакого вооружения пока нет, товарищ капитан. — Зато у каждого в руках крашенные яйца.

— Зачем?

— Не знаю, — пожал плечами боец. — Только они бегают по площади и громко кричат.

— Это вот как раз понятно, — согласился Филиппов. — И бежать неудобно, и больно, наверное, очень. Да ещё если краска едкая попалась....

Сержант слегка замялся, но всё же прояснил ситуацию начальству:

— Так они это...куриные покрасили.

— Да? А почему орут? И что конкретно?

— Не могу знать, товарищ капитан, в языках не силен. Но старшина говорит, что вроде как собираются всех белокрысых поубивать. Да я и сам слышал: — "Смерть бяла курва!"

Виктор Эдуардович с сомнением посмотрел на раннюю лысину посыльного. Ему то чего бояться? А вот переживает же за друзей. Вот что значит правильное советское воспитание.

— Я уже приказывал отставить панику?

— Так точно, товарищ капитан, приказывали.

— Ты на чём добрался сюда?

— На пожарной машине. И в колокольчик звонил. Больше ни на чём невозможно проехать. И так Андрюха пятерых задавил.

— Что за Андрюха? Кто такой?

— Да это же наш водитель из комендантского взвода. Ему всё равно, на чём ездить — хоть на лошади, хоть на танке. Лишь бы с ветерком.

В голове коменданта быстро прокручивались варианты развития событий. Самым слабым местом было отсутствие патронов. Были бы они, и не о чём печалиться, проблема решалась очень быстро. Не найдётся ещё толпы, пусть даже с яйцами в руках, способной противостоять взводу хорошо обученных пограничников с автоматами, подкреплённому парой крупнокалиберных пулемётов. Но стрелять нечем. Может, стоило вчера походить по краковскому рынку? Говорят, что на нём можно купить даже бывший в употреблении немецкий танк с небольшим пробегом. Но кто же знал?

Стоп! А вот эту мысль стоит рассмотреть повнимательнее.

— Сержант, ты где машину взял?

— Так радом с комендатурой. У нас во дворе пожарное депо и располагается. Только вход со двора. А! Я понял Вашу мысль, товарищ капитан. Мы будем разгонять демонстрантов водой из брандспойтов?

— В корень зришь, товарищ младший командир, — кивнул комендант. — Только не водой, а дерьмом.

— А где мы его столько возьмём?

— Ну не сами же сделаем, — улыбнулся Филиппов. Скажи своему Андрюхе, чтобы машину подогнал к канализационному люку. Вон он посреди двора. Заправляться будем.

Боец не придумал ничего лучше, как садануть прикладом в окно и прокричать на улицу:

— Андрюха! Миций! Подгоняй свою колымагу вот к этой хреновине на дороге!

Виктор Эдуардович решил уточнить:

— Слушай, сержант, а твой водила хохол?

— Да что Вы, товарищ капитан, самый настоящий русский. Только у него родители с Украины, и бабушка со всеми родственниками там живёт.

Андрей подрулил точно к люку, и комендант задал риторический вопрос:

— Кто полезет вниз?

Сержант только тяжело вздохнул в ответ, подцепил крышку, чуть приподнял, и отпрянул:

— Ух, как воняет!

— А ты ожидал, что жасмином запахнет? Вот она, привычка к лориган и к розам.... Давай шланг подключай!

— Так куда его тыкать, товарищ капитан? Тут две трубы — из одной вытекает, а в другую втекает.

— Давай к той, из которой течёт. Значит, там ещё есть.

Водитель из кабины подтвердил:

— Точно, там его больше. Ну что, включать?

— Давай!

Рядовой Миций прокричал в ответ что-то неразборчивое, и врубил насос.

Дальнейшие события запомнились противоборствующим сторонам по-разному. Но, рассмотрим случившееся с точки зрения коменданта, как наиболее близкого нам человека.

Пожарная машина, ведомая опытным водителем, рассекала волны демонстрантов подобно торпедо. Но, в отличие от последней, поливала толпу пахучими струями из лафетного ствола, торчащего над кабиной. Революционера, решительно настроившиеся встретить грудью свинцовые очереди, нашли себе более подходящее развлечение, прыгая в ближайшие лужи в попытке отмыться.

Машина пробилась в комендатуру, и капитан Филиппов решительно произвёл срочную мобилизацию среди местных пожарных. Сначала нехотя, понукаемые в спину штыками, бравые брандмейстеры быстро вошли во вкус, поливая соотечественников русским матом и польским дерьмом. Революция яиц была утоплена.... Кто сказал — в крови? Господь с вами. Чего была достойна, в том и утоплена.

А в последний момент капитан вспомнил о своём пленнике, оставленном в ресторане.

— Андрюха, гони! Ну и погнал, попутно размазав по мостовой ещё трёх разбегающихся инсургентов. Сами виноваты. Пешеходный переход на сто метров дальше.

Но Виктор Эдуардович опоздал. У дверей заведения его ждал сам хозяин ресторации, печально и торжественно прижимающий к груди шляпу.

— Извините, пан комендант, но Ваш завтрак спасти не удалось. Остыл совсем. Приготовить новый?

— Да чёрт с ним, с завтраком. Где тот господин, что пил мой коньяк?

— Ещё раз прошу прощения, но и его мы не уберегли.

— Сбежал?

— Нет, пан комендант, — ресторатор смахнул скупую слезу. — Он умер.

— Что, сердце прихватило? Ну, ещё бы, литровину засадил.

— Вряд ли это инфаркт. Просто когда Ваши солдаты подключили насос к канализации, этот пан сидел на унитазе....Вот его и всосало туда по пояс. Нижней частью.

— Надо было помочь, — упрекнул капитан.

— Мы пытались. Но он был такой толстый, что дальше не пролезал....

— Так вы его...?

— Нет, мы его потом и вытаскивать пробовали. Только поздно было. Ему давлением оторвало всё....

— Всё?

— Кое-что осталось. Хотите посмотреть?

— Не нужно!

И Виктор Эдуардович мысленно выругался. За такого пленника можно было бы немалый орден получить. А потом подумал, и махнул рукой. Не за ордена же служим!

Глава 28

Когда-нибудь потом, наступит божье время.

И мудрая любовь взойдёт на царский трон.

И кто-то вроде нас, закинет ногу в стремя

Чтоб ехать не на брань, а к богу на поклон.

Сергей Трофимов

Житие от Израила

Вот и настала моя очередь помирать от скуки и тоски. Казалось бы, чего ещё желать? Наш кораблик надёжно укрыт в тихой бухте, и зловредные северные ветра пролетают над мачтами, не задевая их. Даже подвижки льда всю зиму не беспокоили. На "Челюскине" тепло, светло уже круглосуточно, и тонуть мы не собираемся принципиально, а всё равно

что-то не то.

Надоело однообразие цвета. Белый снег, белый лёд, белые скалы ближайших островов. Только белое безмолвие отсутствует. И невозможно вообще. То боцман Заморский по палубе гоняет ездовых собак, распустившихся и обнаглевших без террора нашего Такса. То гидрологи начинают что-то бурить прямо под моими иллюминаторами, а на вежливые, но матерные упрёки отвечают, что полярный день — понятие относительное и от стрелок на часах не зависит.

Вот, пожалуй, и все наши развлечения. И охота на медведей не в радость. А что там интересного? Пошёл, увидел, застрелил. Рутинка. И сидим мы с Лаврентием Павловичем, как два Робинзона, и с завистью слушаем по радио последние известия. Вот где жизнь настоящая у людей идёт! Сказали, что наш Гиви подвиг совершил, до невозможности героический. Это он может. Без коньяка проживёт, а вот без совершений.... Как я его понимаю. И тоже хочу два ордена. Или один, но большой.

А кто это прётся без стука? Товарищ Берия, собственной персоной. Лёгко на помине. Ладно, ему можно не стучаться. Всё же у нас одна каюта на двоих.

— Я только что из радиорубки. За нами выслали самолёт. — Вот Лаврентий, вот молодец! Умеет же поднять настроение!

— Да ты что?!

— Серьёзно тебе говорю, Изяслав Родионович. В Москве очень заинтересовались нашей аналитической запиской, что на прошлой неделе передали. Вот Иосиф Виссарионович и побеспокоился.

— А кто у аппарата был, неужели сам?

— С Каменевым разговаривал. Говорит, что Гавриил Родионович в госпитале с тяжёлым ранением.

— Не может быть.

— Ну не врёт же он? А наш Такс погиб.

— Как?

— В бою, смертью храбрых. Увидев моё потрясённое состояние, Лаврентий Павлович протянул руку, и извлёк из воздуха стакан с коньяком, благо уровень святости уже позволял. Я принял лекарство с благодарностью. Но не полегчало.

— Не переживай так, Изяслав Родионович, — успокаивал Берия. — Завтра прилетит самолёт, на месте всё и выясним.

— Чкалова опять пошлют?

— Да, ты что, товарищ Раевский, новости не слушаешь? Наш Валерий Палыч ещё две недели назад в Америку улетел, рекорд дальности ставить.

— А к нам не заглянул по пути. Нехорошо.

— Полёт же беспосадочный.

— Ну и что? Кто узнает? В баньке бы попарились, за жизнь поговорили. Что за молодёжь пошла? Никакого уважения к старшим. Ладно, Лаврентий, пошли Воронина со Шмидтом предупредим. Не забывай, нам ещё прощальную поляну накрывать. Или как лучше назвать — льдину?

Житие от Гавриила

— Ну-с, молодой человек, на что жалуетесь? — хитрый прищур моего лечащего врача предвещал очередную гадость.

Тоже мне профессор. Образованный, вроде бы, дяденька, без пяти минут академик, а всё равно дурак дураком. В одной фразе сразу две ошибки допустил. Во-первых, я не совсем и молодой, просто выгляжу очень хорошо для своих лет. А во-вторых — совсем не человек, чем и горжусь.

Только доктор понять этого не может, и от своей беспомощности придумывает всё новые казни египетские, которые он называет исследованием скрытых возможностей моего

организма. Ох, и настырный тип! Уже два рентгеновских аппарата загубил, пытаюсь пересчитать органы в моих многострадальных внутренностях. Вот зачем это ему? Всё равно ничего не увидел.

И ладно бы искал пули, которые так и не смог вытащить. Нет, всё норовит облучить то, что грудью нельзя назвать даже при всём желании..

— На жизнь я жалуюсь, доктор.

— Это, батенька, не ко мне, — развёл руками врач. — Мы больше по другому специализируемся, всё о здоровье печёмся.

— Так я же здоров. Чего беспокоиться?

— Не знаю-не знаю..., - может оно у Вас и железное, но пока точно не убедимся....

А вот фигушки тебе, старый живорез! Знаю я ваше — убедимся. Это значит, что меня нужно разрезать, сунуть любопытный нос внутрь, убедиться, что всё в порядке, и ещё на пару месяцев уложить на госпитальную койку. В гробу я её видел. Совсем не прельщает сия блистательная перспектива. Валить отсюда нужно при первой же возможности.

Профессор всё не унимался. Постучал согнутым пальцем по моей мощно-геройской груди, и прислушался, как звенит в ответ невидимая под иллюзией больничной пижамы кольчуга. Она, родимая, и не позволила хирургам добраться до моего брэнного тела. Спасла жизнь, можно сказать. А что пули? Да тьфу на них. Мой метаболизм позволяет даже бомбические ядра усваивать. От чугуна, правда, потом страшная изжога.

В дверь палаты робко постучали, и появилось испуганное лицо пожилой медсестры:

— Рувим Яковлевич, тут к товарищу раненому посетитель пришёл.

— Я же сказал — никого не пускать!

Медсестра ойкнула и влетела в помещение. Следом за ней решительно шагнул высокий священник в парадной рясе.

— По поручению Его Святейшества Патриарха. С пастырским благословлением.

— Ну..., если так..., - пошёл на попятную профессор.

— Именно, подтвердил батюшка. — А теперь оставьте нас. Служение Всевышнему не терпит суеты. Или Вы, товарищ Шнеерзон, тоже желаете вкусить Божьей благодати?

Рувим Яковлевич не возжелал, и поспешил откланяться. А священник достал из пухлого портфеля пыльную бутылку, и повернул ко мне этикеткой.

— Она и есть, "Божья Благодать". Урожай двенадцатого года, крымская лоза. Господь обманывать не разрешает. А где тут у Вас стаканы, товарищ генерал-майор?

И только когда четвёртая бутылка вылетела в форточку и упокоилась с миром в зарослях расцветающей сирени под окном, святой отец заговорил о деле, с которым был отправлен ко мне.

— Сегодня вечером прилетают Ваши товарищи с "Челюскина".

— Батя, дай я пожму твою мужественную руку. Вот это новость. Спасибо, уважил.

— Подождите, товарищ генерал. Меня ведь не только Патриарх сюда направил. Ещё и сам Иосиф Виссарионович лично инструктировал.

— Мог бы и сам заехать, — заочно укорил я товарища Сталина.

— Нельзя, — вздохнул батюшка. — Потому и просили проделать всё тайно. Никто не должен знать о Вашей роли в событиях на территории бывшей Литвы и ныне покойной Польши. Международная обстановка обязывает и требует невмешательства. Одно дело — добровольцы, и совсем другое — целый генерал.

— И потому про мои мифические подвиги во всех газетах напечатали? Это Вы называете сохранением тайны?

— Позвольте не согласиться. Там фамилия нигде не указывалась, только инициалы. А.Г.Р. Может, это был бразильский генерал? По имени Альварец Гильермо Родригес?

— Угу, — согласился я. — Тот самый бразилец, который с криком: — "Вот я вам, блядям, ужю покажу!", сбил низколетящий литовский самолёт метко брошенным обломком рельсы.

— Что Вы такое говорите, Гавриил Родионович, "Правда" газета солидная, ни о каких блядях в ней не упоминается.

— Ладно заливать-то, святой отец. Своими глазами в "Комсомолке" видел.

Священник достал блокнот, и сделал в нём пометку:

— Совсем молодёжь распустилась. Примем меры, наложим епитимью.

— На Соловках или в Сибири грехи отмаливать будут?

— Упаси Господи, товарищ генерал. Кто же в наше время ценными специалистами разбрасывается? Поработают некоторое время в "Льне и Конопле", потом на "Мурзилку" перебросим. Оно пользительно будет для просветления ума и культуры печатного слова.

— Сурово, — только и посочувствовал я корреспондентам.

— А по иному и нельзя. Россия в кольце врагов, — батюшка перекрестился и добавил: — Аминь!

Да, против таких аргументов не попрёшь. Впрочем, и не собирался. Только переспросил:

— А что, действительно есть журнал про коноплю?

— Он про детей, и для детей. А, хотя бы и про коноплю, что такого? Наши советские коноплеводы — самые передовые в мире. Государственные награды получают. План перевыполняют ежегодно. И, даже, сверх плана....

Лекцию о взаимодействии детских периодических изданий и сельского хозяйства пришлось не слишком вежливо перебить прямым вопросом:

— Так что просил передать товарищ Сталин?

— Ах, да.... Простите великодушно, товарищ генерал. Самолёт с Земли Иосифа Виссарионовича сделает промежуточную посадку в Твери. Там Вы и подниметесь на борт. А уж по приземлении в Москве встретим, как полагается — цветы, шампанское, поездка по городу в открытых автомобилях...

— С цыганами? — уточнил я.

Глаза у батюшки мечтательно затуманились. Видимо вспомнил свою лейб-гвардии молодость, но быстро взял себя в руки.

— Этого нет в сценарии праздника. Но, учитывая Ваши пожелания, можем пригласить народный хор имени Клары Цеткин с одноимённой чулочно-носовой фабрики.

Такой вариант не устраивал уже меня. Ладно, обойдёмся. Проявим присущую архангелам скромность.

— Когда выезжаем?

— Хоть сейчас, — священник заглянул в свой портфель и поправился: — Вообще-то минут двадцать у нас есть.... Машина у ворот ждёт. Пока переодеваетесь, как раз успеем. Или нет?

— Что, значит, нет? Разливайте. Да пребудет с нами Благодать Божья!

Мы дружно перекрестились и, звякнув стаканами, восславили Господа. А переодеться, это я мигом. Только зашёл на минутку в ванную комнату, которой была оборудована моя отдельная палата, и сменил иллюзорное обмундирование. Но ордена настоящие оставил. Только количество уменьшил. Согласитесь, странно выглядел бы полярник, спускающийся по трапу самолёта, весь обмотанный, как революционный матрос пулемётными лентами. В том смысле, что лента Андрея Первозванного, и ещё одна, Георгия первой степени, смотрелись бы слишком вызывающе.

Но всё равно, на батюшку, знающего толк в наградах, мой иконостас произвёл надлежащее впечатление. Он вскинул руку к камилавке, вытянулся во фронт, и отпартовал:

— Ваше Высокопревосходительство, разрешите представиться — штаб-ротмистр Воронков!

— Будет Вам тянуться, святой отец.

Священник смутился, вспомнив о сане, и попросил:

— Вы подождите несколько минут, товарищ генерал. Я пока врачей с медсёстрами

отвлеку.

— Это ещё зачем?

— Не хотят Вас выписывать, сволочи. Упёрлись, и всё. Даже сам товарищ Сталин ничего не смог сделать.

— Вот они, вредители.

— Как Вы сказали? — Воронков опять раскрыл блокнот. — Врачи-вредители? Забавная формулировка. Не будете возражать, если мы её когда-нибудь при случае используем?

— Да пожалуйста. На авторство претендовать не буду. И гонорар не прошу, — я подошёл к окошку и выглянул вниз. — А знаете что? Давайте встретимся уже у машины? Тут вроде бы не высоко.

Раскрытая рама впустила в палату весенний воздух, пропитанный запахом распускающихся вишен. Я глубоко вдохнул и шагнул за подоконник. Привычно хлопнули крылья за спиной, а перед тем, как запоздало включил маскировку, услышал восторженный возглас:

— Слава тебе, Господи! Сподобил лицеизреть чудо Твоё на старости лет! Прости мне сомнения мои!

Сейчас встречу у машины, и спрошу.... Кого это он чудом обозвал?

Кремль. Кабинет И.В.Сталина. Поздний вечер того же дня.

— Проходите, товарищи, почувствуйте себя как дома, — Иосиф Виссарионович последним вошёл в свой кабинет, обернулся в дверях, и жестом что-то показал Поскрёбышеву. — По-хорошему бы нужно было ко мне на дачу поехать, но народ нас не поймёт. Положение обязывает. Если герои — так непременно и обязательно в Кремль.

Изя, сверкающий лучезарной улыбкой и новенькими орденами, среди которых был и Золотой Крест Героя Советского Союза, наклонился к моему уху и прошипел:

— Знаешь, где я этот народ видел? Он, видите ли, не поймёт. А нам приходится четыре часа по Москве ездить в унтах и песцовой шубе. От меня потом прёт, как от лошади Пржевальского.

— А ты бы меньше их нюхал. Вон, лучше на Лаврентия посмотри.

Наш Палыч со счастливой улыбкой ходил по кабинету, хорошо знакомому ещё с прошлой жизни. Но полностью насладиться процессом узнавания, когда каждую полузабытую вещь хочется потрогать руками, не позволили сталинские секретарши. Симпатичные девицы торжественным маршем прошествовали из приёмной, где ими руководил суевающийся Поскрёбышев. Строгий стол для заседаний покрылся разнокалиберными бутылками.

— А закусь? — Изя зачем-то спросил это у меня, будто это я руковожу кремлёвской кухней. — Гиви, ты тут местный, скажи им.

— Погоди, куда торопишься?

— Что значит, куда? Посмотри на этих профурсеток — сами всё слопают. А перед дальней дорогой следует подкрепиться основательно.

— Есть предчувствие? — способность моего напарника к некоторому предвидению давно не вызвала сомнений. Самая нижняя часть спины — штука точная, куда там барометрам-анероидам.

— Ещё не могу определить куда, но то, что пошлют — сто процентов, — генерал Раевский втянул воздух породистым носом. — Чую! Много вкусного чую.

— Обжора! — упрекнул я Израила.

— Просто осторожный. Лучше вот что напомни, — Изя ещё сбавил громкость. — Прервать речь вождя бурчанием в желудке — уже терроризм, или просто контрреволюционная агитация?

Чтобы заткнуть Изю рот, пришлось наступить ему на ногу, потому что Сталин уже принялся рассаживать своих гостей. Самолично, причём. Куда мир катится? Мне досталось место между двумя наркома. Слева Сергей Сергеевич Каменев, а справа Анатолий

Анатолевич Логинов. Я даже хихикнул про себя — можно желание загадывать.

Лаврентий Павлович скромно примостился на краю, рядом с Блюхером. Ну, с этими всё понятно — тайные службы лишних ушей не любят. А вот расположение напарника настораживало. С одной стороны сам Иосиф Виссарионович, а с другой народный комиссар культуры Булгаков. Все трое уже посматривали на меня, причём Михаил Афанасьевич с профессиональным интересом. А Изя умудряется шептать что-то на ухо сразу обоим. Вспомнит про гитару — убью! Два раза.

Логинов повернулся ко мне с бутылкой в руках:

— Гавриил Родионович, не желаете?

Его поддержал Каменев:

— Попробуйте, не пожалеете. КВ 2, сорок первый год выдержки пошёл. Из иностранных — разве что "Камю" сможет сравниться. Рекомендую, как нарком обороны. Способствует поднятию боевого духа.

И они будут объяснять?! Будто не пивали.... Я кивнул, и принялся высматривать кусочек сыра. И не нашёл, только брынза и сулугуни. И правильно! Какие могут быть разносолы, если в стране карточная система не отменена? Будем давиться осетриной....

— Внимание, товарищи, — Сталин привычно постучал вилок по графину, требуя тишины. — Сегодня мы собрались здесь, в узком кругу, чтобы чествовать мужественных покорителей Северного Ледовитого океана. Подождите... не нужно аплодисментов, всё же не в театре.

Иосиф Виссарионович замолчал, давая время осознать неуместность бурных оваций, набил трубку, отложил её в сторону, и продолжил:

— Но это — официальная версия. На самом деле, я собрал наше маленькое Политбюро для обсуждения аналитической записки товарищей Раевского и Берии-старшего.

— Какое Политбюро? — удивился нарком культуры. — Но я даже не коммунист.

— Это не существенно, товарищ Булгаков. Чтобы пасти баранов, вовсе не нужно становиться одним из них. И давайте не будем отвлекаться на такие мелочи, как партийная принадлежность. Всё равно других партий у нас нет, и не будет. А лучше мы совместим приятное с полезным, и вместо тоста пусть каждый расскажет о положении дел в его ведомстве. Кто первый, есть у нас добровольцы? Как Вы думаете, Семён Михайлович?

Не ожидавший подвоха Буденный вздрогнул, но поднялся со стула с самым решительным видом:

— Могу и первым сказать. В моих бронетанковых войсках.... Стой, Клим, куда наливаешь эту кислятину? Я воспитывался на самогоне, поэтому буду пить водку! Краёв не видишь? Только с мысли сбиваешь. О чём мы начали?

— О бабах, — шёпотом подсказал Ворошилов, но наткнулся на укоризненный взгляд Сталина. — Про свои войска ты говорил.

— А чего о них говорить? У меня всё в порядке. Вот только найти ту сволочь, что мосты строила.... Шестнадцать танков утопили на переправах.... Не выдержали веса и рухнули....

— Новые? — ахнул Климент Ефремович. — Почему никто не докладывал?

— С какой стати? Или ты уже за мосты отвечаешь?

— Я про машины.

— Слава богу, нет. А то бы хрен когда вытащили. Тридцать тонн веса — это не шутка. Клим, ты представляешь, что такое цементированная броня?

— Какая? — переспросил Ворошилов. — Так вот куда пропадают дефицитные стройматериалы! Ты это прекрати, слышишь? Работай, но не в ущерб строительству укрепрайонов.

— А ты не лезь не в своё дело.

Сталин остановил перепалку военачальников:

— А зачем Вам такие тяжёлые танки, Семён Михайлович? Старые не устраивают?

Буденный кивнул, подтверждая слова вождя:

— Для того, Иосиф Виссарионович, чтобы о противнике не докладывать. Вот приезжайте завтра на полигон, покажу.

— Про освящение техники не забудьте! — громогласно напомнил Патриарх, с недавних пор присутствующий на всех мероприятиях.

— Само собой, Алексей Львович. Вот закончим испытания, и перед запуском в серию обязательно пригласим благословить. К концу лета не сильно заняты будете?

— На святое дело время всегда найдётся. Делать танки — занятие богоугодное.

— Так их по всему миру делают тысячами, — попытался возразить Булгаков. Но замолчал, увидев здоровенный кулак предстоятеля.

— Не богохульствуй, Михаил Афанасьевич, и не впадай в ересь. Сатана, в подражание Господу, создал обезьяну. И тут, по аналогии...

Акифьев налил себе кагора, перекрестил стакан, и поднялся:

— Ну, раз у Семёна Михайловича всё в порядке, дайте я скажу.

И начал говорить.... Красиво так и складно, как подобает выпускнику Нижегородской духовной семинарии. Больше всего мне понравился рассказ о тяжёлой работе по искоренению буржуазных отрывков, противных православному Советскому государству, заключающихся, главным образом, в гомосексуализме, толкиенизме, и либерализме. Да, если с первыми двумя всё понятно, то чем же ему гнилые либералы не угодили? Я решил уточнить:

— И каким образом Вы их искореняете?

Алексий не промедлил с ответом:

— Исключительно по староотеческим заветам.

— В монастырь?

— Господь с Вами, Гавриил Родионович, есть и более действенные методы.

— Знаю я эти методы, — пожаловался сидевший рядом Логинов. — У меня из-за них постоянные международные скандалы. Шесть стран уже прервали дипломатические отношения и отозвали посольства. За что повесили голландского третьего секретаря?

— Чем грешил, за то и повесили, — сурово отрезал Патриарх. — И впредь не будем придерживаться политики двойных стандартов.

— Тогда и Шуленбурга туда же.... Пруссию обещал? Даже договор подписал, а не отдаёт, собака. И кто он, после этого?

— Сделаем, Анатолий Анатольевич, сейчас вот в блокноте помечу.

Сталин слушал разговоры и добродушно улыбался в усы. Ну прямо умилительный портрет для Дворца пионеров. Но при упоминании германского посла вмешался:

— Вы, товарищи, поаккуратнее. На нас и так уже весь мир косится. И, согласно докладу генералов Раевского и Берии, собирается пойти войной.

— Как это, все сразу? — удивился Ворошилов.

— Может и по отдельности. Или, вообще без объявления. Англичане уже перебросили в Финляндию четыре своих дивизии. Могли бы и больше, но норвежский король товарищ Хокон, выполняя условия нашего договора, обещал торпедировать любое судно в Баренцевом море.

— И лимонники испугались? — усомнился Климент Ефремович.

— Нет, конечно. Но очень удачно прошёл слух о размещении в шхерах северной Норвегии трёхсот семидесяти советских подводных лодок.

— А у нас столько есть?

— Пусть над этим в Лондоне голову ломают. Только вот всё дело в том, что для нас и тех войск, что успели перевезти, за глаза хватит.

— Хреново, — с солдатской прямоотой оценил обстановку Будённый. — Новые танки по карельским болотам не пройдут. Да их всего-то три штуки. Разве что лёгкими БТ-шками обойдёмся?

— Боюсь, и этого будет недостаточно, — тут уже Изя не вытерпел. — По результатам анализа радиоперехватов, по другим косвенным данным, на стороне нашего противника

собираются выступить Турция и Чехословакия. Поэтому, я бы порекомендовал начать частичную мобилизацию и переброску войск с Дальнего Востока.

Тут уже у Блюхера глаза на лоб полезли:

— Вы что, товарищ Раевский, хотите чтобы японцы ударили нам в спину? Думаете, они простят нам потерю Манчжурии и Хоккайдо?

Изя вопросительно посмотрел на Сталина, требуя поддержки. Тот неторопливо раскурил трубку и ответил:

— Не беспокойтесь, товарищи, с этой стороны мы уже обезопасились. Я попросил Егорова вернуть остров Японии....

Тишина, даже рюмки не звякали. А Иосиф Виссарионович выпустил облако дыма и уточнил:

— В обмен на Аляску.

Никто не успел проникнуться восхитительной бредовостью и наглостью идеи. Громко и требовательно зазвонил телефон и на пороге возник Поскрёбышев.

— Простите, товарищ Сталин, Вы приказали ни с кем не соединять.... Но тут.... Понимаете...

Вождь взял трубку и нажал кнопку громкой связи.

— У меня нет секретов от Политбюро, — пояснил он. — Сталин у аппарата. Что? Владимир Ильич?

Мощный динамик разнёс по кабинету знакомый до боли картавый голос нашего шефа:

— Гавриил! Убери от меня свою крылатую бестию! Немедленно возвращайтесь!

Техника плохо передавала оттенки звуков, наверное, из-за помех, создаваемых местным халявником, но в интонациях явственно слышалась паника. А ещё донёсся нарастающий вой, как у пикирующего бомбардировщика.

— Что случилось, Владимир Ильич? — вождь продолжал заблуждаться насчёт личности собеседника. — Прислать комендантскую роту?

— Нет, — донеслось в ответ. — Лучше проследите, чтобы товарищи вернулись без задержки.

— Каким образом?

— Включая портал перехода.

На стене засветился прямоугольник, переливающийся голубоватыми искрами. Ладно ещё шеф не стал выходить из образа, и в уголке портала блестела золотом надпись — "Сделано в СССР". Но, как мне кажется, знак качества тут был лишним. Он позже появился.

Сталин посмотрел на новое украшение кабинета, потом на меня, на Изю, сгребаящего икру с тарелок в ведёрко для льда, на Лаврентия, растерянно протирающего пенсне, и сказал:

— Что же, товарищи.... Такие приказы нужно выполнять. Думаю, мы ещё встретимся. Вы сейчас в Конотоп, к местному леснику?

— Почти, Иосиф Виссарионович, — по возможности честно ответил я, и подошёл к portalу. — Даст Бог, увидимся.

Эпилог

Кабинет шефа встретил нас небывалым разгромом. Неужели Николай так распустился за сравнительно недолгое время? Вроде бы отсутствовали всего девять с небольшим месяцев, а тут такие перемены. Кстати, а где само начальство?

Из-под стола чуть показался краешком медный шлем римского центуриона.

— Кто здесь?

— А кого ждали?

— Это вы, — облегчённо выдохнул шеф, выполз из своего укрытия и снял блестящую кастрюлю с головы. — Я уже боялся....

Нет, не зря боялся. А вот с каской рановато расстался. Крылатый Такс появился

неожиданно, задрал на лету лапу и, Орёл, как есть орёл. Даже больше, так как птицы столько не наделают.

— Он сквозь стены научился проходить, — пожаловался Чудотворец. — И ещё обзывается словами нехорошими.

— Что, говорить научился?

— Нет, только материться. Берегись...!

Мне то чего опасаться? Разве что того, что это летающее чудовище залижет до смерти. Вот он опять появился, и с радостным визгом бросился целоваться.

— Брысь, зараза! Отстань, говорю тебе. Дай лучше сам поцелую! Тебе кто разрешил помирать, собаке?

Такс не ответил, только всё старался залезть на голову, помогая себе крыльями. Интересно, отчего такая мутация образовалась? Изя, явно обрадованный встречей с воскресшим младшим другом, вывалил на стол спасённую со сталинского банкета икру.

— Кушай, дорогой, кушай. Совсем тебя, наверное, голодом заморили?

Умилившись хорошим аппетитом всеобщего любимца, мы как-то пропустили момент, когда шеф запустил в него солидным фолиантом, весом не менее пуда. Тяжёлая книга ударила Такса в бок и отбросила во всё ещё работающий портал, который после такого насилия с треском схлопнулся.

— Что же ты делаешь, гад? — возмутился Израил и ударил начальство в ухо.

Николай отлетел ко мне, и удачно подставился под хук с правой. Лаврентий Павлович, как истинный боец невидимого фронта, предпочёл не афишировать себя, а просто пнул сзади, удачно попав туда, куда и целился. Шеф скрючился, застонал и упал. Но через некоторое время чуть пришёл в себя и бросился бежать, выкрикивая на ходу:

— Завтра оба ко мне на ковёр! К девяти утра!

— А я? — возмутился Берия.

— А с тобой Бенкендорф разбираться будет!

Я обещал рассказать, с чего всё начиналось? Ну так слушайте.

На следующее утро мы и получили свои выговоры. И приказы о понижении в должности — нас переводили в отдел распределения и адаптации душ. Простыми ангелами. Да Бог с ними, с чинами. Сейчас другое беспокоило.

— Я его не брошу! — Изя стукнул пивной кружкой по столу.

— Надо что-то придумать.

— А чего тут думать, Гавриил Родионович? — Лаврентий закончил протирать пенсне и принялся за полировку нимба. — Действовать надо.

Обстановка местной пивнушки под названием "У Агасфера" располагала к неспешной беседе. Но времени не было. Мы планировали спасательную операцию по извлечению нашего Такса из параллельного мира.

— Не помешаю? — Перун Родионович, сейчас более известный под именем Ильи пророка, грузно опустился на стул. — У вас проблемы?

— А тебе чего? — огрызнулся я.

— Знаю способ.

— Говори.

— Здесь? Там одних инструкций на целую книгу наберётся. Но если не хотите....

— Хотим. Пошли отсюда. Коньяк брать?